

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГИМНАЗИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК

ВЫПУСК

IV

Санкт-Петербург

2013

Составители:

Шалугина Галина Васильевна
Кузнецова Ирина Вениаминовна
Воронина Диана Кимовна

Художник:

Обатнина Татьяна Алексеевна

Рисунки:

Горченко Юлия Сергеевна

Эхо : Литературный сборник / Академическая гимназия
Э95 при СПбГУ. — СПб. : «Реноме», 2013. — Вып. IV. — 364 с.
ISBN 978-5-91918-373-0

Традиционный, четвертый уже по счету, сборник литературных произведений выпускников и преподавателей 45 школы-интерната при ЛГУ (ныне Академическая гимназия при Санкт-Петербургском государственном университете), посвященный 50-летию учебного заведения. Составители сборника, по возможности, старались сохранить авторскую редакцию.

ББК 84(2Рос)6

*Посвящается 50-летию
Специализированной
физико-математической и
химико-биологической
школы-интерната № 45 при ЛГУ –
Академической гимназии СПбГУ*

Анна Александровна Тишкова

Друзья, мне выпала большая честь:
Поздравить Интернат с его рождением,
Свидетельствовать, что он был и есть
Наперекор и обстоятельствам и мнениям.
Что пожелать ему?
– Мудреть и процветать
Творить, учить, учиться, постигать
Всемирный разум
И крепить союз
Наук естественных и
Многокрылых муз.
А в вас нам видеть хочется, ребята,
Достойных граждан Интерната.

16 октября 1990 года

Интернату 50 лет! И он есть!

И «Эхо» есть тоже. Уже четвертый выпуск, потому что математики, физики, химики и биологи, как оказалось, без стихов не могут

...Пока пишу – дышу, живу я снова!
В конце концов, вначале было Слово...
(Юрий Турунов)

Откликнулись те, кто были первыми, и те, кто учатся сейчас. И все-таки, главные страницы четвертого выпуска «Эхо» – первопроходцам. Впервые много прозы.

В предыдущих сборниках было то, что особенно тронуло и «зацепило». Ищешь этих авторов и в этом сборнике. Есть!

...Мне снился лес, глядящий из воды
Лишившийся опоры, отраженный,
В холодный омут неба погруженный,
Как человек в предчувствие беды.
...Он продолжался в воздухе земном
Сухим стволом и мертвыми ветвями,
Вцепившимися в свет за облаками,
Как пальцы рук, в отчаянье слепом...
(Юлия Хайрутдинова)

...Ещё один рассвет, растроченный напрасно?
На чашечке цветка блестит кристалл росы.
И стрелками скребут, шагая безучастно,
картонный небосвод планетные часы.

Ещё одна душа смятением объята.
И ей для снов чужих не подобрать ключи.
И капелька росы размером в три карата
Вмещает тысяч звезд погасшие лучи...
(Дмитрий Бураго)

Кто-то уже выпустил собственные сборники стихов, но почитает за великую честь быть опубликованным именно в «Эхо». Эхом перекликаются стихи одноклассников, обращенные друг к другу. Воспоминания, возвращение, обращение через стихи и прозу. «...Спасибо всем моим учителям, самый главный урок

в моей жизни – нужно заниматься исключительно тем, что тебе действительно нравится, тогда и только тогда ты будешь счастливым человеком!...» (*Татьяна Колесникова*).

Один из выпускников интерната как-то сказал: «Жизнь измеряется числом моментов, когда у нас перехватывает дыхание». По Прусту «есть время узнавания, а есть время чтения в узанном...». Последнее – обычно во второй половине жизни. Так, и феномен личности не рождается, он появляется лишь во втором рождении, во втором плавании... И это очень чувствуется в стихах.

...Цените удовольствия, которых
Сегодня Вы ещё не лишены:
Упасть лицом в осенних листьев ворох,
А насладиться запахом весны...

(*Юрий Турунов*)

О чем же четвертый выпуск «Эхо»? Да, все о том же,
– **об интернате**... «...Оказаться в среде тебе равных и тебя превосходящих – вот подарок Судьбы!» (*В.Горелов*)...

...Лучший в мире
Дождь в Петергофе...
(*Юлия Горченко*)

Интернат ничем другим не заполнить, не заменить, только самим интернатом...

«...Домой хочется! А там – ни ФМШ, ни Эрмитажа... Без Эрмитажа тяжело, но потерпеть можно. А вот без ФМШ...» И решили ребята эту проблему очень просто! Решили создать «по образу и подобию»... Некоторые «ушли в школу», стали научными руководителями исследовательских работ школьников, организовали кружки и творческие объединения...

– **о своем родном доме**...

Город детства – страна ясноокая
И вдали все равно я твоя.
При волненье отчаянно окаю,
Потому что из Вологды я...
(*Ирина Скворцова*)

– **о любви**, конечно, о той, которая была тогда, и никуда не ушла, и о той, которая настигла потом

«...Я катет, и Серега катет,
Гипотенуза лишь одна!

Она давно живет в Сан-Ремо,
А мы всё те же – ей верны...
Такая, в общем, теорема
Про пифагоровы штаны...»
(*Николай Незговоров*)

...Соединила жизнь колечком обручальным,
Но не спасла любовь, не знаю почему...
(*Ирина Скворцова*)

– **о жизни, о себе**

...Я провожал глазами птичьей стаи,
И так хотелось взмыть за ними вслед.
Да, в небе я парил, во сне летая,
Но просыпался снова на Земле...
(*Цымбаревич Олег*)

И это «Эхо» – еще и встреча
...Есть многие, кого хочу обнять.
Но континенты, время, океаны...
(*Д.Бураго*)

И несмотря на «континенты, время, океаны» – Встреча!

Анна Алесеевна Карцова

От составителей

Это уже четвёртый выпуск Эха, а с первым его разделяют каких-то двадцать лет... Поэтому хочется напомнить, что первые Эхо было задумано и создано замечательным, волшебной чистоты, глубоких познаний и проникновенной мудрости человеком – Анной Александровной Тишковой.

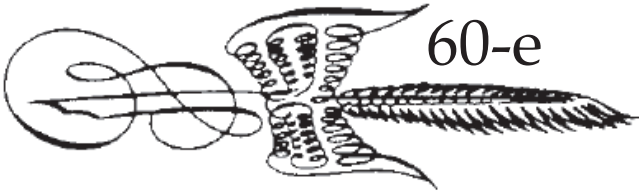
А мы живем, традиции храня,
И в «Эхе» слышен голос поколений,
Ведь в творчестве, как в отблеске огня
Свет наших дум, исканий и свершений.

Мы – звенья интернаатовской цепи,
Пусть изменились время и название –
Остались нам чудесные стихи,
Любовь и дружба и воспоминанья...

Пусть жизнь течет, как Невская вода
Среди своих гранитных побережий,
Но смысл ее все тот же, навсегда,
И радости от встречи с «Эхом» те же.

Гордимся, что сегодня 50
Родной любимой ФМШ-ой школе
Пусть наши поздравленья прозвучат
Прекрасным Эхом имени Тишковой.

Мы рады, что останется от нас
В 13-том 4-ый номер «Эха»
Наш не последний сборник, в добрый час.
Всем авторам любви, добра, успеха!

60-e

Березин Сергей

Выпуск 1970 год 10Д класс. Жена Галина (с 1990), дочь Елена (1991). Окончил РТФ ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина) в 1981 году. Род занятий: разработка средств артрязведки, космической разведки и наблюдения. Работа: инженер-исследователь НИИ «Стрела» (1981–1985); инженер-технолог ГОИ им.С.И.Вавилова (1985–1992); инженер кафедры физики ЛВВИУС им.Ленсовета (1992–1993); бухгалтер, гл.бухгалтер (1993 – н/вр). Сотрудничал в разное время с ЗАО «Всемирная ярмарка «Российский фермер», ЗАО «Метромком» и др. Хобби: радиоспорт (чемпион Ленинграда 1980 г.), музыка, тихая охота. Пишу стихи и прозу с пятого класса...

Электронный адрес: UA1169@yandex.ru.

«Как верит солдат убитый...»

(Б.Ш.Окуджава)

На заре затрубили архангелы...

Поперхнулись...

Замолкли...

Очи спрятали в крылья

От щемящей тоски.

Под раскаты вселенской грозы

От парящей реки

Потянулись к вратам

Батальоны...

Полки...

Легионы!

Всех их счесть поименно?! Ты бредишь, о господи!

Да и ангельских перьев не достачит в раю!

И идут до сих пор

Бесконечной колонной

Те, кто умер за нас, приближая победу свою.

2010

Замычала протяжно и глухо,
Пару раз вздохнув обречённо,
И рога наклонила к кормушке
Неуклюжая и беззащитная
Корова
Моей
Любви.

1972

Хокку

В морозном небе –
Белая стрела. Смотрим
Из разных окон.

1985

Привет, ведущий инженер!
Куда ведёшь? В какие страны?
Вчера ты был нам друг желанный,
А нынче – просто старый Х...

1992

Хокку

Какой я поэт –
Хороший или плохой?
Бумага терпит.

2013

Назначен в цензоры! Хотел – в поэты...

Мерси, Николенька, тебе за это!
Теперь я – Дубельт,
А мнилось – Пушкин...
Эй, няня! Няня! Несите кружку!
Упьюсь я в дупель,
Усну в канаве.
Как прихотлива дорога к славе...

2013

Горелов Вячеслав

Студент 1965–1971. Выпускник первого, 1965-го года выпуска ФМШ-45; выпускник физфака ЛГУ им. А.А. Жданова 1971-го года. В 1971–1977 годах работал в ГОИ им. С.И. Вавилова. В 1973-м женился. В 1974-м и 1976-м годах соответственно родились сын Андрюша и дочь Наташа. 1979–1992 – это годы моей работы в Морской полярной геологоразведочной экспедиции ПГО «Севморгеология».

Дизельэлектроход «Наварин»

Жизнь на «чёрном»*) парохде)**

Не такая чёрная
Пусть на «белом» –
кто-то скажет:
Палуба просторная.
Здесь, зато,
куда ни ткнись –
Тянут тросы
сверху вниз.
Держат груз
за все концы.
Чудо тросы,
молодцы!

Вот мою бы душу так,
Да поставить
на растяг!
Чтоб не ныла,
не скулила,
Не скучала по земле,
А спокойно
плЫла... плЫла...
Вдаль на чёрном корабле.

1991, 35-я САЭ

**) чёрным, в отличие от белого, пассажирского, называли в экспедиции судно грузовое.*

****) так уж я привык. Любое морское судно называю «пароход». Как один из моих коллег по Полярной Экспедиции, Степан Макаревич, ставил в тупик продавщиц в рыбных магазинах, называя любую рыбу «карась».*

Притяженье Земли

Если б не было вдруг притяженья Земли –
То бы волны морские нас кинули на бок.
Отлетал бы как мяч наш корабль от них.
Он и так словно мяч, но Земли притяженье
Не даёт нас в обиду этим бесам морским...

Океан беспокойный от ветра вскипает.
Налетает волна, разбиваясь о борт корабля.
Я с тобой, дорогая. И для тех, кто не знает,
Говорю, повторяю: Я с тобой, дорогая моя!

Ветер волны вздымает. У нас непогода.
А что там, у тебя на земле? – я узнать бы не прочь.
Только радио-волны до нас не доходят чего-то,
А морские...
не в силах пока никому в этом деле помочь.

Не бросать же бутылку?! Её ты не скоро получишь.
Будем радио ждать. Выручало оно и не раз.
А пока нет вестей – мы с тобой всё равно неразлучны:
Притяженье Земли далеко разлететься не даст!

Мы не видим в том загадки.
Просто знаем. Я и ты.
У природы – всё в порядке!
И растенья, и цветы...

Нет души у апельсина
И тревоги у травы.
Только... Что за чертовщина?
И деревья, и кусты

После лета тёплой сказки
Сохраняют бодрый вид.
Не хотят менять окраску
На осенний колорит!

Доктор Чуркин

Как конструктора деталь
Выделяет шустро.
Зуба старого не жаль,
Глядя на искусство.

Доктор Чуркин, посмотри,
Действует умело!
– Заходите! – говорит,
– Что у Вас за дело?

Этот зуб? А может – тот?
Удалить желаете...
Незаметно шприц берёт
– Что-то Вы зеваете...

Ну, расслабьтесь...
Вот и всё.
Ждите в коридоре.
Кто там к Чуркину ещё?
Что у Вас за горе?

В коридоре я сидел,
Тягостно вздыхая.
Вызов. Снова в кресло сел
(или – лёг, не знаю...)

Доктор сверху подошёл,
Молча вынул корень.
Был ли я когда ещё
Так судьбой доволен?

За бортом –
аквамарин!
На борту –
Работа, блин!..
Делать нечего – транзит.
Красим всё, что надлежит:
Барабан лебёдки,
Стенки и подмётки.

Труд на судне чем хорош?
Поработал – пожуёшь.

Вижу: пьёт Андрей компот.
На усах чего-то.
Станет стряхивать – поймёт:
Славно поработал!

Не помогут тут тебе
Чистые салфетки!
На усах и бороде
Ветер ставил метки.

Посмотри на облака –
Краска белая – крепка!
Как захочешь чистым быть –
Левый ус придется сбрить.

Ходить на задних лапах
Угадывая такт,
Стремился косолапый
Не очень-то моряк.

Не хочет клюнуть носом,
Об стену биться лбом.
Но палуба из досок
Вставала под углом.

И ветер щерил гребни
Барашковой волне...
– Профессия из древних!
Сказали как-то мне.

– Не женская, конечно,
Там были подревней!
Ну что, моряк и грешник,
Немного веселей?

А солнце продолжало
Светить сквозь облака.
Не много и не мало –
Но живы мы пока!

И улыбнулся ветер,
Стал добрым и родным.
Как много на Планете
Считается морским!

И день хорош! И воздух
Сегодня потеплей.
Удачи вам, матросы,
Судов и кораблей!

Чтоб море – колыбелью,
А не животным злым
Казалось в те недели,
Что мы проводим с ним!

Вот кот замаякал кому-то призывно,
Как тень, проходя по карнизу.
А я, представляете(!),
Встретил Кристину,
Карину, а с ними
и Лизу!

Не «здрасьте», а
– Здрав-ствуй-те! –
Мне закричали
Девчонки откуда-то снизу.
Опять на асфальте чего-то писали
Кристина, Карина и Лиза...

Склерозом надёжно себя охраняю
От бед и житейских коллизий.
– Как звать вас, девчонки?
Смеясь, отвечают:
– Кристина,
Карина
и Лиза!

Опять прохожу, и опять примечают.
Их «Здравствуйте!» – вроде сюрприза.
А, может, они что-то важное знают? –
Кристина,
Карина
и Лиза?

Когда-нибудь взрослыми будете сами –
Оставьте эти капризы.
Но завтра...
я сам поищу вас глазами!
Кристина,
Карина
и Лиза.

Тишина на вечернем проспекте.
Пробежал запоздалый трамвай.
Скоро в школу отправятся дети,
Лету жаркому скажут: прощай!
Ну и лето прошло – загляденье!
Ночи – южным, пожалуй, сродни.
У природы умиротворенье,
И последние августа дни.
Тишина, ветерочка прохлада.
Не кончайся, прошу тебя, нет!
Лето милое,
 нега,
 улада,
Божий дар,
 тёплый день,
 жаркий свет!

В тени деревьев снег лежит.
Апрель поёт – предвестник мая.
И солнца лучик норовит
Согреть меня, теплом лаская.

Всё реже повод мне сюда
Придти, примчаться, приобщиться.
Бегут-текут мои года,
Как в речку талая водица.

И никаких тебе хлопот.
Вода в квартире. Встал, умылся.
Но что-то грустная растёт
Берёзка там, где я родился.

Здесь ели встали до небес.
Здесь облака пышней и выше.
Я здесь родился и воскрес.
Здесь, в Сиверской, а не в Париже.

Что мне другие города?
Что мне фонтаны Петергофа?
Когда влечёт меня сюда,
Как будто здесь моя Голгофа

Если утром
встать захочешь
Улыбнёшься
невзначай –
Это значит
в жизни очень
Повезло тебе,
считай.

Если,
девушку увидев,
Сердце скажет:
Тук-тук-тук –
Это значит
не в обиде
Ты остался,
милый друг.

И когда-нибудь
ты вспомнишь:

Были годы,
были дни...
Если хочешь,
если можешь –
Радость эту
не гони!

Если рано
встать захочешь,
А зевнёшь –
уже смешно.
Это значит,
между прочим,
Счастье мимо
не прошло!

Тербуны, Тербуны...

На перроне метро
я иначе себя ощущаю.
Словно птица без крыльев –
такое сравнение влёт.
Не пройдёт двух недель –
и я снова тебя повстречаю.
Но сейчас пустота.
Несмотря, что повсюду народ.

Легче мне самому,
сознавая: пора на работу.
Уезжать, собираться,
за тридевять гор улетать,
Чем тебя отпускать.
Но ведь если подумать: всего-то
Дней двенадцать – и снова
(о, радость!) поеду встречать.

Три сестрёнки твои.
Интернет вам позволил списаться.
А двоюродный род –
он по нынешним меркам – родной.

Сколько рек утекло!
Вам лишь раз довелось увидаться.
Молодец, что решилась.
Удачной поездки, друг мой!

Тербуны, Тербуны...
Это в Липецкой области где-то.
Всё что знаю пока:
сердцевина раздольной Руси.
Хорошо сочинять
в декабре ожидая рассвета.
В Петербурге метель.
Но по-прежнему ходят такси.

09.12.12

- Балдею!

- Спасибо! – мне Вася сказал.
За то, что «балдею», – спасибо?
Василий наш боцман.
Он с виду – пацан.
Работает парень красиво.

Вот, помню я, как-то
он руку свою
Порезал ножом не на шутку.
Надел рукавицу
и эту фигню
Как-будто забыл.
И не жутко,
Что где-то на свете микробы живут...
И раны, бывает, гноятся...
А он вот забыл –
Что поделаешь тут?
И всё зажилО!
Так-то, братцы.

А нынче – Рас-свет!
И Светило встаёт
Торжественно!
Ярко!
Красиво!
Пока не штормит.
Новый день настаёт.
И Боцман сказал мне «Спасибо!»

Море не знает запаха краски.

Это всё – боцман! Он, «паразит»!
Не предавая такое огласке
Ветру морскому открою транзит

В иллюминатор*) А здорово это!
Всё открутилось, открылось и вот –
В нашу каюту врывается Лето!
Плавню снаружи вовнутрь течёт.

Шелест волны, как у берега Крыма...
Солнечный, ветренный, радостный день!
Боцман, а я ведь стихами своими
Вовсе обидеть тебя не хотел...

Знаю: не красить – и всё заржавеет.
И пароход проживёт меньше лет.
Просто мне ветра дыханье милее.
Здесь ничего необычного нет.

*) При работающей системе кондиционирования открывать иллюминаторы во внутрисудовых помещениях не рекомендуется.

Баку

*«Я знаю – город будет,
Я знаю – саду цвести,
Когда такие люди,
В стране Советской есть»*

Владимир Маяковский

Я думал: Баку – это вышки и Каспий.
Но жизнь оказалась немного другой.
Лети и участвуй! Лети и участвуй!*)
Иначе, товарищ, пора на покой.

И даже не вид этих зданий изящных –
Таких в Сингапуре побольше пока.
А вот отношение друзей настоящих
Приедем понравится наверняка.

Апрель. Солнце жаркое. Ветер холодный.
Он северный ветер и тем знаменит.
Проспект Ататюрка. Гуляю свободно –
Куда интуиция мне повелит.

Быть может – направо? А может – налево?
Я раньше в Баку никогда не бывал.
Спрошу-ка дорогу. Ведь здесь, слава Богу,
Должны быть и набережная и причал...

И что интересно: не раз и не два
Я спрашивал что-то прохожих.
По-русски порой разумели едва,
Но кто по соседству – услышит слова –
И сразу советом поможет.

Вот стройка большая. Глубит котлован
Подземных парковок этажных.
А вот – транспортёр. Он понравится вам
Быть может когда-то однажды.

*) Курсы техники безопасности при работах на море «BOSIET».

Когда захотите вечерней порой
Каспийской морской любоваться волной
И тем, что построили люди.

Прости Маяковский, любимый поэт!
Советской страны, к сожалению, нет.
Но город твой всё-таки будет!

К Юбилею ФМШ-45

(на мотив всем известный)

Долгими осенними ночами,
Отлетают листья от ветвей...
Нынче не до сна.
Мы вспоминаем с вами
Дорогих своих учителей.

Помним наши будни интерната,
Когда мы – девчонки, пацаны
Даже Ленинграду
 просто были рады
И тому, что в нём учились мы.

На просторы жизни необъятной
Мы стремились быстро улетать.
Жалко, что не все
 вернулись, вероятно,
Пятьдесят сегодня отмечать.

В Петербурге пасмурное утро.
Дождик по аллеям моросит...
Осень в октябре,
 похожая на чудо!
Листопад отменный на Руси!

Долгими осенними ночами,
Отлетают листья от ветвей,
Нынче не до сна.
 Мы вспоминаем с вами
Дорогих своих учителей.

Ковнер Сергей

Выпуск 1970, 10А. Окончил прикладную математику в ЛГУ с 1975г. По распределению поехал в Смоленск. С 2000 года заведую учебным центром общества «Знание» – обучаю народ работать на компьютерах. Женат. 2 дочери. В свободное от основной работы время занимаюсь книгоиздательством. За 6 лет издал более 60 книг различными тиражами: начиная с собственного сборника стихов до книг смоленских авторов и репринтных переизданий краеведческой литературы.

Из тетради «Крохи»

Дневник

Живу я ночью,
урезав сон,
прошедшим днем.

24.03.1971, Ленинград

Дружи, дрожа...
Но - выдержи,
не выдрожжи!

1.11.1973, Ленинград

Притронуться к коже воды,
пальцы не намочив, –
нежность.

28.02.1974, Ленинград

Усталость
Лежу и смотрю на аквариум,
в котором плавают
мои мысли.

12.08.1974, Ленинград

Рождается в крике
и тихо уходим.
Язык. Одиночества.

3.09.1974, Ленинград

Смольный собор
Собор – небесный:
облака, голубизна и солнце –
вот три цвета дня!

30.04.1974, Ленинград

Старые письма
Это всего лишь слова
на пожелтевшей бумаге.
И сердце сильнее не бьется.

23.10.2005, Смоленск

Красный день календаря
Дебилы децибелами
скверик оскверняют.
Та-кая тос-ка!

7.11.2010, Смоленск

Из «Дорожной тетради»

Так и живем – порозно –
память и я.
Письма писать не поздно
только друзьям.
Падают слов капли –
марта звон...
Помню лишь взлет – сабли –
сердце – вон.

15.03.1977, Смоленск

На Невском можно встретить даже тех,
кто уже умер.
Никакая сила
дрожь не уймет, коль память воскресила,
нет, подсказала:
взгляд,
движенье,
смех...

24.04.1977, Ленинград

Молчанье городов чужих,
дожди вечерние, соборов увяданье, –
наверно, я не проживу без них
и одиночества беспомощного...
Данью
тоски великой оплатил проезд
в страну забвенья горестей и счастья.
Я пью чадящий – пусть глаза мне ест! –
напиток желчи с кислотой – страсти.

4.06.1977, Брест

Советские писатели
Пописывают.
Попискивают.
Их почитывают.
Но не почитают.

Август 1977, Смоленск

Спор с другом

Серее Резнику

По улице, стекающей в свинец
неласковый, осенний, но родной,
я к озеру спустился. Наконец
душа минутный обрела покой.
Ломаемая ветром стая птиц
держала путь в заветные края.
Те птицы попирали страх границ.
Одна отстала, может быть, как я.
Нам не дано услышать, посмотреть,
что было с нами, будет впереди.
– Однажды жить, однажды умереть.
Любить однажды. Большого – не жди.

Сентябрь 1981, Петрозаводск

На звезды глядя, в тишине крошечной
я понимал прохладными ночами,
что одиночество людское – безутешно,
что наши души заперты ключами,
которые заброшены навеки
играющими в скуке божествами...
– Чужие мы, забавные калеки.
Но этого – не выразить словами.

Октябрь 1983, Смоленск, Ленинград

Сквозь грязное вагонное стекло
смотрю на яркий мир, летящий мимо.
Прошедшее до слез невозвратно.
Непоправимо – ни добро, ни зло.
Вот на пригорке девочка стоит
и от души всем нам рукою машет.
Да будет ей и дочерям моим не страшен
грядущий день.
Пусть Ангел их хранит...

Июль 1986, Сочи–Смоленск

И. Б.

Я искал формулу этого мира,
но всегда получалась – неопределенность.
Да еще и знак менялся случайно, –
одна насмешка, боль головная.
Вероятно, нельзя относиться к миру серьезно,
ибо истины двулики, и в этом – соль.
В знаменателе – смерть – бесконечность,
обращающая тебя – в ноль.

Сентябрь 1996, Смоленск

Арифметика

Очарование юности иллюзий
и разочарований зрелых горечь
равны друг другу, только с разным знаком,
и в сумме ноль дают.
Смешон такой итог.
Его-то и назвали опыт жизни.

29.08.2000, Смоленск

Эскиз

Певуч язык печальных финнов,
дома уютны и чисты,
леса обласканы, невинны
глаза озер, пышны кусты.
Стройны здесь сосны и березы,
хотя под ними – валуны...
Но если перейти на прозу,
то это – взгляд со стороны.
Так на Россию не похоже!
Наш быдло прошипит: чухня...
– Чудесный край, он мил, ухожен,
вот только жаль – не про меня.

16.04.2000, Хельсинки

Как хочется уехать в ту страну,
где мы могли бы искупить вину
непониманья; где на грани сна
нас утешали бы покой и тишина;
где, тронутая нежною струной,
ты душу распахнешь передо мной...
Но нет, увы, на карте той страны,
где мы друг другу стали бы нужны.

Апрель 2002, Смоленск

Дорожный коктейль перелесков, полей,
случайных попутчиков, их разговоров, –
душа, наливай, только не захмелей
от тысячеверстных российских просторов.
Перронных торговков просителен тон:
«Вот, рыбки купи и горячей картошки...»
Кубань промелькнула, извилистый Дон,
Воронеж, Ока. Остается немножко

до дома. А там, далеко позади,
лохматые пальмы греховного юга,
бомжи на вокзалах... Но чуда – не жди
в том мире, где платна любая услуга.
Железных составов хрустят позвонки,
и день прибывает незримо, неслышно...
– Куда бы уехать от русской тоски
тому, кто на свете – лишний?

20-21.05.2002, Адлер-Смоленск

Улитка

Ночью бессонной кожа становится тоньше
звезды становятся ближе
люди дальше
и душа как улитка робко вытягивает рожки
сисясь хоть что-то понять в этом мире
не понимает

Февраль 2011, Смоленск

Костоломов Михаил

Биолог, историк, писатель, г.Выборг. Выпуск ФМШ при ЛГУ 1969 года, учился в 8-а, 9-а, 10-д классах. Биолого-почвенный факультет Ленинградского государственного университета, выпуск 1974 года.

Из стихотворений 2010-х годов

Выборгский сонет

Мой Выборг вековой, смеживший веки,
Ты лунной ночью смотришь странный сон –
О давнем дне, о каждом человеке,
Кто здесь бывал – и был тобой пленён.

Кто песни пел, беспечный и счастливый,
Кто строил – и кто в битвах был сражён.
Кого манил над зеркалом залива
Загадочный задумчивый донжон.

Политике в стихах – совсем не место:
У лирики иной магнитный полюс.
Но всё ж – идеей поделюсь одной.

Ты: русский, финский, шведский, ты –
немецкий,
Судеб скрещеньем славный космополис!
...Мне город дорог, гордый и родной.

25 февраля 2005 г.

Темень

Вот сумерки угасают –
Смутный свет не спасает...
Окоём окаймлён
Кромкой: черта косая
Черных плотных пелён.

Темень нисходит, темень
Вкручивается в темя,
Из глаз полыхает мрак:
Мир я делил не с теми,
Не тогда и не так...

Исповедью бессонной
Бездны край обрисован.
Жизнь прошла, тяжела,
В знанье, на что способно
Воображенье зла.

Совесь прожгла ли, свет ли:
Расплетаются петли,
Поддаются узлы.
...Уголёчек немедля
Извлеку из золы,

Осторожно раздую
Пламяшек, страсть живую,
Пляшущие язычки.
Почудится, что почую,
Как мы уже близки

В прежних ли воплощеньях,
Смещениях и смущеньях
Были – и стали вновь.
Слова нету священной
И будничней, чем – любовь.

Неподвластны наветам
На свете том и на этом –
Ведь сердцем узнали мы
Радость делиться светом
Преображаемой тьмы.

10 марта 2010

Синица

Безработным, одиноким, нищим
Проживу и впредь, слагая оды
Главному, чего мы в жизни ищем:
Ощущенью счастья и свободы.

Счастья нет. Покой нам только снится.
Воля? Представление – не боле,
Но оно – внутри. В руках синица,
Журавлём пребывавшая дотоле.

Недоступным пролетают клином
Все упущенные варианты
Судеб, суть их в клике журавлином,
Еле слышимом с моей веранды.

Не окликну. К столбику крылечка
Прислонюсь теперь, глаза зажмурив.
Расточив способности беспечно,
Ожидаю всплеск последней бури.

Поделюсь дыханием свободным,
Чувством высшей радости глубинным:
Быть прекрасно нищим, безработным,
Улыбающимся и – любимым.

14 марта 2010

Белый свет не мил

Белый свет не мил – но милее ли чёрный свет?
Нет уж, лучше зелень радужек и щёк ранет,
Чтобы яблонево улыбка вдруг расцвела,
Чтоб дорога радугою легла.

Любо-дорого ощущение, что жил не зря
И заря озаряла каждый месяц календаря
Либо радостью, либо просто мечтой о ней –
Так, пожалуй, ещё верней.

Белый снег достал; да он, впрочем, не слишком бел –
И обрыдли рыдания ледяных дождей.

А тепла в душе... сколь его накопить сумел,
Тем теперь и властвуй, и володей.

Вот же волость моя и вотчина, вот удел
Благодарности тем, кто ко мне уже охладел.
Я же все сохранил сокровища, все сердца –
Все со мной останутся до конца.

Лета надо дождаться спешащим к Лете-реке,
Одолев долготимья холод рукой в руке.
Будут яблоневы плоды созреть в стране,
Целиком поместившейся во мне.

23 марта 2010

Дао, выраженное словами

Не стараюсь отправиться в мир астральный,
Остроумно сокрытый от нас, сакральный,
Чтоб забыть о простом и земном, но милом.
Мне б доскою справиться со стиральной
И с хозяйственным мылом.

Почитаю учение: душеполезно,
Соль же в том, что прелестно и предельно пресно.
Я считаю, что знаю не больше дыромолая,
И, что суть понимаю, не заявляю.

Не пытаюсь постичь трансцендентных истин
В озарении: лучше мы их почистим
Губкой-щёткой, логикой здравосмысла,
Поручив особо ревностным и речистым –
Вёдра да коромысла.

Вот повкальываешь физически да телесно,
Умотаешься вусмерть, рухнешь отвесно
И забудешься всею целокупной душою –
Вовсе не великодушной, вряд ли большою...
Ради тех, кому жертва твоя неизвестна,
Да и неуместна.

10 мая 2010

Остаток

Вещество без веса, без тени
Изнутри наполняет властно:
Разгорается восхищенья
Огнеалая плазма.

Сердцесвет – основа основ,
Солнценочь, как там – в Заполярье,
Где свечу с обеих концов
Духи гор запаляли.

И затем – разочорованье,
Чарка горького, злого зелья,
Врачевание на привале
У прозябшего заозерья.

Вычтя лишнее, буду краток,
Что не свойственно стиходею:
Остается сухой остаток,
Тот, какой называть не смею.

19 сентября 2010

Соцветия созвездий

Над головой соцветия созвездий,
Небесные поляны черноты.
Мороз и мрак: вестимо, это вести
Бездонной тьмы, куда восходишь ты.

Взгляни, скажу себе – невозмутимо.
Всмотрись и вслушайся: то обода
Колёс стеллярных катят мимо, мимо
В туманность будущности, в никуда.

Пусть Бетельгейзе блещет лепестками
Лучей холодных, и Беллатрикс бел...
Я – был, ведь не отменишь? Отпускаю
Всё, что назвать и вспомнить не сумел.

21 февраля 2011, Кериммаа

Левин Игорь

Учился жизни в ФМШ, что и определило жизнь. Всегда что-то создавал и входил в конфликты. 30 лет в авторской песне. Сейчас в Канаде возглавляю Клуб «Второе дыхание». За спиной крупнейшие фестивали «Ростовское метро», «Стройбат», «Университет». Работаю электронщиком с жуткой секретностью. Домогательства КГБ, чуть не стоившие свободы. Написание песен для театра, ведение передач на радио, эпатаж, безумные выходки. Постарел, но не повзрослел. Реальность все так же скучна, и ее хочется разукрасить.

Из цикла «Я совершенства в женщине искал»

Как быстро горит сигарета.
Как быстро ты собираешься.
Как быстро вино кончается.
Как быстро проходит ночь.
Какие песни короткие
В моей музыкальной коробке.
Как часто друзья приходят
Воду в ступе толочь.
Какое короткое счастье в твоём поцелуе кратком.
Как рано проснулся пьяный, поющий с утра трамвай.
Останься, ты так устала, да нам и безвинно сладко.
Закурим по сигарете в тоскливый рассветный май.
Поставим другую музыку и мы помолчим про грустное.
Потом ты уйдёшь тихонько, от ночи и от меня.
А может с рассветом в двери шальной позвонит приятель
И мы поболтаем вместе под топот инога дня.
Давай подождём рассвета.
Как долго горит сигарета...

Всем, незамеченным мною прекрасным Дамам

Ты можешь розой редкою цвести,
Ты можешь пахнуть, так, что ради Бога
Тебя найти, увидеть, донести
До губ и глаз – далёкая дорога.

Ты можешь к солнцу повернуться вдруг.
И расцвести, и стать ещё прекрасней.
Я не замечу, этого, мой друг.
И нет на свете подвига напрасней.

Прости меня цветок, увы, прости.
Я был так слеп, что тоже не заметил
Тебя, судьбу. А ты живи, цвети.
С тобою жизнь светлей на белом свете.

10.03.2007

Романс

Я Вам немного не скажу,
Ну до последнего листочка
Как Вашей дружбой дорожу.
И это – всё и это – точка.

Но вот открою я тетрадь,
Где я – всесильный одиночка,
И ни добавить ни убрать
Я Вас люблю и это – точка.

Стирает время имена
Из нашей памяти неточно.
Я помню, что ушла она.
А кто она? И это – точка.

Играет судьбами весна.
А вот в моей нет ни росточка.
Ко мне ты явишься из сна.
Но я проснусь. И это – точка.

Но будет осень нас знобить
Не врозь, и не поодиночке.
Я продолжаю Вас любить.
И места нет уже для точки.

Голос

Фаине

Накрутить бы мне на палец тонкий волос
Только осень на дворе, а не рассвет.
Я из трубки телефонной выпью голос
Мне не ясных, но чарующих кровей.

Подождите, не лепите мне эпитет,
Я не просто беспорядочно ленив.
Вы во сне, боюсь, немножечко храпите,
Я прощу Вас, в телефоне сохранив.

Это осень и зерно просыпал колос.
Я из кресла и за деньги не уйду.
Только этот телефон и этот голос...
Бог, прости меня, но я её найду.

8-е Марта

Люблю я вас видеть и вас обонять,
Случайно обидеть, случайно обнять.
Вы красите мир, но когда говорите –
О как же хотелось бы вас не понять.

Нет, сегодня не вчера,
В этот день я пью с утра,
Вспоминая милых женщин
Имена и номера.

Бикназавре

Жене Бикназаровой

С кем я только этой жизнью ни делился?
Всё – друзья мои и прочая родня.
О как жаль, что на тебе я не женился.
О как жаль, что ты не выбрала меня.

И когда б я говорил, что ты красива –
Ты бы верила мне весь остаток дня.
А потом мне принесла стаканчик пива.
Как мне жаль, что ты не выбрала меня.

А когда б ты находила время суток,
Чтоб минуточку найти и для меня
Мы б смеялись над нелепейшей из шуток.
Как мне жаль, что ты не выбрала меня.

Ты б веселием мне душу оросила.
Я – тебе и так до ночи или дня.
Нам бы вместе быть недолго, но красиво.
Как мне жаль, что ты не выбрала меня.

Спящая красавица

Помелю виски, это ей понравится,
Починю коня и ни мили вспять.
Поцелуя ждёт от меня красавица.
Или просто ей хочется поспать.
Посажу цветы да полью по-доброму,
Поселю село – Божью благодать.
Подберу ужа – обернётся коброю.
Стану дом лепить – воли не видать.

Уроню я нож – вот и кум с охраною.
Упадёт мечта – и придёт не та.
И не то я пил, и проснулся рано я.
А она храпит и лежит не там.

Я куплю вина головой поправиться,
Позвоню друзьям, тем, что далеко.
И пускай поспит Спящая Красавица.
Оседлать коня – это нелегко.

Триптих

Этой ранней порой я стою у дверей.
Я не главный герой книги жизни моей.
Но найти не могу ни творца ни злодея,
Что хотя б удостоился жизни своей.

Этот явный резон не поможет слезам.
Может быть тем героем и был бы я сам.
Но кого бы убить – это надо подумать.
И я бью ишака по его тормозам.

Поздней ночью я раннего выпью вина,
И пойму, что герой может быть и она.
Что и в чём-то она лишь одна совершенна.
И одно лишь ей имя подходит – Жена.

Уйдут в века

Уйдут в века все Ваши никогда.
Но никогда читатель не узнает,
Что Ваше нет перевернулось в да.
Поэт тогда не пишет – он лобзает.

Грустная песня

Конь траву убивает копытами,
Только тронь – и сорвёмся, как песня.
Где-то там, для постели умытая
Ждёт, причёску терзая принцесска.
Подведёт меня конь мой испытанный.
И дойдут до неё только вести.
Плачет женщина, словно забытая.
И слова выпадают из песни.
В кабаке, меж гадалками вещими
Я от жизни совсем опьянею.
Ходит где-то забытая женщина.
И не знаю я песни грустнее.

8 Apr 06

Моя любимая

Я был назойлив, или даже невозможен.
Но то, что выпито за это не в ответе.
Весь мир обязан был узнать об этом тоже:
Моя любимая прекрасней всех на свете.

Он рассмеялся как-то пакостно и точно,
Как можно точку ставить на Святом Завете.
Чем может кончиться стрельба через платочек?
Моя любимая прекрасней всех на свете.

Он был счастливее – царапина на коже.
Мои ж друзья носами хлопают, как дети.
Вот я предстану и скажу ему: «О Боже,
Моя любимая прекрасней всех на свете».

28.10.2007

Совершенно чужая мне

Совершенно чужая мне, очень мне близкая женщина
Что-то нынче вершит, и в вершенье она хороша.
Но никак не сбывается то, что так ярко намечено,
Только нить разговора с душою теряет душа.

А она хороша, но улыбка ее обещающе
Светит мимо меня, светит мимо иной суеты.
Вижу только улыбку я, глухонемой и прощающий,
И бессильно гляжу, как разводят меж нами мосты.

С кем ты там – суета, между нами глубиннее трещина.
Между мной и тобой, истончаясь, теряется нить.
Совершенно чужая мне, очень мне близкая женщина,
Ты захочешь ли внукам хоть имя мое сохранить?

Обними меня, женщина

Обними меня, женщина, просто легко и приятно.
Я о ласке прошу и не больше, не больше, о нет,
Я в дороге устал, я в пыли, ну да это понятно,
Но зачем же еще существует на свете поэт.

Обними меня, женщина, если меня и не любишь,
Обними меня прочим любимым хотя бы назло.
Это просто тепло, никого ты теплом не погубишь.
Обними меня, женщина, просто, легко и тепло.

Из цикла «Что не вписалось, может быть и главным»

Долго думал

Долго думал, терзался, решался,
Выбирая то место, то день,
Лгал бесовестно, освобождался
От работы, жены и детей.

Собирался, готовил гостинцы,
Обновил целиком гардероб,
Голодал и трезвел и постился,
Так, что чуть не вогнал себя в гроб.

Сочинил и поэму и мессу.
Жаль, орган оказался тяжёл...
И пришёл!
И пришёлся не к месту.
И устал. И вздохнул. И ушёл.

Маленькое чиновное

Уронят меня, я валенок
С чиновной ноги в Кремле.
Простите меня, я маленький,
Я – крыса на корабле.

Вран ворону глаз не выклевал,
Но с внутреннею борьбой.
Прости, капитан, я выживу.
Но как же мне быть с тобой?

Мне чуждо понятие чести и
Я рад бы уже уйти.
Да только так долго вместе мы.
Что Господи нас прости.

К началу тысячелетия

Я не люблю начала года:
От старых дел – одна зола,
Ещё ни власти, ни погоды
И жизнь ещё не началась,

Ещё в начале нет и слова,
И до творенья далеко,
И вроде не было былого –
Всё полегло в пыли веков.

Ушли в зеро и чёт и нечет.
Валеты кроют наших дам.
А нас всё нет – и крыть нам нечем,
Пока не вспыхнула Звезда
Никто за муху не в ответе.
Людей уж Бог устал считать –
Перелистнёт тысячелетье –
И ты как – будто жив опять.

Жив прогрызать свою дорогу
В неспелом яблоке Земли.
Зачем ты, сирый нужен Богу?
Его забота – короли.

Наш Бог так любит человека,
Что не дал века нам для мук.

Я не люблю начала века
Уже понятно почему.

Неприятие

Даже в самой лучшей в мире стране
Неприятие во мне не уснёт.
Мне хотелось бы стоять в стороне
От всего, что вас печалит и гнёт.

Ваши радости мне тошно-горьки,
Ваши горести зевотно-скушны.
Как читающие оду хорьки
Вы забавны от того, что смешны.

Ох, напиться бы и только потом
Вас толкнуть бы, суетливых, плечом.
Что вы думаете, люди о том,
Что не думается вам ни о чем?

Что вы слепы от войны до войны,
Мелки даже на великой войне
И в любви и даже в горе смешны,
А в величии смешнее вдвойне.

Вот сижу я, от всего отрешён,
И, похоже, даже больше смешон.

Грех

Изо всех моих истовых, часто невольных грехов
Я один выбираю пред Богом единым виниться:
Я преступно заспал столько чистых и нужных стихов,
Что мне стыдно смотреть в дорогие мне, честные лица:

Я нечестен пред ними, я попросту грязен и плох.
Бог мне дал мой талант не затем, чтобы гнил я в нирване.
Каждый шаг мой, движение, даже единственный вдох
Предназначен кому-то, Андреевичу или Анне.

Их земная, не очень святая закончилась жизнь,
И они, повернувшись спиной тихонько уходят.
А остаться немного – да ты на друзей положишься.
Пусть оставят картиной, стихом равнодушной природе.

Я и сам так уйду, незаметно, как снег по весне,
Все заметят весной только нежные ивы листочки.
И никто не напишет и строчки, увя, обо мне.
Может быть, я не стою и этой единственной строчки.

Как хорошо, что не умею в прозе

Как хорошо, что не умею в прозе
Простую мысль поднять и донести.
Я б непременно рассказал берёзе,
Что ей бы лучше розами цвести.

Я рассказал бы молчаливой рыбе,
Как интересен светский разговор.
И злой вороне предложил бы выпить,
Забыв про этот подлый невермор.

Я б напоследок занялся собакой.
Хвостом виляет, что мне ей сказать?

Как научить мне женщину – не плакать
По пустякам, не мучить, не терзать?

Гарнир

Люди мира, люди мира, откажитесь от гарнира,
Дорогой заморский фруктик к нам приходит без ботвы.
И зайдя в твою квартиру эта Таня или Ира
Всю ботву с себя снимает, начиная с головы.

Ну и ладно, ну и точно, мы-то сами – те уж фрукты,
Водим пальцами по карте кто в Канады, кто в Москву.
Я велик и это – точно, не сиди со мной так грустно.
Это я, Буонапарте,
Не снимай с меня ботву...

Из цикла «Сестра-краткость»

Рубайат 1

Долго он говорил, я успел и уснуть
Но до этого понял я правду и суть:
Тот, кто долго тебе объясняет простое –
Тот, наверное, хочет тебя обмануть

Когда поэты выпить собрались
Борец за трезвость, лучше удались.
Как попадёшь в нетленное творенье
Так и в веках останешься как слизь.

Друг мой в горе пришёл, так глупа Фатима.
Из кувшина я налил, где мудрость сама
И сказал: ты ж не джинна хотел из кувшина.
Почему же ты в женщине ищешь ума?

Ты с луноликой пил любви вино.
Вдвоём в одно глядели вы окно.
В чём ты, несчастный, ищешь ту же сладость?
Твоё вино уж выпито давно.

Да всё на свете дым, от счастья до беды.
То горе, если ты в пустыне без воды.
Но если есть, где лечь и чем ещё напиться –
Не стоит бить свой лоб для прочей ерунды.

Что ты предложишь путнику, поэт?
Зачем ему твой вычурный сонет?
Наполни чашу, и тогда, наверно
Тебя он будет слушать. Или нет.

Мой друг поэт, когда тыходишь в дом,
Где непонятым заняты трудом
Не мучь себя суть их труда постигнуть.
Возможно, это – сумасшедший дом.

Друг влюблённый, слезой мне жилет ороси.
Не жениться ль тебе ты совета спроси.
Я отвечу – купи для начала машину.
Сам поймёшь, что дешевле кататься в такси.

Что избежать и войн и свар
Нам обещаний льют увар.
Правитель, даже на базаре
Дают попробовать товар.

Мой друг сказал, погладив свой живот –
Не бросишь пить – грозит тебе развод.
Но я припомнил, трезвым ли женился
И рассудил, что всё наоборот.

Из цикла «Печально я гляжу на море по колено»

Пьянка в хорошей компании

Сижу в тепле, вокруг меня Канада,
Вся грязь России где-то позади,
А я грущу, как будто так и надо,
Сижу в тоске и пиво пью один.

Ну не один, с тобой я пью, мой Лорес,
В красивой позе лёжа у стола,
Я дань плачу урокам всех историй
И пью вино, что осень родила.

Я из бутылки пиво пить не стану,
С дивана встану, чтоб без дураков,
И пожелтевший свой стакан достану
С тобою выпить, Мишка Кочетков.

Но мы крепки, и что нам это пиво –
Нас не поймёт любимая страна,
И Бережков московского разлива
Грядёт Мамаем с бочкою вина.

Лицо у Долиной пойдёт сплошной сыпью,
Прости, дружок Егоров, эту трель.
Потом с непьющим Ланцбергом я выпью,
И даже с Дольским, ранним, как апрель.

А вот с Высоцким точно пить не стану,
Хотя его по-прежнему люблю:
Он начинает тупо грызть стаканы,
Когда пора ребятам по рублю.

Пора вставать, сейчас нагрянут мэтры,
Опять притащит Кукин свой портвейн...
Вокруг меня пустые километры.
Тянусь один к бутылочке своей.

Пока ещё есть капли

Пока ещё есть капли на стекле
И отпечатки пальцев на стаканах
Жизнь продолжается и все мы – великаны.
Щелчком вождей сбивая с эполет
Не просто хмуримся – мы с думой на челе,
Не бабу щупаем, а женщину лелеем.
Не под забором – рядом с Мавзолеем.
И всё не сдуру, всё, как Бог велел.

2 июля 2002

Из цикла «Махнем в Канаду, говоришь»

Самоволка

В. Сидору

Мой ли, грех ли это свальный?
Я не первый, кто свалил.
Петушит подъём дневальный,
Там, где белый свет не мил.

Не боящийся возврата,
Козырной, как трижды семь,
В самоволке я, ребята
И, похоже, насовсем.

Пусть устав лежит на полке,
Пусть и книга отдохнёт.
Я сегодня – в самоволке,
Я – гражданский паренёк.

Всем – подъём, а мне – не надо.
Сонно глажу по плечу
Пышнотелую Канаду,
Я всегда её хочу.

Да и кто при этом теле
Импотентен не хотеть?
Так и пляшут у постели,
Так и прыгают в постель.

Впереди всего парада
Повторяю наизусть:
«Я люблю тебя, Канада,
И, наверное, женюсь».

Новым иммигрантам

Векселя и гаранты
И небо в прозрачности синей
И блистают таланты
В зеркалах ими мытых полов.
Господа эмигранты,
Мы так далеки от России,
Как шашлык от Кавказа
И словарь от обиденных слов.

Мы гуляем в лесу,
Улыбаемся встречной берёзе,
Неуклюже коверкая
Русско-английский привет.
Нам пока недосуг,
Мы – поэты, завязшие в прозе.
Нам покушать – во-первых,
Во-вторых дать России совет.

Зябнут руки Атлантов
Под миром в понятном бессилье.
Правят миром не Боги
И мир небожественно глуп.

Господа эмигранты,
Мы так далеки от России,
Как разлив на дороге
От лужи на грязном полу.

Ода 74-му портвейну

Нет, ностальгия, ты мне не маячъ.
Я помню эти пыльные углы.
Меж нами море, Родина моя
И мне его назад не переплыть.

Язык – не догма, временный тупик.
Наречий много, истина – одна.
Но если ты не до конца Шекспир –
Когда ж придёт твой Недопастернак...

На этом я поставил свой стакан
И даже точку не забыл впереть,
Постановил: забвения река
Позволит всем достойно умереть.

Но вот вчера устоял не устоял,
Вернулся праздник к улице моей:
В гнилой Канаде в мусор бытия
Пролился манной номерной портвейн.

Не стану ложью осквернять уста.
Среди миров, в мерцании светил,
Как музыкант, играющий с листа
До этой цифры я не доходил.

И вот дошёл туда, где среди фей
Смирновских, Рейнских и другой отравы
Стоит нахальный номерной портвейн,
Семьсот четвёртый, равный среди равных!

Жизнь моя

Жизнь моя, ты так до боли хороша,
Что и некого обидно обругать.
Я стараюсь даже дома не дышать,
Что б не нюхала собачка перегар.

Понимаешь, всё настолько хорошо,
От Канады до невымерзшей травы,
Что я крадучись тихонечко ушёл
На Луну, такую жалкую повыть.

Городничкому

Александр Моисеич, не просите,
Я и так скажу без всякого искуса,
Что Канада – это вроде бы Россия.
Но без мата, но без запаха и вкуса.

Если хватит мне сил

Если хватит мне сил – я уеду в Россию,
Я не знаю зачем и не знаю куда...
И не гнали меня и назад не просили
Просто тянет туда, где снуют поезда.

Страны благоуханные, рай для скитальца,
Кто же вас обвинит – да и я не виню.
Я Канаду сумел бы придумать из пальца,
Из стекла изваять, да боюсь, уроню.

Можно жизнь просидеть во вселенском музее,
Можно жизнь проиграть в казино на пари.
Проигравший разумное, вечное сеет
На морозе. И в прозе горят фонари...

Бредит рифмой душа на чужбине красивой
И пожар отдалённый хорош, как звезда.
Если хватит мне сил – я уеду в Россию,
Где на Юг и на Север идут поезда.

12 июля 2002

Из цикла «Городок»

Открытое письмо российским бардам

Пишу с печалью, я люблю вас, как и прежде.
Но наши встречи вне России не легки.
Мы ожидаем вас в любви и надежде.
Вы приезжаете к нам, как большевики.

Вы – патриоты, эмиграция ущербна.
А вам не стыдно, властелины наших душ?
Вы приезжаете к нам будто бы начерно.
И возвратясь скорей торопитесь под душ.

А вдруг унюхает народ, кому поёте,
Что вы испачканы от нимба до копыт,
Что вы из этой нашей грязной лужи пьёте,
Тесня таких же патриотных торопыг.

Быть россиянином почётно, как на фронте.
Тут вы едины в сохранении лица.

Вы беглеца таки опять не провороньте.
Он среди вас, он весь российский до конца.

Ушедшим друзьям

Сергею Гандкину

Это – осень и в общем-то всем все-равно,
Кто ушёл от костра и насколько.
Есть гитары и песни, еда и вино.
Ну а кто-то ушёл, да и только.

Лес застыл, трудно жёлтые листья храня.
Лишь холодные ели в иголках.
И уже у огня мало возле меня.
Я ещё у костра... ненадолго.

Скворцова Ирина

Первый выпуск (1965 год 10а). Затем матмех ЛГУ. Ижорский завод (конструкторское бюро). Инженер-программист. Двое детей. Три внука.

Боль

Боль придет, но потом, не сейчас
И словами я явно грешу,
Выставляя беду напоказ,
Втайне верю, надеюсь, прошу.

Я прошу, что б не срезало влет,
Что бы был не навек приговор,
Что бы сердце не стыло, как лед,
Что бы ты не таился, как вор.

Я надеюсь, на что – не пойму –
Пепелище без края, дотла.
Обратиться не ясно к кому,
И судья, и защитник сама.

Можно верить каким-то словам,
Можно дату назначить и час.
В жизни выпало разное нам.
Боль придет, но потом, не сейчас.

Вологда

Город детства – страна ясноокая
И вдали все равно я твоя.
При волнении отчаянно окаю,
Потому что из Вологды я.
Разным судьбам служила истоками
Моя Вологда, гордость моя.
Здесь на фронт уходили, не охая,
Не к лицу, мол, из Вологды я.
В зимнем кружеве легкая, строгая,
В летних красках сама не своя.

Не грозит мне судьба одинокая,
Потому что из Вологды я.
Только в Вологде небо высокое,
Шепот трав вдоль реки у Кремля.
Где найти понимание глубокое? –
Там, где скажут: «Из Вологды я».
Поезд фирменный манит дорогами.
Я вернусь к тебе, радость моя!
А в вагоне так дорого окажут,
Потому что из Вологды я.

Бытует мысль в народе:

Где рвется – там и тонко.
Всему конец приходит –
Любви или солонкам.

Конец начало новым
Надеждам или бедам
Все повторим мы снова,
Вчерашний борщ отведав.

Любовью ли к отчизне,
А может к домочадцам
Насколько хватит жизни
Мы будем обольщаться.

Логика

Если солнышко проснулось
И уже проснулась я
И кому-то улыбнулась
Может солнце это – я?
Точно. Солнце это – я.

Не снись...

Не снись мне по ночам, не приходи случайно,
И, может, эту боль еще переживу...
Соединила жизнь колечком обручальным,
Но не спасла любви, не знаю, почему.
В объятьях ледяных, негаснущих страданий
Мой бедный мозг горит, не в силах разумать,
Как стало неродным любимое дыханье,
И как смогла душа при жизни умереть.
Прочла я сотни книг, с героями страдая,
Пыталась заглянуть в глубины разных глаз.
Узнала, наконец: любовь – она живая,
А сколько ей прожить, зависит лишь от нас.

Труфанов Александр

Первый выпуск, 10А. Первый стих написал в ранней школе, потом потерял. Следующий – в университете, и тоже потерял. К тридцати годам начали настойчиво приходиться слова и строки, которые не мог не записывать. Явно сказались интернатская записка. Просто... до некоторых долго доходит. Между делом занимался больше всего лазерной техникой и стеклом, немного депутатствовал и чиновничал (ненадолго хватило). К сегодняшнему дню число близких родственников возросло за счёт двух сыновей и трёх внуков. Публиковаться и не думал, пока перед «Эхо-3» внутренний голос не сказал: «Да ты что! Со своими – можно». Он и сейчас так говорит, так что не судите строго.

Возвращение

Земля осталась без людей...
По зарастающим пределам
Блуждает скорбный дух полей.
Лес в беспощадном переделе
Его теснит. Былой простор
В былую жизнь уже не верит
И льнёт к жилью, страшась потери,
И смотрит на меня в упор.
Во взгляде том мольба и горе
Всю душу мне перевернут,
Сожгут шагреновый лоскут:
Останься, с духами не споря!
Но нет надежды в тех глазах.
И нет в душе моей ответа.
Дорогой выжженной, без света,
Без силы побреду назад.

7.07.1997

Гвоздь проржавелый.

Иструпелая доска –
Предел исчезновения деревьев.
Так душу гложет смертная тоска.
Так умирает и моя деревня.

5.09.2005

У моря вечности

я строю домик свой.
Он из песка
и рушится всечасно.
И, рассыпаясь, обращается в песок.
Но, как Сизиф,
В упорном заблужденьи
Я строю вновь его...

7.11.1987

Фото

В фотографиях – странная сила:
Скажут больше, чем мыслили мы.
Хоть фотографа и не просили,
Что-то тайное выйдет из тьмы.

Не случайны осанка и лица.
Есть закон в размещеньи людей.
Проступило и будет так длиться:
Наше скрытное – стало видней.

В этом фото не стали мы хуже.
Всё сложнее. И пусть посложней:
Приоткрыли ведь истину ту же
В очертаньях родных и друзей.

А возможно, что просто с годами,
Став едины, душа и глаза
Так глядят. И, наверно, мы сами
Видим лучше, чем годы назад.

Двуедина загадочность эта.
Видим зорче и сами иные.
И святым очарованным светом
Те любимые лица земные.

3.06.2000

«Да было ли всё это, милый друг?» –
Когда-нибудь ты мне с улыбкой скажешь.
И мир для нас изменится вокруг,
Вздыхнув чуть слышно: сердцу не прикажешь.

Так мы стареем понемногу.
Смятенье чувств всё реже грезит нам
И новый год выводит на дорогу
К безрадостным последним холодам.

Но вопреки угрозам января
Глазам глаза всё то же говорят.

31.12.87

Как странно, милая, что нежность
Моя уходит в никуда.
Во мглу, в бездонность и безбрежность,
Где меркнет в холоде звезда.

Декабрь 1995

Оля (сын приехал не один)

Лицо изменчиво, как море.
Мерцанье капли, свет и тень...
Восход – как будто бы в миноре,
Но вот улыбка: Здравствуй, день!

В нём происходит без конца
Неуловимое движенье.
Статичности опроверженье –
Девиз прекрасного лица.

То вдруг окажется зеркальным,
И, свет усилив, возвратит.
То хор к душе моей летит –
Оно уж стало музыкальным.

Оно звучит, сияет, манит...
Глаза в глаза обращены –
Немедля мир огромным станет,
Как многообразность весны.

В алмазе светопреломленье –
Хоть многим мило – лишь игра.
Но что явилось нам вчера? –
Играет жизнь в твоём явлении.

10.01.96

Как грустен покинутый сад.

И брошенный пёс.
И дверь,
От которой одни косяки
Остались, чтоб помнить
Касанье руки.
Порог, ногами поистёртый, –
Младенца волглую ладонь.
На петлях ржавчины огонь
Сжигает прожитую гордость
Жилья, достойного собой.

26.02.96

Я – отклик мира,

Я – его повтор:
Лишь влажное касание прилива,
Лишь звёзд вечерний разговор.

22.02.97

Всё сказанное, в рифму и несладно,
Чуть-чуть согреет воздух сотрясеньем
И прочь уйдёт виденьем безвозвратным,
В сознании угасающим виденьем.

18.06.97

Шереметьево

Отложен рейс. Ты где-то рядом,
Но за барьерами тремя,
Родная! – Недоступна взгляду
И не окликнешь ты меня.

Какое странное мученье
Пред явью голубых небес:
Нет ни тебя, ни отправления,
И оба мы – ни там, ни здесь.

Так далеки от нас заводы
И спрут обыденных забот,
Но нет и призрака свободы:
Меня тревожит твой отлёт.

Как будто из времён я выпал.
Ем в трансе яблочный пирог.
И тихим бредом дух осыпан –
Я, как впервые, одинок.

8.02.1999

Шуршит трава
от капель,
Ударом завершающих полёт –
Так вяловато,
будто старый
усталый труженик бредёт.

20.08.98

Метро

Сиденье сбоку шевельнулось подо мной:
Движение рядом севшей незнакомки,
Слабей, моего коснулось тела.
Мне этого довольно –
Сегодня не один я в этом мире.

В провинциальном городке
Провинциальные деревья.
Как те девчонки – по реке
В райцентр попали из деревни.

Ещё культуры след на них,
Сомнительный и вяловатый,
Не лёг. Они, как белый стих,
Застенчивы и угловаты.

14.06.2000

Вот сяду в машину и сразу начну
Я мыслить стихами, чтоб выразить нечто...
Посильна ль окажется пища уму?
А сердце – не слишком сегодня беспечно?

И надо бы в даль воспарить, улететь...
Да знаю: земное не даст размечтаться.
И жизнь – моя вечная кровная сеть
Не позволяет мне с ним расставаться.

Но я не жалею: нельзя так нельзя.
В глубины земного пойду с собой вместе.
Ведь выведет в космос и эта стезя,
В пространство без края, без меры, без лести.

Где даль с глубиною едины, равны –
Опора для нас, безусловно, иная:
Надеемся верить и верой сильны,
Любовь расстояний в том мире не знает.

Так ищем. Находим песчинку, листок
И всякую малость, как вход в мирозданье.
На землю, увянув, летит лепесток –
И двери раскрыты – мужайся, сознание.

26.07.2000

Совет Кваджи

Сладковатый, почти похоронный
Живёт под акацией запах.
Деревья, что плотно заполнили склоны,
Растут, приподнявшись на лапах.

Так тянет взобраться под пологом этим
На местную, мелкую – всё же вершину,
Чтоб там
через листья, чуть проблеском
встретить
Доступного моря расцвеченность синим.

Изменчивый цвет так природе подвластен,
Вдали уж надел он небес камуфляж.
Так дымка размыто похожа на счастье!
Так берег камнями по грубому наш.

26.07.2000

Не выспался. Жарко. Здесь климат не наш.
Тоска в мою душу заходит без стука.
Как видно, противник уж взял патронташ:
«Да-да, брат, – пустая и глупая штука».

Совет Кваджи. 31.07.2000

Один в глуши лесов сосновых,
(Был кот. Да вот – ушёл гулять)
Я, словно обживаясь снова,
В себе пытаюсь что понять?

И вновь меняют очертанья
Приметы давнего пути.
Дай, Боже, радость узнаванья:
Идти, идти, идти, идти...

Внутри себя, как Гранин в тапках,
Топчусь, шатаюсь взад-вперёд.
Душа моя вздыхает сладко:
«Угомонись, честной народ!»

Опять, намучившись изрядно,
Придѣшь как будто ни к чему».
Всѣ в божьей воле. Но отрадно
Принять прозрение уму.

Тот вышний свет взойдѣт, неслышим.
Невидим оку божий дар –
Как спит младенец до утра
И нежно-невесомо дышит.

31.03.2001

Я придумал себе женщину.

Придумал
Взгляд её
И взмах ресниц на взлѣте.
Придумал
Рук её прикосновенье,
Всей нежностью идущее ко мне.

Разошлись
По разным мы дорогам.
Я о ней не часто вспоминаю.
Но в отчаянья гниющую минуту
Именно она ко мне приходит
И приносит в зябнувшей ладони
Маленькое зѣрнышко тепла.

Поляны покрыты

осеннею бурю шерстью.
Берѣзовый шарф меж полей,
хоть и кажется зелен и свеж –
Уже желтизна проступила на нём грустной вестью,
Что нет
и не будет
несбывшихся летом надежд.

25.09.2003

Столбы на фоне зари

Вот изоляторы, как птицы.
Сидят под грузом проводов.
Но – не успели опериться.
Но – не свободны от трудов.
В себе давно надежду скрыл я,
А как хотелось спозарань,
Впотяг зевнув, расправить крылья
И полететь – прощай, Рязань.

Старая Рязань 27.09.2003

Жёлтой пеною листья

Поднялись к вершинам деревьев –
Это холод зимы
Основанье берёз затопил.

Октябрь 2003

Памятник у дороги

Отлетела
душа от тела.
Опять у дороги замкнула ограда
Венки,
и цветы,
и слова на плите.
О, Боже! Кому это надо?
Как много фальшивого в той суете.

Февраль 2004

Мы – старые люди.

Так всё это странно:
Так много – не будет,
Так мало – настанет.

Шутить над собою
Становится легче.
Пусть холод накроет,
А – радуется вечер.

22.04.2011

Из цикла «Осколки»

Там нет людей: одни лишь маски
Линялые нашёптывают сказки,
Пустые взоры
Баюкают безжизненность души,
Остаткам чувства не дают опоры –
А Вас напор бумаг не иссушил?

Всё та же дрянь в окраске новой,
Мираж комедии грошовой,
Недвижный бег.
Набеги печенег,
Безумство стали
Трухи мертвецкой меньше дали,
Чем этот липкий враг –
Нашествие бумаг.

Лишит мечты, отнимет свет,
Махровой фальши вручит стяги.
Уговорит: «Ты лишь портрет.
От сырости прикрытие бумаге».

Декабрь 1976

Идёт человек по осеннему лесу.

И грузный живот, как привычный довесок,
На кочку мешает ножонку поднять:
Он лес разучился давно понимать.

17.09.97

Стремление к лучшему и к худшему

Нас раздрают в равной мере...
...в одной мучительной манере.

10.03.97

Над снегами запах хлеба.
Сквозь него видны деревья.
И каким-то чувством древним
Чудится моя деревня.
О, давно как я там не был!

17.02.98

Снова метелью земля обнимает.
Снова граница её не видна.
Словно бы в сердце своё принимает...
(Саратов) 17.11.98

Туман

Среди неподвижных очертаний
Берёз, дороги и ручья,
Как светлячок – пунктир в тумане –
Глава в платке. Незнамо чья...

13.04.99

О, здравствуй, лес!
Как ласково ты встретил
Меня сегодня влажною листвою...

2.05.83

А сарабанда – похоронный танец.
Ну, ладно. Хоть сейчас узнал.
Сюиту написал далёкий мексиканец
И Дмитрий Нилов в струнах разобрал.

13.11.2004

Под дождём летит ворона.
Капли бьют порой в глаза.
«Глаз твой мал, а мир огромен!» –
Заратустра ей сказал.

21.06.2005

Ястребов Михаил

Выпуск 1966 года, 10-Г. Матмех ЛГУ 1966-1972. Затем преподавание и программирование. Зав. кафедрой математики ГУМРФ им. адм. Макарова.

Хутба Руми

Высматривающий воду в пустыне – познания его о той воде, что есть в морях, не заставят его прекратить её поиски в пустыне, и будет он усердствовать в поиске воды этой жизни...

*Джалал ад-дин Мухаммад Руми.
«Маснави-йи манави», предисловие к третьему дафтару.*

По пескам, сухим от века,
Глаз не прячущий от ветра
Путник, шедший издалёка,
Видит вдруг с горы высокой
Моря коврик ярко-синий,
Дерзко спорящий с пустыней.
Догадается отважный
Не поддаться гнёту жажды.
Станет он спиною к морю,
С миражом Шайтана споря.
Чтобы влаги зачерпнуть,
Вглубь песков направит путь. –
Там отыскивать следы
Мудрых, жаждавших воды,
На тропе, что скрытно вьётся
От колодца до колодца.

Най-нама (Из «Маснави» Руми)

Открой свой слух для жалобы свирели
О разделённости пути и цели.

Для камышинок стала я чужою,
Плач женщин, гнев мужчин поёт со мною.

Рву грудь свою я в клочья от разлуки,
Боль превращая в сладостные звуки.

Кто от корней оторван, брошен всеми,
К соединенью ищет путь и время.

Любым рукам, устам плачѹ я пла́чем,
Я знаю: горем платят за удачу.

Кто дружен стал со мной, и тот не същѣт
Внутри меня для сердца тайной пищи.

Всѣ таинство моѣ со стоном рядом,
Но не доступно ни ушам, ни взглядам.

Моя душа завесой не сокрыта,
Но глухи все, у всех глаза закрыты.

В моей груди огонь поѣт, не ветер!
Огня лишѣнным – жить зачем на свете?

Огонь любви кипит в груди свирели,
Он и вину дарует силу хмеля.

Ты одинок? Свирель твой собеседник,
Еѣ лады поделятся последним.

Яд и лекарство вместе слиты в пенье,
В еѣ тоске ты слышишь вожделенье.

Свирель расскажет про любовь маджнуна,
Про Путь кровавый, что зовѣтся Сунна.

Спешит безумство разуму навстречу.
Лишь ухо щедрый покупатель речи.

Печаль дни в безвременье обращает,
Терзанье наши дни сопровождает.
Скажи «Уйди!» всему, что прошлым стало,
Останься сам, ведь праведников мало.

Водой Его сыт всякий, кто не рыба,
Голодным всем – от Иблиса спасибо.

Узревший свет – слепым не будет понят,
В обилие слов невежа враз утонет.

Рви пути, волю не дают за плату!
Доколе будешь ты привязан к злату?

Хоть океан вольёшь в кувшин, хоть боле,
Вместит он раз отмеренную долю.

Для жадных глаз кувшин всегда не полон,
Лишь щедрым створкам будет перл дарован.

Тот, чей халат любовь в лохмотья треплет,
Изъяны все сожжёт, схоронит в пещле.

Так здравствуй, о любовь, обмен приятен,
Ты лечишь всё, Джалинус твой приятель.

Ты спеси и тщеславию лекарство,
Как Ифлатун над мудрецами царствуй.

Любовь отдала небу всё земное,
Плясали горы, радуясь со мною.

Любовь ат-Тур священный вдохновила,
Он пьян, в Мусе на миг пропала сила.

Когда бы страсть уста соединила,
Свирелью пел бы я, презрев чернила.

Кто слышит чужеземцев речь повсюду,
Тот нищ, хоть с ним ста песен изумруды.

Когда повсюду слышу речь чужую,
По песням друга плачу и тоскую.

Цветник угас, жить розы перестали,
Впредь соловья услышишь ты едва ли.

Всё есть Любимый. Хоть Он скрыт завесой,
Но вечно жив, а ты в могиле тесной.

Кого любовь заботой обделила,
Мне жаль того, он птицей стал бескрылой.

Как различить, не сбился ли с дороги,
Когда во тьме от Друга нет подмоги?

Любовь просила Слово быть снаружи,
Свет зеркалам испорченным не нужен.

Негодно зеркало, а в чём причина?
От ржавчины оно не отличимо!

Лермонтову

Прочертит время путь назад
Ландкартою морщин
Расставит стрелки наугад
От следствий до причин.

Чтоб разглядеть в смешенье дат
Связующую нить,
Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть.

Стратегема

К.Воеводскому

Если тебя спросят: «На хера?»,
Отвечай уклончиво: «Игра
Мнений, слов, меморий невзначай –
Мало ли что жизнь суёт на чай.»

Но поскольку фабула стара,
Подождут и скажут : «Стоп-игра!
Не прокатит на фу-фу, пора.
Што изво? Цикуту? Молочай?»

Вот тогда, дружок, не подкачай.
Шли их на хер. Бди. Не отвечай.
А потом наотмашь так, спесиво:
На хер молочай. Мы с Костей пива.

Было волшебное время

Было волшебное время: тренеры ДСШ
Говорили атлет. В помине не было ФМШ.

Табачная фабрика вместо «Дона» начала «Приму».
Отступал керогаз, в горы бежал примус.

В обеих столицах мужчины курили «Дюбек».
«Торпедо» в самом начале, но защитник уже не бек.

В пионерлагере ещё пирамиды и не отвертись от панам,
Но у пацанов уже презренье к коротким штанам.

Немецкий чаще английского. Опять же про Лорелей
Само наизусть ложится. У девочек грудь. Примечай.

Сенная площадь – средоточье блатных и задир.
Кто-то прочтет и скажет: «Это ж про Армавир!»

Это ж про одна тысяча девятьсот пятьдесят девятый,
Прикрывший дыру времён яркой заплатой».

ЖД-64

На ЖД-откосах слава и да здра,
И на папиросы не ворчит Минздрав.

Ни о чём тревожном не заводит речь.
Что ли ему сложно нас предостеречь!

Из Картли шабашка, набольший – Шахо:
С пальмами рубашка, ром и йо-хо-хо.

В сундуке рулетка и теодолит.
Всем брюнетку-метку строгий взгляд сулит.

Степь за Армавиром, солнце через край.
Юность правит миром, Краснодарский край.

Платит в день по трёшке пацанам бугор.
Полдень рыжей кошкой из-за близких гор.

Я при нивелире с рейкой состою...
Как Энвер – верлибром – матушку мою!

Через кукурузу шлёпает ко мне –
Дракула! Кутузов при Бородине!

Рейка вверх ногами. В мозжечке сонет.
Стал, дурак, ногами не на тот пикет.

Сзади восьмилетка, впереди вопрос,
Счастье малолеткам посулил откос.

В Старую Деревню двоечка-трамвай
По дороге древней. Только не зевай!

Лишь посмей о смерти! Вот только не влюбись!
Вот только, юный Вертер, не влюбись на бис!

Мармеладов перезагрузка

Малой Подъяческой глупая хорда,
На Фонарях гастроном не открылся.
Дать бы вот этому лысому в морду,
Чтоб он своим крем-брюле подавился.

Переучёты достали, нет сладу,
Вот и брожу по Канаве, как шавка.
Мне эстафет передал Мармеладов,
Трезвой вселенной мне вашей не жалко.

Если кого и жалеть, так Апофис,
Гришь, всех он массой достал и орбитой?
Не угодил мирозданию? А по фиг!
Мордою плох? На свою посмотрите!

Водка вчерашняя стала колóм мне,
Ржёт на меня шестисотая кляча.
Снова гуляется славно в Коломне
На́большим, средним и малым подъячим

С опохмеляжем без переучётов.
Ну проезжай уж, да ладно, ну чё ты!
Глупой Подъяческой малая хорда...
Чья там, в витрине, испитая морда?

Баллада об удвоенном Н

– Я солдат оловянный,
я умею пучить глаза на сержанта, прапора тож.

– Я солдат деревянный,
из меня при случае можно выстругать ложку,
хоть и не хочется
всё ж.

– Я солдат стеклянный,
верней, сувенирный, фарфоровый.
Ни на что, по сути, не гош.

– Я сержант сверхсрочный, командир отделения,
как я устал (вплоть до отделения)
от этих трёх беспомощных рож.
Ночью пойдём вчетвером в разведку,
как грится, служба есть служба,
тут хошь, как грится, не хошь.
Кто если из этих вернётся (я-то вернусь),
оставит на том берегу
свои нн (не хочу, не могу)
вместе со школьной грамматикой.
Истина – истинно – проверяется боем,
по ихнему – практикой.

К утру вернулись почти все:
и оловяый, и деревяый, и стекляый,
трое, если грить точно.
Не уберётся один сверхсрочный.

Тут уж – не взирая на лица.
Служба есть служба, как грится.

Прологомены к теории суперструн

Ночь, туман, струна звенит в тумане.
Всё – струна: и ночь, и дырочка в кармане.

Двоечников стыд и физиков восторги –
Всё от них, вселенских струнных оргий:

Тронешь раз струну – пожалте вам протон.
Тронешь во второй – ан выйдет гравитон.

Что же я хандрю, похмельно зол и скучен?
Знать, во мне с утра колок перезакручен.

Хроники Шумера

Шумел камыш, шумел Шумер:
Урук имел предьяву к Уру
И навязал кандидатуру
Саргона (среди прочих мер
По газу, ячменю и салу,
А также рыбой по мусалу).

Саргон, чуть вылез из корзины,
Так сразу пересел на танк
(Саргон, он был хиповый панк,
Имел трёх жен, но жил у Зины).
Короче, силами ГлавПУР
Урукцы отымели Ур.

Потом они закорешили –
Что множить сущности? Ведь дан
Урок. И сонный стих майдан.
Танк утонул евфратском иле.
Саргон уплыл назад, но... ах ты,
Собачий сын! – уже на яхте.

Был мир, труд, май. Ноль-ноль скатали
«Диртак» Урук – «Спанамо» Ур
В день всех богов и физкультур.
Историк спросит, что же дале?

Младых эпох чужие дали
На пир богов их не позвали.

Смеялся Умма, их сосед
В течение двадцати трех лет.
Но и того в помине нет
Уж града.

Армавир, с7-с5

Жара, жасмин, жестокий аромат,
Нахаловка, неприхотливый мат,
Но мальчик ходит в шахматный кружок,
И в час полуденный его туда рожок.

Скучнейшая защита Каро-Канн.
Соседский мальчик, дурень, курит план,
А наш мечтает о сицилианке,
С глубоким вырезом, отнюдь не куртизанке,
С ногою от с7 и до с5,
Всё остальное тоже чтоб на пять.

В горпарке установлен самолет,
Какой-то Миг. Дюраль уходит влет,
Бог весть, куда. Конечно плексиглас –
На рукоятку (плексик – в самый раз).

Наставник мудрый всех зовёт в футбол.
Наш мальчик таки забивает гол
В отсутствие, увы, сицилианки.
Турнир. Верёвочкой позиции останки
Наш мальчик крепит. Конь f6 и мат.

Жара, жасмин, жестокий аромат.

А лезть не надо было на рожон!
(Он, как это, ... ментально напряжён).
Устали? Дух переведём давайте.
Нахаловка, наш мальчик унд зо вайтер,
с7-с5...

Интродукция и рондо

Спросить попробую Старуху...

Когда закончу Здесь дела –
Ну, скажем, громыхнёт базука
Или шепнёт «Прости» стрела,
Освобождённая от лука,

Или приветливый онколог
Шепнёт родным, что срок не долог,
Или дурацкий астероид
Нас от луны собой прикроет,

И разум мой, сиречь душа,
Вслед дедам и отцам спеша,
Войдёт, как все, Туда без стука,
Где скажут ей: «Вперёд наука»
(Хотя какой уж там вперёд?
Но ведь не врёт же Текст, не врёт).

Тогда позволят сделать выбор?
Есть пара дерзостей на выбор:

Припав к Создателя стопам
Молить, чтоб стер, как нудный спам,
Грехов и мыслей распечатку,
Брезгливо выбросив перчатку,

Иль, протянув как Другу руку,
Сказать: «Спасибо за науку
И жизнь, какая ни была.
Но ведь была же! Ведь была!»

И есть ли крест в уничиженье?
И есть ли смелость в небреженье?

Се тако сделать или ино?
Свободы воли паутина
Не держит ли меня за муху?

Спросить попробую Старуху.
Смолчит проклятая...

На смерть бомжа Мещерского

Жесть. Из Вселенной исчез Наблюдатель.
Принцип антропный – собаке под хвост.
Зри ж пустоту, безразличный Создатель.
Помер Мещерский, а как был непрост!

Времени звоны он слышал, провидец.
Звоны пугали – и к водке привык.
Было – бежал от пивнушек и винниц.
Руки друзьям – да, как видно, не встык.

Мазу тянул за окрестных дворняжек,
Всё кроме выпивки с ними делил:
«Путь их, бедняжек, и краток, и тяжек
Мой всё ж полегче, хоть тоже бескрыл».

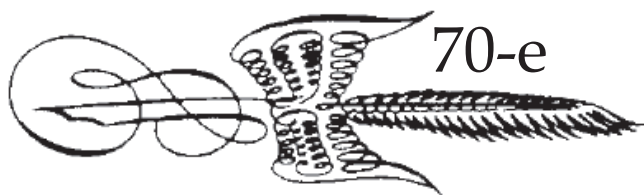
Толку ль, Создатель, в блинах из Галактик:
Нету Мещерского – нету и их.
Изморозь психоделических практик
Не сохранила провидца... И-их!

В карты ли, в стих – тридцать лет «три семерки»
Били уверенно Зверя число.
Хитрый зверюга залёг за пригорком,
Глянул в зеницы, и вот не свезло.

Бомжик и важил, и в бойлерной княжил.
Помня со школы «Пророк» наизусть,
Он целованье в час утренней стражи
Принял спокойно у Смерти из уст.

А перед тем всех утешил сердечно
Мудрый Мещерский: «Утрите слезу:
Толку ли, братцы нам в жизни извечной,
Если конечна ёмкость ОЗУ

В каждой башке от Вогез до Урала?»
Все согласились, не всем полегчало.

70-e

Круглов Сергей

*Выпуск 1971г. Увлечен фэйеристикой, сочинением стихов.
Закончил в 1976 году ВВМУ подводного плавания. Служил в ВМФ.*

Начнем сентябрь с чистого листа,
Прочертит дождик нам поля по краю,
Я старые записки постираю,
Страница улицы уныла и пуста.

Начнем вычерчивать по краешку лекал,
Писать диктанты и крючочки старых истин,
И теплый ветер, несравнимый мистик,
Просушит капли с влажного стекла.

Изображенье заколотится в виски,
Быстрее замерцает эпителий,
Взгляд нарисует новые пастели,
В постели осени воздушны и легки

Витают листья – золотистый паланкин,
Протянут руки календарные страницы,
И счастье струйкой будет литься, литься,
Покормим бабочек порхающих с руки.

Межуев Игорь

Окончил интернат в 1979 году. Затем окончил физический факультет ЛГУ. Несколько лет зимовал на полярной станции. Ходил на научных судах, в Антарктиду, жил в Британии и Канаде.

Лауреат премии «Звезда» за лучший литературный дебют 1994г. Публиковал прозу в журнале «Звезда», «Neue Literatur» (Германия), в сборнике «Творение» (Гатчина), выпустил сборник прозы и стихов «Натюрморт в городском пейзаже» (1998).

В настоящее время живет в г.Уилмингтон, штат Северная Каролина, работает программистом.

Рождение

Воздух заварен настолько,
Что конденсирует кремний,
Лава сочится из окон,
Мы продолжаем смеяться,
В эти моменты прозрачность –
Почти синоним прохлады,
Падают камни все чаще,
Хотя их никто не бросает.

И размыкается кружка,
И растекается небо
Соком уставших томатов,
Гноем бубонных наростов,
И земля из себя исторгает
Быка – архимедово тело,
Это настала коррида,
Так зарождается остров.

30.04.1989

Полуночное буриме

Пришли, бесцеремонно сели за стол,
Естественно, выпили за хозяйкину дочь.
Мой ангел сказал мне: «Пошли домой».
А лень указала: За окном уже ночь».

Опять за стол сели.

«Прекрасный коктейль!»
расслабились, спарились, снова замкнулись.
В руки приполз журнал «Дребедень».
Раскрыли, взглянули, зевнув, отвернулись.

Мой ангел забрался ко мне на колени,
Свернулся клубочком, уснул.
Проснулся, провел сквозь закрытые двери,
Легонько задев опрокинутый стул.

1983

Двухминутная бессонница

В одиннадцать ночи началось:
Резонанс разом разбил все стекло,
Фортуна, дремавшая в сонном саду,
Очнулась, сломав колесо.

Лес колючих осколков в окно унесло,
Слоги сложены в звуков салат,
Звучный зов амазонки – нота ВОЗЬМИ,
Но в моих руках чья-то нижняя юбка превратилась в набат.

Небритые эмбрионы совокуплялись в дыму,
Потовые железы включились в план производства ртути,
Растерзав координатную сетку,
в бреду,

Птицы летели на север,
Одна обернулась, сказала: «Чик чиви фьюти»
И упала на дно...

Я правильно понял крылатый сигнал,
И пошел растить ямбовый сад,
Но по землям, в которые падал мой пот
Прошел мундиров парад.

Авианосец с полчищем мух
Биополе вспахал до кости,
На мой прокаженный собачий стон
Дыхнул перегаром: «Прости».

У женщины дико распухли соски –
Это тайная страсть углов округляться,
Эмбрионы залезли обратно, развязали пупки,
Начали заправляться...

В одиннадцать две все было столетьем назад.
Мое тело принадлежало земле,
Мой соки вскормили ямбовый сад,
А эмбрионы превратились в детей.

1983

Белый фарфор, горячий чай,
За окном колыбельная ветра,
На земле, наверное, март, может май,
Мы с тобой потеряли ось времени.
Белый фарфор, горячий чай.

Одна жизнь

Разломаны звуки в хрипы,
Растянуты хрипы в стоны,
Изодраны стоны в крики,
Иссушены крики в кашель.

1987

Бессилие

Кровь держит марш в висках
По первому приказу готовая прервать
Пределы тесных вен,
И заслоняют день гигантами кошмараиц
Бездушные тиски сдвигающихся стен.

Забыв о парусах мой друг беспечный ветер
Разносит топоров по плахам мерный стук.
Мир клонится к концу, сцепились в смертной схватке
Два бледных паука моих бессильных рук.

19.03.1987

Молитва

Ее время падает раненной птицей,
Неужели всего через год она будет распята.
И кто-то камень бросит первым,
А мы промочим,
И ответом услышим вдали позывные набата.
И кто-то состряпает Евангелие,
А кто-то сбежит,
Но при этом взойдет на страницу апостолом.
И кровь ее кому-то напомнит рубин
И украшена будет венца уже золотого остовом.

А сегодня мы в едином порыве вдвигаем купели
Бокалов,
Но в бокалах у нас наивысших сортов коньяки,
А у нее горечью полные дни.

Господи, дочери твоей во любви и страдании
Дай немного от счастья, Господи,
Хотя бы в страданиях любви.

Январь 1988

Считалочка

Он больше не в списках ходоков в этот дом,
Он больше не будет дарить шоколад,
Последнее фото случайно сожгут,
Он больше не будет дарить шоколад,
И иней покроет тогда Летний сад,
Он нам напоследок забот не оставит,
И птицы, как рыбы тогда замолчат,
Он просто уйдет и тихо растает.
Его еще раз я увижу во сне,
Веселую дудку он сделает мне,
Зима одевает венчальный наряд,
Он больше не будет дарить шоколад,
Дарить шоколад.

1984

Незговорев Николай

Выпуск 1972г., 10Д. После окончания 45-го и химфака более 30 лет живу и работаю в г.Димитровграде, в НИИ Атомных реакторов. Радиотехник, старший научный сотрудник, начальник группы анализа. Первые попытки сочинения стихов относятся к 1968-69 годам, то есть еще до интерната. Но началом все-таки считаю 9 класс (1970г).

Из цикла «Отклики»

Антиутопия, или Плач по школьной литературе

Я читаю забытых поэтов...

Семен Липкин

Я читаю забытых поэтов.
Пушкин, Вяземский, Тютчев, Толстой...
Сколько страсти, величия, света
В песне их, неземной и простой.

Мелких радужных буковок бисер,
Книги, книги, – я ими пленен –
Пережившие самоубийство
Одного из великих племен...

Солнца, правды и мудрости сгустки,
Дольше века продлившийся миг...
Для того я и выучил русский –
Их божественно чудный язык...

Чужие

В чужом окне чужая женщина не спит

Юрий Левитанский

В чужом окне чужая женщина не спит.
Окно – чужое. Женщина – чужая.
Их неприкосновенность – уважаю
И неожиданный не нанесу визит.

Договориться с ней не хлопотно ничуть,
Но не спешу – и есть на то причина:
Там, у нее, не спит чужой мужчина,
С которым знаться совершенно не хочу.

И есть другая, но о ней ни слова я.
Нет, все путем, и плод запретный сладок,
Да просто больше никого не надо.
Здесь, у меня, не спит чужая... Но – моя.

Лошадь белая...

Лошадь белая в поле темном...

Николай Рубцов

Лошадь белая в поле темном,
Безголовая, три ноги...
Здесь когда-то был ипподром, но
Ни оглобли тебе, ни дуги.
Здесь буланого за удачей я
Гнал по кругу во весь опор!..
Растащили по соткам дачники
Денники, трибуны, забор.
Эй, живые, горячие, где же вы?
Ноги гипсовой – колет осот.
Наползающий ряд коттеджей
Втопчет память в землю вот-вот.
Ядовитый свет из окон их,
Чередую желтых полос...
Жизнь окончена, старый конюх.
Плакать хочется – нету слез...

Влюбиться...

Вам не случилось ли влюбляться...

Ярослав Смеляков

Вам не случилось ли влюбляться...
Красивы, что ни говори,
Santa Maria della Piazza
И Notre Dame de Paris.

А мне – явилась, и запала,
И с детских лет в душе живет
Церквушка в честь Петра и Павла,
В которой служба – трижды в год.

Близ чистой речки, на угоре,
В кругу деревьев-сторожей...
Париж, Неаполь – я не спорю,
Прекрасней, может, но – чужей.

Сегодня Лондон или Ниццу
Увидеть – только захоти!
Но не смогу перевлюбиться,
Как ни крути как ни верти!

На родине

Отвори мне лицо полуночное...

Николай Заболоцкий

Отвори мне лицо полуночное,
Городок, так покоен и мил!
Оторвался от родины прочно я,
Но отеческий край не забыл.

Вновь иду и смотрю – благолепие,
Облачков золоты купола!
И недаром блаженная, летняя
Эта полночь как детство светла.

Под шагами панели звучание,
Вдоль оконниц ажурная вязь,

Вот и речка с водицею чайною,
Что за улицей Черная Грязь...

Я вернусь и останусь когда-нибудь –
Без долгов, без желаний и сил.
Душу выпущу звездочкой на небо
Над покоем знакомых могил...

А пока – возвращаюсь привычно я
Созерцать ежечасно вблизи
Не лицо – а личину столичную,
Позолоту на черной грязи...

Хармс

Бегут задумчивые люди...

Даниил Хармс

Бегут задумчивые люди
По небосводу на руках,
Растрепанные ветром кудри
Зигзаги чертят в облаках!

Глаза пронзительно глазают,
И добротой душа полна,
А ноги крепко держат Землю.
На них не падает она!

Не бред под винными парами,
Не фокусы в дремучем сне!

Их четверо в багетной раме
У дяди Хармса на стене.

И сам он, грустный и лукавый,
Мне скажет: видишь, вот он я,
Четвертый слева, первый справа –
То – долг и ипостась моя...

...Собрав разбросанные камни,
Рутину нажитых квартир
Отдашь за дружбу с чудаками,
Перевернувшими весь мир!

Полярное

*Октябрь. Море поутру...
Иосиф Бродский*

Октябрь. Море поутру
О скользкий пирс колотит льдины...
А скоро – сумрак ночи длинной
И вьюги – нашу тень сотрут.
В снегах родиться – повезло.
Тому, кто Севером проникся,
И в леденящей бухте Тикси
Уютно, сытно и тепло.
И зверь не избежит ловцов!
У кромки крепкого пришая
Моржа свежее, отгоняя
Нахальных плюшевых песцов.
Бродяжий нрав неукротим!
Но кажется, пора идти нам
По островам, по шатким льдинам
К востоку, к берегам родным,
За солнцем, не смыкая глаз.
А где-то там, в таёжной неге
Спят наши бурые коллеги,
Совсем не ведая о нас...

Из цикла «О разном»

Прощальное

Memento Mori, в море выходящий!
На жребий уповай, пока живой,
Молись, чтоб зорек был впередсмотрящий,
Умен и неподкупен рулевой!..

Совет хорош – для ищущих америк,
Романтиков морских, – но не для тех,
Кому осточертел веселый берег,
Не лечит смех, не радует успех.

И мне – далече по волнам кромешным
На корабле – бумажней в мире нет,

Оставив в утешенье безутешным
И шлюпку, и спасательный жилет.

Мой пароход, от киля до верхов,
Из листиков тетрадных наспех склеен,
Которые я, сердца не жалея,
Измазываю строчками стихов.

Мой курс от карт и логий независим,
И направленья нет, и цели нет.
Короче, не пишите слезных писем –
На них вам не последует ответ.

Я ухожу, не сетуя, не споря,
Без жалости. И ничего взамен.
Налажу парус – и вперед за море...

Ведь должен быть разрушен Карфаген.

Случилось...

Где-то, в городе одном,
Вода речная потекла вверх дном,
И ветер начал дуть наоборот,
И съежился в гармошку небосвод,
И солнце закатилось в уголок,
Когда навечно щелкнувший замок
Развел двоих по вражьи́м сторонам,
И умерла любовь – и здесь, и там...

Тронулись?

Все раздавши бонусы
До конца, до точки –
Скоро в зиму тронутся
Летние денечки.

Редок зайчик солнца.
Дождик, ах! – нередок...
Скоро листья тронутся
Убегать от веток.

От жары-бессонницы,
От птенцов устали
Птицы. Скоро тронутся
На курорт в Анталию.

В предрассветном инее
От осенней вести –
Шифера извилины
Не сидят на месте.

Мысль опасней стронция
На излете лета.
Что нам стоит тронуться,
Граждане поэты?..

Пифагоровы штаны

Хана! Влюбился, словно школьник.
Что называется – «не жить».
Но где Любовь – там треугольник,
Который надобно решить!

Тут не ищи науки строгой.
Уж постигать, так напролом.
И мы в который раз с Серегой
Сходились под прямым углом.

Кому свезет, кому покатит,
Кому откликнется она?
Я катет, и Серега катет,
Гипотенуза лишь одна!

...Она давно живет в Сан-Ремо,
А мы всё те же – ей верны...
Такая, в общем, теорема
Про пифагоровы штаны...

Не обязательно

Быть на свете не обязательно
Трактористом или министром,
Прорицателем и спасателем,
И борцом не в меру речистым.

Совершенно не обязательно
Знать бельканто и эсперанто,
Ловко лезть по стенам базальтовым
И на сцене блистать талантом,

Из обычных слов извилисто
Кружевное плести плетенье...
Но уж, коль на свет таки вылез ты –
Сделай что-нибудь, кроме тени.

Антиутопия

Нет, только клином вышибают клин!
И вновь идут под красные знамена
Дивизии со взгорий и долин
И партизан амурских эскадроны.

Льют пули, точат шашки и штыки,
Готовы умереть «в борьбе за это»,
Поход закончить у Москвы-реки
И утвердить в России власть Советов.

Кормить «маслиной» сытых – не пора ль?
Не привыкать во власть шагать по трупам.

Истории железная спираль
В Россию-мать впивается шурупом.
Но тих Амур. Туманы широки...

А под Москвой в ореховой кровати
Сопят национал-большевики
И видят сны о красной благодати...

Пересмешник

Не сосчитать несчетного. Утрат
Не избежать. Не вычерпать потока.
Не высидеть одно яйцо стократ
И даже дважды. Логика жестока.

В лесу деревья не поставить в ряд.
Не приказать звезде упасть до срока,
И, по словам ехидного пророка,
Не может необъятный быть объят.

В кругу вороньем павы не найти,
И нет неблагодарнее пути,
Чем истину искать на дне стакана.

Стихами петь не каждому дано.
Пою! На все лады, но все равно
Я, пересмешник, соловьем не стану...

Монолог Страны Дураков («Приключения Буратино»)

Я – Страна Дураков.
Я от вас далеко,
(Или рядом, любезный читатель?)
И оглобля, и ось –
Всё во мне вкривь и вкось,
Наугад, невпопад и некстати.

От рассвета – слова:
«Хоть потоп, трын-трава,
Нам до фени, авось, неохота» –
До скончания дня.
Потому-то меня
Разукрасили грязь и болота.

А народ во хмелю
Знай смолит коноплю
Под венцом Тарабарской короны.

Есть и Поле Чудес:
Для азартных повес
Там толпою стоят лохотроны.

А под крышей бандит
Друг на друге сидит
На паях с полицейскими псами.
Чем те псы голодней,
Тем полезней и злей,
А кормежку – добудут и сами!

А удел короля –
Пожирать трюфеля
Да на пузо навешивать цацки.
Я в Страну Дураков.
Превратилась – легко,
Значит, правили мной по-дурацки.

Апрель

Воплощение дум.
Воплащение дам.
Дым,
Которым становится мусор и хлам,
Обнимает
Домаявшиися
Дома.
Шаг до мая.
Хромая,
Уходит зима.
Понимаю – весна.
Это новая жизнь.
Шаг до мая.
Не жди.
Допрощай.
Домиришь.

Гамлет

Владимиру Высоцкому

Шоколадом лечить печаль
Стыдно, судари! Драться надо.
Время требует – палача,
Не слащавости шоколада!
Быть? Не быть? Честь иметь – иль сдаться,
На шесток свой по воле дяди?
Нет, не всё в королевстве Датском
В шоколаде, в шоколаде!
Мне измены откуда ждать
И предательства – справа, слева,
Если даже родная мать
Не вдовой живет – королевой?
Если те, с кем клялись по-братски,
Вас кидают, на злато глядя?
Нет, не всё в королевстве Датском
В шоколаде, в шоколаде!
Я зачем изучал закон?
Чтоб, вернувшись, узреть в смятенье,
Как властителю служит он,
Покрывая все преступленья?
Лишь до власти сумей дорваться –
Душу дьяволу, власти ради!
Нет, не все в королевстве Датском
В шоколаде, в шоколаде!

Значит – быть! Идти до конца!
Прочь смятенье и прочь сомненья!
Мне поведала тень отца:
Это брат его сделал тенью!
Он – король, что ему воздастся,
Пока жив он и землю гадит?!
Нет, не всё в королевстве Датском
В шоколаде, в шоколаде!

Так рази же, возмездья сталь,
Грудь зачинщика поединка!
Шоколадом лечить печаль
После будете, на поминках.
Я в крови, уже не подняться...
В небеса иду, как к награде!
Чтобы всё в королевстве Датском –
В шоколаде, в шоколаде!

Октябрь

С каждой осенью площади плешей исправно растут.
С каждой новой весной новых весен становится меньше.
Время бывших мужчин и – увы – увядающих женщин.
Это жизни октябрь.
Ничего не поделаешь тут.
Лето красное кануло в лету,
И бабье туда ж.
Паутина морщин по лицу – как невольничьи клейма.
Не стереть, не избыть, не залить никаким Орифлеймом.
Да и поздно, поди, напоследок творить макияж.
Вот такая, простите, веселая длится игра.
Вот такая, простите, ирония осенью года.
На сегодня,
Пока – на душе неплохая погода,
Только чувствую – к завтраму зонтик готовить пора...

Из цикла «Коротко о разном»

Давно о пеленках забыли, давно не до пряток,
В пространство из комнат выходим с открытым забралом,
Но с каждым мгновеньем ясней понимаем, что краток
Наш день на земле и до вечера сделано мало...
Пи-эр квадрат, эм-вэ квадрат –
Мир, безусловно, угловат!
Мы это чувствуем вполне
Округлостью, что при спине...

Бедлам поветрием растекся:

Мир наводнили ортодоксы,

И угол каждого из них –

Куда прямей, чем у других!

«Погиб поэт, невольник чести», ©

Погиб и следующий поэт,

Еще полсотни, сотня, двести...

На графоманов пули нет!

Жесть и жесть, лужу как раньше,

Только звон в ушах стоит!

Нареки меня – жестианщик.

Ну какой же я пиит...

Сараджева (Стрекаловская) Нина

Училась в ФМШ-45 в 1969-1971гг. (8-9 класс) Школу, к сожалению, мне пришлось оставить из-за болезни. В Архангельске окончила театральную школу-студию, но судьба распорядилась так, что вместо театральных подмостков трудовая жизнь была посвящена работе на железной дороге. Сейчас я живу с семьей в Архангельске, воспитываю внуков, люблю путешествия, музыку. Стихи пишу с 9 класса.

Диалог. Посвящено Саше Воинову

- Я люблю тебя, ты слышишь? Я люблю тебя!
 - Между нами море, крыши, долгие года.
 - Но ведь ты меня ласкала. Ты со мной была...
 - Я тогда не понимала. То не я была.
 - Ты слепая! Одинокое терпишь боль свою.
 - Я люблю другого, сокол, не тебя люблю.
 - Но ведь ты была со мною, всех других родней!
 - Ну и что же? Я не скрою - было веселей.
- Между нами глухо стонет черная река,
Пусть любовь твоя утонет. Смерть недалека...

1970

Молитва

Господи!
Жизни лиши обесчещенных.
Господи!
Падших жизни лиши...
Чтобы живые и чтобы честные,
Не забывались в земной глуши.
Чтобы несчастным, бедою увенчанным,
Ночью открылась дорога в рай...
Господи!
Силы дай обесчещенным,
Гордости падшим дай!

1970

Какая ночь! Светло, красиво...
Луна попала в сеть ветвей.
Дрожит звезда в волнах залива...
И боль сердечная острее...
Я вижу каждую травинку...
Стоят деревья, как в снегу...
Твою любовь холодной льдинкой
В утихом сердце сберегу.

Лето 1971

Ночь

В небо больно глянуть,
Как ярка луна...
Светлые поляны,
Лунные поляны
Обошла она.

В каждую росинку
Искоса глядит:
Ищет половинку,
Ищет половинку...
Ну а та молчит.

Тропку протянула –
Зыбкая дрожит.
Я б сейчас уснула,
Навсегда уснула –
Так душа болит...

Побежать по тропке,
Добежать до звезд.
И, качаясь в лодке,
На луне, как в лодке,
Не скрывать бы слез.

Лето 1971

Ах, какой сегодня день снежный!
Снег с утра спешит, валит, идет...
Ах, какой сегодня ты – нежный,
И «бумажным поцелуем» топишь лед.
Ах, какой сегодня снег белый
И пушистый, как в цвету лебеда...
Ах, какой сегодня ты – смелый!
Я хочу тебе сказать сегодня «да»!

Архангельск, 1972

Снег ложится на ресницы,
Снег на тротуар ложится.
Снег на рельсах, на перроне,
Снег на крышах, на вагоне.
Снегом сыплют небеса...
Снег покажет чудеса.

Превратит избу в сугроб,
Холодит вспотевший лоб.
Он построит нам дворец,
Обвенчает нас чернец.
Снег прозрачный, белый, чистый,
Словно у цыган мониста...

Но, на свете нет чудес...
Это не дворец, а лес,
Это не мониста – слезы.
Не кареты, а обозы.

1972

Не жалуйся свету,
Сама пожалеешь.
Не жалуйся людям –
Души не согреешь.

Пожалуйся ветру –
Он слёзы осушит,
Он душу проветрит...
А, может, задушит.

1972

А поезд уходит в осень
И счастье с собой уносит...
На ёлках зеленых проседь
И осень прощенья просит.

А поезд уходит в осень,
Разлуку с собой приносит.
С разлукою в волосы проседь
И в сердце – седую осень.

1972

Я пойду за тобой
Далеко, далеко,
В край, где ветры хмельные
Посходили с ума.
Я пойду в дивный край,
Где у птиц – молоко,
И по дому тоску
Заврачую сама.
Я не буду жалеть,
Что жила без любви,
Буду счастлива тем,
Что сейчас я с тобой.
Только ты не забудь,
Только ты позови,
Далеко, далеко
Позови за собой.

1973

С.К.

Легко сказать:
Любила? Не люби же!
Легко сказать:
Жила? – Теперь умри...
Легко сказать:
До дна души обижен...
Уйди! Забудь!
Нет, помни, но... замри.

Замри, не выпускай
Наружу душу,
Замри, не вспоминай
Ни губ, ни глаз.
Забудь! Иначе
Боль и страх иссушат...
Уйди! Забудь! Замри!
Костер угас...

Угас... Угас ли?!
Плечи сторбил ужас...
Ведь помнят губы
Горечь слез твоих!
Я потеряла друга...
Или мужа?
Поэта, что открыл мне
Мир двоих.

И поворота к прошлому
Не будет,
И жизнь придется
Снова начинать...
О, эта страсть,
Что на живые губы,
На грудь – легла,
Точеная печать.

Мне эта боль
Бессмертье обещала,
Над павшей ниц,
Над падшей ниц –
Как меч!

Легко скажу:
Я все начну сначала...
И дам любви с души
По каплям стечь.

1973

Дождь

Дождь...
Стынут шпиль в туманной мгле.
Дождь...
Крыши будто в седой золе.
Дождь...
Молча вымокнет Летний сад.
Дождь...
Капли в небо летят назад.

Дрожь...
Твои губы слегка дрожат.
Что ж,
Не воротить любовь назад.
Что ж
Не воротить согласие в дом...
В дождь
Одиноко с тобой идем.

В дождь
Осторожно уходишь ты,
Что ж,
Не воротить назад мечты...
Дождь...
Постарела со мной Нева.
Что ж,
Я при жизни твоей – вдова.

1973

Д.Н.

Прости, прости,
я жду напрасно.
Как неуютен, пуст мой дом...
Сегодня снова
день ненастный,
Темно и голо за окном.

А я надеялась на встречу,
На откровенный разговор,
Но день прошел, и горбит плечи
Нравоучений пошлый вздор.

Ты не придешь,
прошли все сроки.
Ты верен той,
что далеко.
Мы только раз
сыграли в покер
И разошлись...
легко.
1974

М.К.

Ты, помнишь, Миша, легкий шепот ивы,
Склонившейся над тихой водой.
Для нас с тобой звенящие мотивы
Пел соловей чудесной ночью той.

Для нас с тобой звенели эти трели,
Для нас слепой любви манящий рок.
Не поняли, – как знать? – не разглядели
Нежнейших чувств поднявшийся росток.

Ты помнишь, Миша, высоко над нами
Рождался рокот первых майских гроз,
Ночных зарниц мерцающее пламя...
Волненье дерзких юношеских грез.

О, как спешили мы закрыть футляром
Нежнейшей дружбы трепетный порыв,
Любовь считая бесполезным даром,
Ненужным – чувств восторженных наплыв.

Но, видимо, не властны мы над сердцем,
Как ни старались душу запереть,
Осталась где-то маленькая дверца,
Чтобы любить, страдать, желать и петь...

1975

С.К.

Прощай, Любовь!
Твои сгорели свечи.
Их горький стон
Затих...
повис в ночи.
А мне осталось:
Зябко кутать плечи,
Да хрупкий грифель
Бережно точить.

И ночь без сна
Над тихой водной гладью,
И погруженье в сон –
Прощение грехов...

О! Мне остались чистые тетради
Тобою не подаренных стихов.

1975

Я успокоилась, теперь все очень просто

Я буду просто жить,
и просто спать,
и просто бодрствовать,
и просто заниматься.
Болезнь
и выздоравливать,

и увлекаться,
и просто остывать.

И просто тосковать,
и просто знать,
что ты ушел...
И просто рассуждать
о долге, и о цели,
и просто чувствовать,
что жизнь моя –
бесцельна.

Я успокоилась...
теперь все очень просто.

1975

Я не сожгла твои рисунки
И письма не сожгла.
Я только ими да стихами
Все эти дни жила.

Ведь не сожжешь воспоминаний,
Они придут опять...
А время трепетных свиданий
Не поворишь вспять.

И в душной церкви аллилуйю
Зря девушки поют,
Твоих безумных поцелуев
Они мне не вернут.

Я с губ печать не убираю,
Твои стихи не жгу.
Ты завещал – я исполняю...
Я вечно жду.

1975

Ты мне не говорил «люблю»
И не искал со мною встречи,
А я так трепетно ловлю
Вспоминанья каждый вечер.

Ты мне не говорил «люблю»
И не давал мне обещаний,
А я судьбу свою молю,
Чтоб подарила нам свиданье.

Ты мне не говорил «люблю»
И нам не пели аллилуйю...
Как жажду сердца утолю
Одним «бумажным» поцелуем.
Ты мне не говорил «люблю»,
Ты просто шел своей дорогой.
А я молитвы Богу шлю:
«Меня карай! Его – не трогай...»

1976

Я по милости твоей
Никому не верю.
Не люблю теперь гостей,
Закрываю двери.
Радости не нахожу,
Выхода не вижу.
Вот платок себе свяжу
К осени поближе.
Буду плечи закрывать,
Буду ноги кутать
И холодную кровать
Застилать под утро.

1976

Вот теперь я совсем свободна:
Не любовница, не вдова.
Будет ветер мне братом сводным,
Будет сводной сестрой – трава,
Будет дочкой – плакучая ива,
Будет сыном – высокий клен.
Я, наверное, буду счастливой,
Как мальчишка, который влюблен.

Больше мне ничего не надо.
Для других моя грусть смешна.
Незаслуженная награда –
Знать, что я ничего не должна!

16 октября 1976

Мечтала:
руки раскинув,
рухнуть в сугроб на спину...

в кофе добавить тмину,
залпом фужер опрокинуть
и хохотать невинно...

По Летнему саду ночью
бегать, безумные точно...

Развеселившись очень,
в Любви объясниться очно
и обвенчаться срочно.

Мечтала:
глазами – в душу...
Тебя одного лишь слушать,
для мира закрывши уши,
не оставляя отдушину...

Я знаю,
оковы эти
проклятей всего на свете...

Твой взгляд был лучист и светел,
так могут глядеть лишь дети.

...Ах, грезы
уносит
ветер...
И был день...
И был день.
И был дождь.
И был ветер с реки...
Я ждала –
Ты придешь,
Скажешь тихо: «Сим-Сим...»
И опять
День. И дождь
Вперемешку со снегом...
Пальцев
Стынущих дрожь.
Я пришла. Твоим следом.
И был ты...
И немели
От нежности руки.
И был вечер...
И холод
Бессрочной разлуки.

1976

Для тебя я чужая стала, –
Отличишь ли среди встречных лиц?
Ты устал, да и я устала
Извиняться и падать ниц.

Ты устал, но и мне не сладко
Делать вид, будто я весела

В НАШЕМ МИРЕ, где призрачно-шатко
Счастье-гость у пустого стола.

Я теперь для тебя чужая,
На французском душа замке.

...Помнишь, как, хохоча, бежали –
Кто быстрее – вдвоем к реке.

1977

В.Р.

Тонкая березка протянула
Веточку к оконному стеклу.
Лишь под утро я вчера уснула,
На диван пристроившись в углу.
За окном березка моя дремлет,
На заснеженных ветвях один листок...
Твое сердце моему не внемлет,
От тебя бежать бы на восток...
На восток, на юг или на север,
Только б дальше, только б далеко!
Как я сердцу своему не верю,
Как ему поверить нелегко!
Тонкая березка не трепещет,
Не качается, не стонет на ветру...
Странные со мной творятся вещи –
Засыпаю только поутру.

1978

Р.В.

Я давно не молюсь.
О себе мне молиться не надо.
О тебе в бесполезных молитвах
Мой голос охрип.
Я тебе пожелала бы
Вечные муки ада,
Если б так не любила
Льняные твои вихры.

Я б тебе пожелала
Всегда пораженья в споре,
Одиночества горечь,
Печаль бесконечных разлук...
Я тебе пожелала бы
Вечно бездонное горе,
Если б так не любила
Тепла твоих нежных рук.

1978

Молитва

Моя Любовь,
не покидай меня.
Мне от тебя
совсем немного надо:
В холодный вечер
подари огня,
А в жаркий полдень
обернись прохладой.
Моя Любовь,
меня не покидай,
С тобою я
не буду одинока.
Мне душу горечью
и нежностью питай,
Но не давай в мечтах
взлетать высоко.
Не покидай меня,
моя Любовь,
Я одиночеством
не упиваюсь.
Боюсь, найду
и потеряю вновь,
И только лишь тебе
в грехе покаюсь.

1980

Турунов Юрий

Выпуск 1972г., класс Д. В 1977г. Закончил СПбГУ, химический факультет, кафедра молекулярной спектродологии, работал почти 20 лет в НИИ Земной коры. Не «остепенился». Затем и ныне – в ООО «Информаналитика». 2-3 песни на мои стихи кем-то, когда-то исполнялись. Основным стимулом писать, главным образом, был интерес друзей, одноклассников.

Романс о слове

Гудит в печи, костре или камине,
Летят тетради – дневники, стихи –
В огонь... Кому нужны вы, пастухи? –
Отары не осталось и в помине.
Дымится ненаписанный роман,
Коптит непубликуемая повесть,
Лишь пламенем обгрызенная совесть
Впорхнуть не в силах в пятый океан.

Свербит в глазу – пылинка ли, росинка,
Нежданный лучик, павший с высоты?
Зола, угар? – горят, горят мосты! –
Заигранная старая пластинка.
Пронизанная светом синева
Впитает горький тлен без осужденья,
А выше, – не уйти от наважденья –
Прозрачные, возносятся слова.

Болит в груди – в пески сотрутся горы,
Мой канет век в начало всех времён,
Останется ли к небу устремлён
Потомок, не опустит долу взоры?
Найдутся ли слова, – крылатый конь –
Написанные – да! – высоким слогом,
Летающие: иное – слиться с Богом,
Иное – угольком упасть в огонь?

Горчит во рту, и сладко – пейте сами,
Хмелея, и в груди холодный ком
Растает – упивайтесь языком,
Дарованным землёй и небесами.
Кружится мир, кружится голова,
Пока пишу – дышу, живу я снова!
В конце концов, вначале было Слово –
В конце концов останутся слова.

03.08.09

Лёжа на спине

Если долго лежать на спине и глядеть в потолок,
Белый мрамор его ты ласкал безнадежно во сне,
Наяву же взлетал, – и летал! – но коснуться не мог...
Он у ног, потолок, – ты поэт и паришь в вышине.

Если долго лежать на песке и глядеть в синеву,
Где большое светило вальяжно царит в высоте,
То увидишь, как солнце – я солнцем светило зову, –
Отражается мелкой монетой в глубокой воде.

Если долго лежать в глубине и глядеть в пустоту,
Неизбежно сомкнув неизбежно немые уста,
Истончается тьма и, неясно, но видно мечту,
В крайнем случае, свет – и уже пустота не пуста.

Буду долго лежать в темноте и глядеть в небеса,
На зажжённые звёзды в открытом вселенском окне:
Там далёкие боги, мне их неслышны голоса,
Но у каждого мир – как и твой у тебя, – на спине.

31.08.09

Неверие

Паросского мрамора глыба
Лежит у ворот в мастерскую,
А скульптор, с упрямством талиба
Не режет её – ни в какую!

Как жертва любви безответной, –
Мальчишка, школяр неумелый! –

Ваятель во мгле предрасветной
Свет ищет воистину белый.

Довериться не в состоянии
Ни воску, ни гипсу, ни глине,
Пытается в смутном сиянии
Увидеть божественность линий.

Темно ль на дворе в новолуние,
Беззвёздны ль осенние ночи?
Высокие замыслы – втуне,
Неверие застило очи.

И мастеру чудится ныне –
Над ним Колизея арена,
А в мраморе – девять бикини,
Союз Монплезира, Серена...

Уже подросли подмастерья,
Уже принимают заказы.
Что, Мастер, лишь выйду за дверь я –
Заказчик объявится, сразу?

Хвостатый, и пахнущий дурно,
Закажет тебе да Вовану
Паросского мрамора урну,
Паросского мрамора ванну.

01.09.09

Переоценка ценностей

Цените удовольствия, которых
Сегодня Вы ещё не лишены:
Упасть лицом в осенних листьев ворох,
А насладиться запахом – весны,
Поверить бесконечности аллеи,
Проникнуть в бытия всеобщий нерв.
Губами – к роднику! – и пить, хмелея,
Земли непревзойдённый Гранд Резерв.

Цените наслаждение, которым
Одаривают реки и леса:
Искать грибы, идя рассветным бором,
И видеть птиц, и слышать голоса,
Ласкать волну, волнуясь плеску, блеску,
И запаху, и свежести реки...
Мы б жили счастливо и долго, без гротеска,
В который нас включили дураки.

02.09.09

Глиняный гость

На краешек стула присядь в полутёмной прихожей,
Швырни свою шляпу на воображаемый гвоздь,
Диваны и кресла, обитые бежевой кожей,
Надменно глядят в приоткрытые двери –
непрощеный гость...

Неслышные тени снуют на гепардовых лапах,
Ни слова, ни знака, ни взгляда – их попросту нет!
Ликёры и кофе уносят... оставили запах...
Да звон хрусталя дальним эхом неспешных высоких бесед.

Зачем ты явился, кого тут рассчитывал встретить,
Вопросов каких в этом горле застрявшая кость?
Хозяева мчат в небесах в золочёной карете...
А хоть и не мчат...
Ведь и там ты незванный, непрощеный гость.

Мелькнут в зеркалах отражения: кружева пена,
Атласные плечи, мундиры, меха, жемчуга...
Сиди, наслаждайся Второю сонатой Шопена,
Вдыхай ароматы банкета: духов, коньяка, табака.

Ты сможешь подняться, пройти пять шагов по паркету –
Рукой узловатой вцепись в узловатую трость! –
В углу замереть изваяньем, назло этикету,
Картиной в гостиной... Случайный, нежданный,
непрощеный гость.

На толстый туркменский ковёр наступи несторожно,
Потухшие угли раздуй на лица полотне:
Икона напротив, святой... – угадать невозможно,
Кто горестно плачет по нам,
скорбным ликом прижавшись к стене.

Пора уходить... Хорошо бы достойно и тихо...
Еловым пальто застегнуть накипевшую злость...
В прихожей на стуле, негромкая, тлеет шутиха –
Никто не заметил, не знал, не читал,
чем прощается гость.

06.10.09

Колхида. Возвращение

Неверен сумеречный свет,
не тщусь раздуть мехами угли,
лететь на пламя, плыть на звук ли
мне крыльев – нет,
галеры – нет
преодолеть Эвксинский Понт
сомнений,
Симпрегад сознания,
плачу немислимую дань я,
рву, плача, горя горизонт
стрелой оперённой страсти...
...Далёкий берег, сладкий плен,
и встать грозит не дать с колен,
и манит кольцами всевластья.

Бьёт больно тетива-струна,
туги души стальные струны,
горят магические руны
на жарком золоте руна...
Колодцы Времени полны
волной забвенья – не напиться,
губами губы ищут лица,
отражены, погружены,
застыли скалами, не веря

в беду,
постигнув лишь теперь:
среди ушедших в ил потерь
бездонной может быть потеря.

В кольцо всевластия любви
сплетали кольца золотые
ладони памяти... пустые...
вино – сквозь пальцы...
боль, пльиви!

Но к звёздам обращая взгляд,
всё ждём, что свет их напроорочит,
а тот скользит сквозь дни и ночи,
неумолимо, на закат,
расплавлен, тонет грошик медный...
остыл...

бульжником со дна
на небо вкатится луна –
мой личный гонг, мой всадник бледный...

Накину золотистый плед,
вставая на звонок, на стук ли,
да шевельну в камине угли –
неверен сумеречный свет.

21.07.2010

Холод

Измерил я температуру
в трёх сантиметрах от картины:
она была на градус ниже,
чем у другой, висевшей рядом.
Местами поменял полотна
и убедился – лёгкий холод
не примерещился...
Клонились
три пальмы, плавилась в закате,
зюйд-вест гнал волны, серфингисты
стремились на пустынный берег,
и мёрзли...

...Автор виновато
разводит руки – так запомнил
его я...

Милый однокашник,
художник, унесённый ветром,
холодным северо-восточным,
на знойный берег Сан Диего, –
мы не видались четверть века.

Ты мне писал, как ты писал их –
три пальмы, волны, серфингистов –
как пальмы прятались за ели,
заснеженные, и сугробы
шли волнами на жарком солнце,
а льдинка Снежной Королевы
в зрачке не таяла...

Проверил,
и бьёт озноб перед подарком,
и знаю, как парадоксально
звать Королеву –
Костромою...

28.07.2010

Это – Эхо...

Это всё – театр марионеток:
прорастают нити из бумаги,
ими кукловод прикручен к ваге –
пьеса стоит дюжины монеток.

Это – мелкий частичек для ушницы,
выловлен и выброшен на берег,
а в реке играет мощно жерех,
не спешит в котле чужом вариться.

Всё это носки домашней вязки –
грубые, и моль их тёрла в лапах, –
но хранят тепло и помнят запах
бабушкиных пирогов и сказки.

Это – морось. Мечется, ранима,
тучка, потерявшаяся стада.
Вылилась, растаяла – и рада! –
ураган прошёл давно и мимо.

Несколько цветных стеклянных бусин
по ступеням вытертым, убогим
скачут и бросаются под ноги –
будьте к ним внимательны, бабуси!

Это – топь, манящая огнями,
звёзды светляков в ночи над бездной,
цвет разрыв-травы в глуши уездной,
в золото вцепившийся корнями...

Эта стайка – всё щеглы с чижами –
трелями уткнулась в шум высоты...
И свистят растерянно трещотки,
вторя эху лестниц с этажами.

В помело увязанные прутья
по ночам летают в чистом поле –
не панели же местги им в роли
благоустроителя беспутья.

Это – ветер в лошадиных гривах
табуна, бежавшего по кругу,
закрутился смерчем... и с испугу
затаился в камышах и ивах.

Эти гонки по стене за тенью
чужды спящих разумов старанью:
«пиво лучше с воблой, чем с таранью» –
максима готова к потреблению.

Это знаки на песке, а чаще
на воде... Стезя сокрыта в слове:
думалось – дорога к Иегове,
а тропинка растворилась в чаще...

Лето 2011

Хайрутдинова Юлия

Выпуск 1980г. Окончила биологический факультет СПбГУ. Публиковала стихи в журнале «Нева» и «Орион», в альманахах «Эхо» и «Хайкумене», интернет-журнале «Улитка». Подборку стихов для этого сборника подготовил муж Юлии Александр.

А.А. Тишковой

Ночь, как Вы, понижает голос,
дойдя до сути,
И, как Вы, не доскажет,
оставит итог за мною.
Столько тьмы и сиянья, и ветра
в этой минуте,
Столько неба нахлынуло –
вздоргну, окно прикрою.

Из-за тучи проглянет вечность,
заплещет рядом,
Замерцают мгновенья
в колком своем зените.

Как когда-то на задней парте,
найдите взглядом
В суматохе светил –
и простите меня.
Простите.

Перехожу на прием, принимаю лом
звонких металлов времени, битую стеклотару
счастья, живу-выживаю вчерашним днем
из ума, оправляюсь медленно от удара –
ну конечно, судьбы, чей еще кулак
сносит крышу заодно с большей частью опорных балок.
И полночный дождь забредает на кухню – так,
потрепаться, – и небо сквозит в провалах.

Укротители коней
Под дождь весенний выйти без зонта
И, душу подставляя каплям светлым,
Смотреть, как жизнь струится чуть заметно
По статуям Аничкова моста.
Из старых стихов

Грузная бронза укротивших натуру статуй,
Проливного дождя чугунные плети.
Что-то на свете стало тяжеловато,
Избыток металла. Очередное столетье,
Полязгивая железом, канает в Лету –
Пусть поныряют за золотом водолазы,
Барышни без зонтов, старики, поэты...
Вот и сюжет для маленького рассказа.

Старые строки подобны открытым окнам.
За подоконник шагну, заигравшись с прошлым,
Гляну в небо, закрою зонтик и вся промокну,
И улыбнется мне упрямая лошадь.

Это же всё творится не первый год,
ты понимаешь, этот голос поет –
в небесах, понимаешь, – и с ним временами скрипка...
Может, и правда безумье, но как мне быть,
если поет?
Да как я могу забыть,
вот же...
Судя по этой твоей улыбке,
ты ничего не слышишь, но я-то...
Ну как же – спать?..
Ладно, ложись...
Нет, пожалуйста, вызывать
никого, на ночь глядя... Дай мне трубку!
– Нет-нет, ошибка,
номер набран неверно.

Ты что же, чудака, поверил в эту муру?
Ну, разыграла... Не ори!
Постой, на улице зябко... зыбко...
Лучше ляг на диване.
Спи, все утихнет к утру.

Фрактальный пейзаж

Длинное сизое облако, похожее на перо,
под облаком – птица, под каждым ее пером –
облаком – птица, под каждым из сизых перьев –
птица и ты – глядишь на нее, на облачное перо
над нею, пытаешься по перу представить крыло
и птицу, что несет твой мирок в незнакомом огромном небе.

Мгновенье меж явью и сном продолжает длиться,
Как будто пытается в памяти удержаться.
Скользят по грани света слова и лица,
С мерцающим бытием не спешат расстаться.

Простые и чудные связи тебе открыты,
Как жилки листа, мироздания рисунок четок,
И жизнь доверяется смерти, не ждет защиты,
Как друга, ее провожает до поворота.

Качает ли лодку, ты ли дитя качаешь,
Но ритм передастся сердцу неуловимый –
И вот, засыпая, теряясь, не понимаешь,
Мгновенье ль проходит, ты ли проходишь мимо.

Мне снился лес, глядящий из воды,
Лишившийся опоры, отраженный,
В холодный омут неба погруженный,
Как человек в предчувствие беды.

Там каждый ствол, растущий из ветвей,
В пльвучих облаках укорененный,
Был бел и неподвижен, как колонна,
И страшен в неподвижности своей.

Он продолжался в воздухе земном
Сухим стволом и мертвыми ветвями,
Вцепившимися в свет за облаками,
Как пальцы рук, в отчаянье слепом –

Нет, не удержат! Тучи, словно дым...
И я проснусь, и будет мне казаться,
Что в бездну может этот мир сорваться,
Разверзшуюся в зеркале воды.

Комар пролетает в зеркале над диваном,
неуязвимый посланник
Алисиных параллельных миров.
Там знакомая комната в ракурсе странном
и я на грани
мгновения и еще не выпавшего зеро –
отражусь
Белой королевой, забывающей правила,
сочиняющей сказочки,
рыцарем, падающим с коня,
пока еще стрелка против часовой не отправилась
в мир загадочный,
где не будет меня.

Немного грамматики

Ненаписанный стих ускользает в холодный костер
Проходящего времени. Он и был в прошедшем: «Жила.
Любила».
Безнадежно банально. Безнадежно. Ветер февральский стер
Дымный росчерк с небес. Экономлю силы,
Бережно живу настоящим. С утра метет,
Громоздятся сугробы по всей округе.
Ненаписанный стих не пополнит гамбургский счет,

Разве что подпоеет завыванью вьюги,
Голося без лица и времени: «Жить! Любить!» –
Между тем как будущее, пойманное стихами,
Незаметно становится настоящим, теряя прыгть
В лабиринте деепричастий, и ветер к вечеру утихает.

Обитатели неба, достигнув земли без потерь,
Покружат, не спеша, по-хозяйски места выбирая.
Даже супергеройских ворон запоздалая стая
Неземное вторжение не остановит теперь.

Выйду из дому, гляну, а мир уже, в общем, не наш.
«Слишком холоден он, слишком чист»... – я шепчу, замирая.
«Намело», – отвечаешь. И мир благодарный спасает
Твой рассеянный взгляд, превращающий триллер в пейзаж.

Я живу, как в настенных часах с батареей «АА»,
Шебуршу деловито стремительной стрелкой секундной,
Не пою, не кукую, фильтрую мелеющий скудный
Временной ручеек, и улов облакаю в слова,
Как придонный моллюск превращает в жемчужину боль,
Все, что мучит его изнутри, и тревожит, и колет,
Одевая блестящим покровом, – вот так же позволь...
Постучит по стеклу, шевельнет батарейку. Позволит.

Смерть встает над жизнью, как горная круча в окне вагона
(поезд на юг, прибытие десять-сорок).
Чуть откроешь глаза – вот она! И про сборы
позабыв, таращишься изумленно.
Невозможно большая! Ни в сознание, ни в привычную
перспективу
не влезает, заслоняет полнеба, аж грудь сжимает...
Жутко в ее тени – и до слез красиво.
– Быстренько собирайся! Кажется, подъезжаем.

Белые ангелы в небе пасут облака,
Синие ангелы крылья в лазури полощут.
В солнечных брызгах, кренясь, напевая слегка,
Ангел дождя переходит дорогу наощупь.

Ангелы музыки нянчатся с ангелом слов,
Тешат и дразнят его: ну чего он бормочет?
С крыльями бабочек, с умными лицами сов
Тихо плывут отрешённые ангелы ночи.

Ангелы света баюкают мир на весу.
А ещё оказалось, что ангелам смерти нравится снится
В виде странных женщин и говорящих зверей с рожком на носу,
И они совсем не спешат, им некуда торопиться.

Окно с разбитым стеклом заполняет ночь,
отражению в нём больше не поместиться,
остаётся только сидеть перед ним, точь-в-точь
как старуха из сказки Пушкина, и удивиться,
чем всё кончилось – может, оно и к лучшему, повторять,
может, слишком всё было сложно: слова, желанья
кем-то сделаться, судить, выбирать, решать –
вот и сиди теперь на краешке мирозданья
и не спеша, между строк, подводи итог
на берегу у самого синя моря,
куда волны всю жизнь бегут, чтоб уйти в песок, –
вслушиваясь в их голоса и уже не споря.

Снег в душе и снаружи, и в небе у Бога,
Мы создаем его вместе, отпускаем не сразу.
Снег – это свет и свобода,
Чудо и средство связи.

Выбегаю во двор поплакать – конечно же, слякоть.

Снег умирает, я умираю, мы остаемся –
На сейчас, навсегда.
На скамейке рождественский ангел смеется:
«Вот же светит звезда!»

Бессонница

Этот мир, как белка на тропинке,
Просит у тебя орешек, сердце!
У тебя их много затерялось
В беспокойной гулкой глубине.

За щеку возьмет он твой орешек
И ускачет от тебя подальше,
Там раскусит хрупкую скорлупку.
Вот тогда, наверное, уснешь.

И качнется над тобою ветка,
Встрепенется дремлющая птица,
Засияет над мохнатой кроной
Изумрудным ядрышком звезда.

Фокин Юрий

Выпуск 1977, 10Г.

Мы поставим свечу, позабудем дела,
Остановим летящее время,
И попросим судьбу, чтоб от нас отвела
Расставанья грядущего бремя.
Мы услышим сердца, мы посмотрим в глаза
Долгим взглядом, и встретятся руки...
И на милом лице заблестит вдруг слеза –
Впереди бесконечность разлуки.

Догорела свеча – дрогнул свет и погас,
Снова я в одиночество канул.
Недосказанность фраз, многословие глаз
Вспоминать никогда не устану.
И Всевышнего я никогда не молю
О карьере, деньгах или хлебе –
Дай лишь встретиться мне – с той, кого я люблю –
Пусть не здесь – но хотя бы на небе...

Мой Дом

Мой Дом – моя крепость, и он осажден,
И Рыцарь-защитник почти побежден.
Поломаны копья, и порваны луки,
И плач тетивы – словно песня разлуки.
Пробиты доспехи, и конь мой сражен,
И замок умелой рукой подожен.
И рухнули стены, и вскрыты подвалы,
И рыщет захватчик – и все ему мало,
От поисков тщетных он зол и устал,
И пусть победил – но богаче не стал!
Тем временем замок дотла догорел,
А раненый Рыцарь над пеплом скорбел...
«За что ты сражался? – спросили его –
Ни в доме, ни в крепости нет ничего!»
И Рыцарь ответил, сжимая копье –
«Здесь пусто и голо, но это – моё!»

Если б было можно
Вычеркнуть из жизни
Все, что было ложно,
Все, что было лишне
Вычеркнуть разлуки,
Позабить печали,
Что б бывшие муки
В сердце не стучали.
Вырвать с корнем подлость,
Что свершил когда-то,
Пусть сгорят, как хворост
Роковые даты.
Груз ошибок первых,
Память о невзгодах –
Пусть уйдут бесследно,
Как песок сквозь воду...

Сразу б стало тихо,
Как на горькой тризне –
Нет, нельзя и мига
Вычеркнуть из жизни...

Вот и всё – мы расставили точки
И что было, увы, не вернуть,
Только писем кричащие строчки
Не дадут по ночам мне уснуть.

Вот и всё – впереди нет просвета,
Только память – единственный друг
Сохранит наше зимнее лето,
И тебя, мой спасательный круг.

Вот и всё – но тебя не забуду,
Ты мой ангел, ты мой человек,
Появившийся вдруг ниоткуда
И туда же ушедший навек.

Вот и всё...

Закружила нас с тобой
Страсть,
Словно в омут головой –
Власть!
Веселись, душа моя,
Пой!
Ты моя теперь, а я –
Твой!
И какая б ни легла
Мать –
Над сердцами страсть взяла
Власть.
Руку, Солнышко моё,
Дай –
Мы по радуге пойдем
В рай!

Как дорога ты стала мне –
Я лишь сейчас внезапно понял,
Как вспышка молнии на фоне
Цветов, увядших на окне...
Тревожишь душу сладко мне
То словом жалиющим вонзаясь,
То нежным шепотом касаясь,
Не отпуская и во сне....
И таю медленно в огне
Твоих бездонных глаз, царица,
Забыв про все другие лица!
Как дорога ты стала мне...

Найди во мне отсвет
Надежды,
Найди во мне совет
Невежды,

Найди во мне слезу
Страданья,
Найди во мне грозу
Молчанья,
Найди во мне слова
Для песни...
Пока любовь жива –
Мы вместе.
Ищи во мне меня –
Любого,
Найдешь ты там себя –
И Бога...

Не молчи...

Прилягут сумерки на плечи,
Укроют зыбкой тишиной
Давай, как прежде, мы с тобой
Погасим свет, поставим свечи
И потеряемся в ночи...
Ты помнишь это? Не молчи!

Когда же все переменялось –
Ты здесь, со мной, но далека,
Как от былинки облака,
А счастье, видно, мне приснилось...
И мотыльком в огне свечи
Трепещет сердце. Не молчи!

Не верю я, что все проходит!
Скажи, скажи хоть что-нибудь,
Не о любви – не в этом суть,
Пусть о работе, о погоде,
Заплачь, засмейся, закричи!
Но, ради Бога, – не молчи!

Забыв, как плыли облака
Под шелест трав,
И как лежит в руке рука –
Я был неправ.
Я был немыслимо жесток,
Струну порвав,
Тебя обидев – видит Бог –
Я был неправ.
Я испугался и бежал
От чувств стремглав,
Твое доверие предал –
И был неправ.
Душа сжимается в груди,
От дум устав,
Хочу сказать тебе – Прости!
Я был неправ!

Харлей

Мили путей, километры дорог,
Байкер в седле – он калач
тёртый!
Ищем мы риска предельный порог –
Я и «Харлей» – великан
чёрный.
Белой разметки манящий пунктир,
Вдаль убегает столбов
хворост,
Нам ни к чему заторможенный мир,
Бог у «Харлея» один –
Скорость!
Мчимся навстречу свободным ветрам,
Жизни не жаль, чтоб душа
пела!
Вызов бросаем Чертям и Богам!
Ну-ка, «Харлей», ты их всех –
сделай!

...Смрадно дымит искорёженный байк,
Сверху гляжу – где ж моё
тело?
Ясно... Что дальше? Мне в Ад или в Рай?
Впрочем, какое вам всем
дело!..

Цымбаревич Олег

*Выпуск 1971г., затем Таллинский Политехнический институт,
факультет экономики. В настоящее время живет в Таллине.*

Из серии «Полёты»

Мои полёты

В особый час меж днём и ночью,
Когда едва зажгутся звёзды
Расставшись с тела оболочкой,
Легко взлетать в недвижный воздух.

Над морем взмыв, волны касаться
Рукой прозрачной и беспечной,
И вдруг в мгновение оказаться
Там – где-то на дороге Млечной,

Где век и миг – одной длиною,
И где меж звёзд качаясь плавно,
Легко смотреть на всё земное
И думать мысль о Самом Главном.

О том, что счастье – это лето,
Что в разговорах мало толку,
Что ничего на свете нету –
Есть только мысль.
И всё.
И только.

О том, что жизнь уйдёт бесследно,
Лишь то во мне, что рвётся птицей
К скопленьям звёзд и в зелень лета,
Быть может, в чём-то сохранится.

И вот однажды, днём похожим,
По небу пролечу кометой
И не вернусь назад, быть может,
Став ветром или звёздным светом.

...

В особый час, в прозрачный вечер,
Став чуть мудрее и свободней,
Лечу опять к Земле навстречу.
Лечу назад.
К тебе.
Сегодня.

Полёты с птицами и без

Всему своё предназначенье в мире,
Но я не мог мириться с ранних лет
С заклятьем безнадёжным, словно гири –
Навечным притяжением к Земле.

Вставая ежедневно утром ранним,
Я изучал повадки птиц и пчёл.
Но, несмотря на все мои старанья,
Полёта тайну всё же не нашёл.

Я провожал глазами птичьи стаи,
И так хотелось взмыть за ними вслед.
Да, в небе я парил, во сне летая,
Но просыпался снова на Земле.

А человек, питая к птицам зависть,
Придумал самолёт и дельтаплан
И полетел, забыв о том пытаюсь,
Что это всё же лишь самообман.

Не быть нам птицей, но не в этом дело –
Есть способ и без крыльев взвиться ввысь:
Взлететь не может лишь земное тело –
Зато всегда легка в полёте мысль.

В единстве неземное и земное:
Плывут в озёрной глади облака –
Есть в теле жизнь, пока душа со мною,
И мысль жива, пока тепла рука.

И всё же есть, мне кажется, надежда:
Свой век земное тело отживёт,
А мысль взлетит свободно, как и прежде,
И никогда не кончится полёт.

Полёты со звёздами

Мир начинается прямо с порога –
Здесь предстоит нам дойти до всего.
Цель путешествия – это дорога,
А не конечная точка его.

Если внимательно в небо взглядеться,
К лесу прислушаться, ветер вдохнуть –
То обязательно чуткое сердце
К дому укажет единственный путь.

Дом – это мир без конца и без края,
Где среди звёзд совершая полет,
Не исчезая и не умирая,
Сущность всего бесконечно живёт.

В этой вселенной ничто не случайно:
В капле росы уместились миры,
Там переполнены смыслом и тайной
Пение птиц и безмолвствие рыб.

Зимнего солнца движенье к закату –
Это начало пути на рассвет.
Может, и мы возвратимся когда-то,
Круг совершив мимо звёзд и планет.

Пусть мы не сразу окажемся дома,
Счастье и боль испытав по пути –
Все-таки, солнечным ветром влекома,
К лучшему миру душа долетит.

Скажем спасибо судьбе за везенье
Здесь, под луною, родиться и жить.
Может, и лучше в другом измерении,
Может и так,
но не стоит спешить.

Вопрос на ответ

Пролился дождь, и радуга сияет,
И птицы улетают в облака.
А в чём тут смысл – пока никто не знает,
Никто не понял суть ещё пока.

Пока вопрос – откуда рыба в море,
Зачем искрится снег, бежит река?
Веками все о смысле жизни спорят,
Но каждый при своем ещё пока.

Неясно, для чего цветёт фиалка,
Куда душа летит во тьме ночей?
Зачем зимой мороз, а летом жарко:
Пока не проясняется – зачем?

А жизнь, меж тем, сквозь дни водой сочится,
Но мне никто не проливает свет
На бытие,
и может так случиться,
Что я уйду, не получив ответ.

«В чём смысл всего?» – кого спросить об этом?
И, если разобраться по уму,
На все вопросы отыскать ответы
Мне, видимо, придётся самому.

Пока не поздно, торопиться надо –
Уж, небосвод темнее стал слегка.
Пора найти ответ, пока ты рядом,
И я пишу стихи ещё пока.

А, между тем, есть истина простая –
Её бы надо твёрдо заучить:
Когда неправильно вопрос поставлен –
То правильный ответ не получить.

И я, с трудом зубря судьбы уроки,
К ответу приближаюсь с каждым днём.
Осталось уточнить формулировки.
Настанет срок,
мы поживём –
и всё поймём?

Из серии «Сезоны»

Сочинение на тему «Как я провожу лето»

Вновь ко мне влетело лето
Пёстрой бабочкой в окно.
С миром трав, тепла и света
Снова буду заодно.

Каждый день встречать, как праздник,
Думать мысли ни о чем,
Разговаривать о разном
С облаками и ручьём.

И открытъя старых истин
Делать прямо у дверей –
Важно всё: цветы и листья,
Жук, пчела и муравей.

Говоря легко о сложном
С милой под руку бродить.
И она меня, возможно,
Поцелуем наградит.

В бесконечность жизни веря,
Наблюдать движение звёзд,
И угадывать по перьям –
Сойка это или дрозд?

Собирать грибы в лукошко,
К бане веники вязать,
И, смеясь, смотреть в окошко,
Как резвит себя гроза.

Есть черничное варенье,
Ноги в речке остужать
И читать свои творенья
Мухоловкам да ежам.

А они не строго судят,
Лишь добавят мне строку –
Вряд ли кто ее забудет:
«Чик-чирик, тирлинь, ку-ку!»

В строчке этой запах мяты,
Вкус малины, шум берез,
Зелень трав, пожар закатов,
Нежность солнца, ярость гроз.

А зимой, порой вечерней,
Если станет грустно мне,
И не будет облегченья
Ни в лекарствах, ни в вине,

Вспомню сразу средство это,
Что развеет грусть-тоску –
Назову пароль от лета:
«Чик-чирик, тирлинь, ку-ку!»

В лес за смыслом

Дни лета журавлями улетели,
Сентябрь за октябрем забыт давно.
До декабря осталось две недели,
Зима уже вот-вот наступит,

но...

Но что-то бесконечно длится осень,
Бреду по лесу, удивляясь вновь
Тому, что здесь – среди берёз да сосен –
Ноябрь с апрелем очень схожи,

но...

Но это небо, низкое такое,
И запах прелых листьев из-под ног,
И лес, уже уснувший и спокойный –
Всё на места свои расставят,

но...

Но это медленное время всё же,
Уверен – не напрасно нам дано.
И я опять иду по лесу, может,
Смогу узнать ещё о Главном,

но...

Но только нет подсказок и советов:
Стоят деревья молча надо мной,
И лес не выдаёт своих секретов
Пришельцу из другого мира,

но...

Но если я однажды днём осенним
С самим собою стану не в ладу –
Возьму корзину, полную сомнений,
И, как всегда, за смыслом в лес уйду.

Моё лето

Стегнуло тенью по лицу,
Пронзила шаг роса.
А лето катится к концу,
Как солнце за леса.

Я так надеялся и ждал,
Был терпелив и тих,
Мечтал застать тот час, когда
Оно должно прийти.

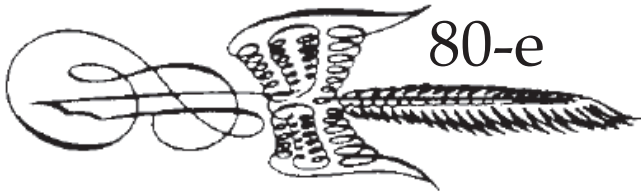
Мне опротивели пальто,
Зима, длиною в год,
И только думалось про то,
Когда ж оно придёт!?

Я строил планы-миражи,
Я видел тыщу снов
О том, как чудно будем жить,
Когда придёт оно.

Ах, лето: небо, облака,
Поля, цветы, река!
Но солнца луч в своих руках
Не удержать никак.

Туман и в поле и в душе,
И ясно мне одно:
Что лето кончилось уже –
А было ли оно?

Что ж, видно мой удел такой –
Вновь буду зимовать,
И с прежней верой и тоской
Другого лета ждать.

Бураго Дмитрий

Математик, литератор, живописец. Служит профессором математики в университете штата Пенсильвания. Живёт и в Америке, и в Питере. Выпуск 1981го (класс «а»).

Памяти Любы Григорьевой

Знаю, с тобою встречусь когда-то.

Будет заря.

Будут закаты – выше чем явь: выше распада.

Будут – моря:

как ты любила – с тёплой водой.

И – солёной бедой.

Будет и лето, то, что так ждали,

куча картин.

В Горьковской – помнишь, белый жасмин, синие дали.

Буду один

где-то бродить у жизни в плену,

помня тебя одну.

В Горьковской – знаю, ты не бывала.

Ну не беда.

Будут позёмка, сонный рассвет, гомон вокзала

и поезда.

Те электрички нас увезут –

раз не сложилось тут.

Ты же дождёшься – пусть неизвестно,

где и когда.

Будет планета, может – не та, но повсеместно –

окон слюда.

Будет, конечно, тёплый песок,

манговый будет сок.

Кто режиссёр у этого фарса –

мне невдомёк.

Верно, дурачит, мне же – в метро, может, до Марса:

на огонёк.

Потную куртку некогда снять:

надо скорей обнять.

II Весна

Сказать бы: «так жить нельзя, ибо быть беде.»
Конечно, поди, угадай, что в чёрной воде...

Возможно, ты мне не ответила бы: «фигня.»
Возможно, ты и послушалась бы – меня.

И стала бы тихо жить, эту жизнь любя.
Но только тогда потеряла бы ты – себя.

А мне уж никто не посмеет сказать: смотри,
ты скоро погибнешь, глупый, на раз-два-три.

Да ладно, уже четыре, почти что пять.
И серебрится над ухом седая прядь.

А жизнь бывает, наверно, лишь – вопреки.
А не ожиданием счастья у сонной реки.

Да счастья на свете – нет. А побег – туда,
где встречу тебя – не знаю, где и когда.

А нынче – весна. Согласно календарю.
На улицу не выхожу. Не благодарю.

Ну да, получилось, до этой весны – дожил.
По мне – что растаял снег, что разлился Нил.

Теперь уже всё случается лишь внутри.
Такая смешная считалочка: раз-два-три.

III Памятник

things must return
where they belong
life was long
I've done
all a man should do
I never betrayed anyone
I wrote words for a song
I wrote a book
or two
a painting
I loved

for no reward
I loved a human being
I've done something
good
beyond cooking food
I am off the hook
I returned the gift
I'd received from above:
love
we sure will meet soon
this world is just a cartoon

ключи от кучи дверей
ворох дач
множество неудач
якорей
плачь не плачь
лучше скорей наугад
выйди в сад где листва
опять
шумит над тобой в вышине
найди
слова
что не стыдно сказать
в тишине
в которой лишь я
и ты
проигрыш немоты
в конце пути
бормочу скорбя
что нет тебя

IV Мираж (Любе Григорьевой)

Всё это – чушь, всё это – небылица
не могло взаправду приключиться.

Уверен, там, куда ты забрела,
ночуют на песке на диком пляже,

весной цветут подснежники, и даже
зима не вьюжная и вся белым-бела.

А я – всё маюсь здесь. Опять дожди.
И ни зимы, и ни весны – ни лета.
И не понять: зачем мне нужно это.
И не сказать: «всё будет, обожди».

Уж ничего поправить невозможно.
Весь день – одна бессмысленная муть.
И по утрам – и муторно и тошно.
И вечером нормально не уснуть.

Наверно, надо раньше уходить.
Не доживать до старческого бреда.
Не подадут десерт в конце обеда.
И толком не с кем и поговорить.

Есть многие, кого хочу обнять.
Но – континенты, время, океаны...
Больницы, самолёты, дети, страны...
И отнимает жизнь за пядью пядь.

Я тут ещё – немножко – поброжу.
Хотя какой теперь уж «гулкой ранью»...
Я привыкаю больше к вычитанью.

А образ твой – подобен – миру, –
но оживёт, когда очнусь за гранью.
А вдруг – друг-друга не узнаем мы?
И может, больше будем – не людьми?
А может быть, не будет там – зимы?

Но думаю, подарит домик нам
тот дьявол, до кого – куда там богу.
Как одному когда-то подарил.

Я там смогу спускаться без перил
с крыльца, и даже полюблю дорогу.

И будет тлеть в краях совсем иных
у нас закат на окнах слюдяных.

Ты видишь: на холмах – огромный пёс
и человек в плаще – кто перенёс
гораздо больше боли, чем другой,
кого он лишь по трусости не спас.

И будут: кот, и ветер, и – прибой.
И там ничто не опечалит нас
с тобой.

V

Как ты, где ты? Конечно, не в чёрной воде подо льдом.
Мы же скоро встретимся. Ну, совсем чуток подождём.
Помнишь – там, в Сиэтле, гуляли мы под дождём:

мы же оба с тобой – терпеливы. Не размазываем
соплей.

Я реву – это глупо. Слёзы тут – лей – не лей.
В этом мире не станет светлей.

Весна в Ялте

Рука затекла, я внезапно проснулся, но
глаза приоткрыть не хватало мне силы воли.
И только мерещилось где-то вдали окно.
И где-то скреблись, как котята, остатки боли.

Мне снилось, что будто бы мы расстались с тобой,
и я позвонить пытался тебе зачем-то.
Причём из Ялты. Зелёный кипел прибой.
И гулко хлопали крылья холщового тента.

Я в Ялте даже проездом не был, увы.
Но помню пляж, новостройки, тропинку к молу.
И телефонную будку из той главы
жизни прошедшей, когда я таскался в школу.

Я вроде проснулся вполне, но понять не мог:
а где это я и что там шумит за шторой? –
Припомнил несколько стран, где немалый срок
прожить довелось – и гадал: а сейчас в которой?

И было так скверно, что я поскорей хотел
отклеить от сна реальность, прогнать сновиденье.
Но был потолок в случайном отблике бел,
и незнакомым было в углу растенье.

А после узнал гостиницу, где живу,
нащупал пустую подушку рукой, где тупо
ещё что-то ныло, – и вспомнил, что наяву
давно мы расстались: звонить ни к чему и глупо.

И так захотелось вернуться в объятья сна,
где этот звонок всё бы мог изменить чудесно –
где телефон-автомат, где в Ялте весна,
и будущее распахнуто и неизвестно.

Три строфы о любви

К.К.

Три строфы о любви? Предположим, она –
не из тех, кто в беде остаются рядом.
Равнодушная, только в себя влюблена.
Нужен ей – на коне перед всем парадом.
Упадёшь с коня – не одарит взглядом:
где-нибудь ей найдётся ещё весна.

Экстерьер же, допустим, отнюдь не плох.
Недостатков список, увы, длинней
золотистых волос, прозрачных, как вздох.
Да и, собственно, был ли ты счастлив с ней?
Ничего от тех не осталось дней.
И от тех ночей не собрать и крох.

Где она теперь? Что-то врёт молва.
С кем теперь она? Неизвестно тоже.
Только шепчешь: спасибо, мой бог! – жива!
Только сам без неё больше жить не можешь.
Это Песня Песней. Такой не сложишь,
подбирая бархатные слова.

Беспамятство

Пока я сплю, светила дремлют тоже.
Часы земные замедляют ход.
Из гаммы исчезает пара нот.
У олигархов падают доходы.

И тыквы серые прозрачных дынь дороже.

Пока я сплю – шиповник не цветёт.
В ночной реке дымится тёмный лёд,
Три птицы путают свои простые ноты,
взъерошившись от холода до дрожи.

Я мало сплю. А наяву? Во тьме
Нева и улицы. Всего страшнее – люди.
Как чёрных сфинксов ледяные груди.
И нет конца беспаятной зиме.

Когда я сплю – быть может, ты не спишь?
Но мой бездонный сон тебе не снится.
Я – засыпаю. Злая кобылица
преображается в беспомощную мышь.

Когда усну – ну может быть, хоть раз
тебе приснюсь? Приснюсь таким, как прежде?
В ночной реке не уцелеть надежде.
Но мёртвый лёд – как отсвет синих глаз.

Пока я сплю.....

Лепет

Нелепый дождь идёт, небрежно ветер дует:
так женщины слова случайны и легки.
И вымокший асфальт в беспаятстве рифмует
лиловые зонты и грустные ларьки.

Спешу себе, спешу – по лужам – даже зная,
что некуда спешить: ну что там впереди?
Но светит желтизной листва тебе резная,
и синие звенят трамвайные пути.

Такие пустяки никчёмны – и бесценны:
как хмурая с утра улыбка.
Но у той, –
единственной, у той, чей лепет вскроет вены, –
иль разрешит дышать – да даже пустотой! –
улыбка, от какой не сыщется защиты,
и мужество в нору скрывается, как мышь:
все силы, все полки заранее разбиты –
её уже ни с чем на свете не сравнишь.
Наверно, потому лишаешься боязни.
О смерти позабыв, устав от чепухи,
живёшь как облака: всё легче и бессвязней.
Навзрыд и невпопад: как пишутся стихи.
В беззвучных облаках беспечный луч ныряет:
так женщины слова чудесны и пусты.
И вымокший асфальт бездушно повторяет
фонарные столбы и душевные кусты.
Такие пустяки, спешу себе, спешу...
.....

Дождь

Ещё один рассвет, растроченный напрасно?
На чашечке цветка блестит кристалл росы.
И стрелками скребут, шагая безучастно,
картонный небосвод планетные часы.

Ещё одна душа смятением объята.
И ей для снов чужих не подобрать ключи.
И капелька росы размером в три карата
вмещает тысяч звёзд погасшие лучи.

Прошла зима, пришла ненужная тревога.
Но понемногу свет опять берёт своё.
И чёрная гремит в беспамятстве дорога,
и прячется в лесах бессонное зверье.

И ливень прибежал, и ландыши на склоне
под старым полотном, дрожа и веселясь,
без умолку звенят, как ложечки в вагоне,
и плещется в ручье оттаявший карась.

И, может, я смогу твоё припомнить имя,
а может, шумный дождь его произнесёт,
чертя свою тетрадь с линейками косыми
и десять тысяч лет, и двадцать, и пятьсот.

И ты ко мне придёшь смущённой и дрожащей.
Беспечен твой наряд – для наших-то широт!
Сорока тарахтит, промокшей скрыта чашей,
и мокрую нору сердито роет крот.

Я хрупкие твои в ладонях спрячу пальцы.
Нелепый нам вдвоём почудился кошмар.
И ты не плачь, не плачь, мы тут не постояльцы.
Не мчится в пустоте и вечном мраке шар.

Ну здравствуй! – мы давно не виделись с тобою.
Но как же я успел забыть твои черты?
За нитями тире, за серо-голубою
вуалью не понять, где лес и я и ты.

Кострома

Кострому проезжаешь – а мог бы родиться тут.
Эта женщина в сером – а мог бы венчаться с нею.
Почему же всё время спешу, суечусь, робею?
Вдоль дороги пыльные тополя цветут.

Как обычно, нет под рукою карандаша,
чтобы зарисовать эти башенки, скверы, шпили.
Мы бы тут выросли, дружили, дрались, любили.
Я чужую жизнь листаю, едва дыша.

Бирюза

Купил себе плоскую шляпу.
Поехал кататься в метро.
Глушил не коньяк, а только ситро.
Ну, может, немножко грапу.

Такие дела, мой брат дорогой:
домой не вернусь к семи.
Отсюда до неба – подать рукой.
Греми, мой вагон, греми.

Мне как-то в метро не очень везло,
хотя и везло вперёд.
А кто-то изящно держал весло.
Но кто там с веслом – не в счёт.

А в жизни другой я буду котом
с разодранным правым ухом.
И может китом я буду потом,
зато с музыкальным слухом.

А кто-то считает приход-расход.
Нам с ними не по пути.
Для нас на небо подземный ход:
лети, мой вагон, лети.

Давай закури папиросу.
Неправда, здесь можно курить.
Беги, мой вагон, спеши во всю прыть,
налево и по откосу.

Там ждёт меня у озёрной воды...
Я помню – только глаза.
Но вместо зияющей пустоты –
распахнута бирюза.

Такие дела, мой брат дорогой:
домой не вернусь к семи.
Отсюда до неба – подать рукой.
Греми, мой вагон, греми.

Гречиха

Горячечные сны, июль, неразбериха.
Бессчётных летних дней возня и толкотня.
Под соснами в саду цветёт гречиха,
медовым запахом гудящий рой маня.

И кто-нибудь пускай себе читает Кафку,
прихлёбывая чай из блюдца не спеша.
А ты велосипед седлаешь смело, в лавку
айда летишь, пускай в кармане два гроша.

Беспечные года сплошной неразберихи:
пятнашки жёлтых пчёл, гормонов толкотня.
А что ты подглядел сквозь заросли гречихи –
двенадцать было лет, и ты не знал меня.

И я тебя не знал. Ты был тогда – детёныш.
Я улыбнусь, когда начнёт в груди колоть:
то зрячих пальцев ты подушечками тронешь
опять гречихи трепетную плоть.

Вендик Ольга

1964–1993гг. Стихи для публикации взяты из книги «Белая королева», выпущенной в 1994 году и подаренной родителями Оли – Ириной Борисовной и Орестом Германовичем.

Из цикла «Музыка в стихах»

Запах сирени –
Вздых белой ночи.
Легкие тени –
Pianissimo, dolce.

Рондо ограды
Летнего сада...
Чудится? Снится?
В ночи серенада.

Белая ночь –
Предвкушение счастья.
Норести прочь
Вместе с зимним ненастьем.
Ночи опаловой
Сладкий дурман.
Утром рассеется
Сказки обман,

Только мелодия
Летнего сада
Будет мне сниться
До снегопада.

1986

Странный сонет о весне (маме ко дню рождения)

Придут, приходят, приходили весны,
Как двести лет назад,
Как триста лет вперед.
Как на ветру бушуют сосны –

Играет фугу сосен колоннада,
Как шорохи травы придонной,
Как двух случайное касание ладоней,
Как звон фольги от шоколада,

Как девочка, спешащая в кино,
И мальчик, ей цветы принесший,
Как звонко растворенной окно,
Как вишни первая пороша,

Как голубой цветок в обугленном снегу,
Пришла весна на радость иль беду...

15.05.1980

Мотыльки белых клавиш, как белые бабочки моли,
Бьются в черное зеркало крышки рояля,
И грустят в черных галстуках узких бемоли,
Позолоту, как пепел, беспечно роняя...

Июль 1990

Осенний дуэт

Тише шороха,
То чуть слышнее –
Альт и флейта
В дали аллеи.
Парк заброшенный
И опустевший,
Запорошенный
Листвой поблекшей.

Шмель, затихший
В цветке уснувшим,
Притворился
Кусочком плюша.

Листьев желтых
Огонь прощальный,
Словно свечек
Свет погребальный.

Листья – свечи
Задует ветром.
Альт и флейта –
Прощание с летом.

6 сентября 1988

Из цикла «Жасминное желе»

Жасминное желе

Полуденный июль,
Разнеженный и сонный,
Откидывая тюль,
Присел на подоконник.

Пол-улицы уже
Залито сладким жаром.
Жасминное желе
Дрожит над тротуаром.

Вот хлынет через край
И плюхнет в окошко.
Зажмурившись, глотай,
Зачерпывая ложкой,

Жасминное желе –
Волшебное лекарство
От капель на стекле
И октября коварства,

От вымокших зонтов
И сломанных игрушек,

от дребезжащих слов
И плачущих старушек,

От ссор по пустякам
И страхов суеверных,
От фортепьянных гамм
И хлопающей двери...

Жасминного желе
С пол-ложечки осталось,
И капли на стекле
К стеклу лицом прижались.

Декабрь 1989

Все, что цвело, смеялось, пело,
Увяло, высохло, истлело,
В предсмертном сне оцепенело,
ЗаиндеVELO.

Беззвучно в воздухе промерзшем
Колочие снежинки кружат.
Озябшим птицам серый мякиш
Старушки крошат.

Последний лист, сухой и черный,
Холодным ветром обожженный,
Кружит по улицам пустынным,
Как пес бездомный.

Постой! Возьми меня с собою
В последний путь перед зимою,
Покуда снежной сединою
Не тронуты виски садов.

Сентябрь 1988

Осень солнечным журавлем
Вновь кружит над медовыми нивами,
С веток катится янтарем,
Переспелыми желтыми сливами...

1992

Глазки потупив, смиренная ива –
Скромное деревце возле колодца.
Если бы знали, как ива блудлива, –
Небо во гневе должно расколоться.

*Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...
А.Ахматова, 1911*

Узкая ладонь
Тает на плече.
А в глазах огонь,
Словно свет свечей.
Листьев желтых дождь
Шепчет еле слышно,
Лишь рябины гроздь
Пламенеет пышно.

Заревом зарниц,
Отблеском костров.
Взгляд из-под ресниц.
И не надо слов.
Побледнела синь,
Потемнела даль –
Умирает день.
Прошлого не жаль.

В прошлом, пьяный май,
Радость, боль, тоска,

Счастье через край –
Зной без ветерка.
В настоящем тишь,
Счастье и покой.
Что же ты грустишь
О весне былой?

20 октября 1980

Из цикла «Белая королева»

Я засыпаю в колыбели
Твоих ладоней,
Пусть за окном поют метели
И ветер воет.

К утру наш дом белейшим снегом
Метель укроем.
И в тишине на всей земле
Нас только двое.

Когда потом настанет день
Беззвучно-белый,
Ты будешь снежным королем,
Я – королевой.

Владенья наши снеговые
Необозримы.
На бал снежинок этой ночью
Приглашены мы.

Как жаль, что сказке зимней
Коней настанет.
Моя корона и королевство
Весной растают.

В день ледохода меня покинет
Король неверный,
А будущей зимой вернется
Ко мне. Наверно.

Октябрь 1988

Шахматный этюд

О, как прекрасен был Черный Король!
К нему подойти не смела я,
Ведь он под знаменем, черным как смоль,
А я королева белая.

Правила черных и белых полей
Незыблемы и безжалостны.
Что же мне делать с любовью моей –
Моей всемогущей слабостью?

Страх сильнее и сильнее стыда
Отчаянье безнадежности.
Молвы не стыдись. Не боюсь суда,
Не ведая осторожности.

Ваше величество, Черный Король!
Однажды, сегодня вечером
Против всех правил сквозь пешечный строй
Я делаю шаг навстречу Вам.

Дерзости этой прощенья нет,
Но нет и пути обратного.
Пусть мне проклятья несутся вослед
И слышатся крики бранные.

Сквозь баррикады запретов пройду
И силу скою из слабости.
Крепость злобы осию в бой,
Возьму бастионы зависти.

Все я смогу, но Ваш холоден взгляд,
Пронзительней ветра вьюжного.
Сгорбясь смешно, поплетусь я назад,
Нелепая и ненужная.

Апрель 1989

Прощай, я больше не вернусь к тебе.
Я знаю, ты не позовешь назад.
Нет места мне в твоей судьбе.
Я ухожу. Ты можешь быть лишь рад.

Что мне осталось от тебя?
Стихи и то, что я не верю никому.
И никого за это не виня,
Я все ж благодарю судьбу.

Прощай, я больше не вернусь к тебе.
Скатилась ручка на ковер.
Я не больше не могу писать тебе
Стихами смертный приговор.

1981

Из цикла «Черный кот»
Скороговорка
(по мотивам И.Северянина)

Шоколадные лошадки
Бьют по клавишам брусчатки,
И проносится вдоль сада,
Вдоль малиновой ограды
Под вуалью мисс Загадка
В фиолетовом ландо.

Звонких капель кавалькада,
Дождь, как брызги лимонада,
Дождь весенний, бубенцовый,
Разноцветный, леденцовый.
Нравится ль Вам, мисс Шарада,
Этот аккомпанемент?

Июль 1990

Что за сказка-быль – небывальщина,
Неслыхальщина, невидальщина?
В мелководье не видно дна.
Удивляются гости-странники,
Озираются да таращатся,
что за дивная сторона?

Что ни день у них, все распутица,
Околесица да невнятица,
Да хмельной головы не поднять.
Солнце красное в гору катится,
Во вчера день сегодняшней пятится.

Между греками и варягами
Запутались в лесу под корягами
Оловянным ключом у ключа...

Заспотыкался конь крылатый
И ножку подвернул. Привет!
Его хлещу, а он: «Пошла ты!» –
Один ответ на семьдесят семь бед.

Взглядом провожу карету,
Принц швырнул в чертополох
Мне в подарочек монету,
Что ж, подарочек неплох.

Кошка гуляет сама по себе.
Уходит и приходит, когда
вздумается. Гуляет ночью
по крыше, и лунные искры
светятся на ее шкуре.

Но иногда, сидя в подвале
в дождливый день, кошке вдруг
хочется стать собакой.
Руки лизать, в ногах валяться,
В глаза заглядывать (рад ли?),
тапочки в зубах приносить.
Но не судьба...

Из цикла «Песочные часы»

Песочные часы

Смахнуть, как пепел со стола,
Как пыль, как сор,
Отравленные семена –
Слова нелепых ссор.

Когда растает холодок
Пустых угроз
От жара воспаленных щек
И глухих слез,

До боли сжатый кулачок,
Вздыхнув, разжать
И слушать, как в часах песок
Шуршит опять.

Август 1989

Излом

От изломов серых переулков
От застывшей неживой воды,
Нежилых домов и улиц гулких
Ускользнуть в запретные сады,
В царство линий тонких и прозрачных,
В шорохи хвощей и плаунов,
В шопоток тишайший тайнобрачных,
В шелест позабытых странных слов.

1992

А вам случалось в день сырой,
Слезливый, хлипкий
Заслушаться своей тоской,
Как нежной скрипкой?

В уютных сумерках грустить,
Устав от света,
Когда за окнами почти
Истлело лето.

Над чашкой чая ворожа,
На миг забыться.
Сойти с ума, как с этажа
Во двор спуститься...

6 июля 1989

Ночной вокзал

Ночной вокзал – предчувствие несчастья.
Гул голосов. Удушье суеты.
Ночной кошмар дневные скомкал платья,
Стирая с лиц остатки красоты.

Где ступок тел застыл в полудремоте,
Где липкий свет размазан по полу,
Мальчишечка на деревянной флейте
Играет вальс, пристроившись в углу.

За этот звук – блестящий лунный лучик, –
Как за соломинку, держусь пока,
Но вынесет меня из этой гущи
Усталых лиц покорная река.

Июнь 1989

Что делать мне? Неровно разлинован
Судьбы моей единственный листок.
И найденное, наконец, но поздно слово
Уже не впишется в зигзаги строк.

В руках держу горячее, живое,
Ладони жжет, и некому отдать.
О, если б можно было снова
Испорченный листок переписать!

Год за годом, словно час за часом,
Листопадом все больны календари.
Мир жесток, обманчив и опасен,
Но прекрасен, что ни говори.

Лишь бы мне успеть взглядеться в лица,
Драгоценные слова не растерять,
Мне б успеть понять, простить, проститься...
Время под гору летит – не удержать.

Стану листком бесприютным,
Песчинкой ничтожной.
Прихоти ветра доверюсь минутной.
Следуя ветру, сделаюсь пылью дорожной,
Сделаюсь прахом, землей, из которой
Поднимутся новые травы,
Юные рощи беспечно зардеют листвою
Не для своей, но для Божией славы.
Господи! Дай мне лишь силы немного,
Воле твоей доверяясь,
Осилить дорогу,
Вот я в руках твоих
Вся. И, ведома тобою,
После пути и подъемов крутых
Света не жду, но прошу лишь покоя...

1993

Гудичи Григорий и Светлана

Гудич Григорий – выпуск 1979 года, 10Д; Гудич (Обухова) Светлана – выпуск 1979 года, 10Г. ЛГУ им. А.А. Жданова, химический факультет – 1979-1984 годы. Свадьба – 10 сентября 1982 года. Сын – Игорь Гудич, 1987 года рождения, закончил школу-интернат №18 при МГУ, факультет ВМК МГУ, аспирантуру МГУ. В настоящее время живем в г. Кирово-Чепецк Кировской области, работа: Григорий – технолог в цехе по производству аммиака завода минеральных удобрений, Светлана – зав. физико-химической лабораторией центра гигиены и эпидемиологии №52 Федерального медико-биологического агентства. Увлечения: спорт, путешествия.

Виват, гимназия, виват!
Всех с юбилеем поздравляем.
Жить, процветать и побеждать
Мы искренне тебе желаем!
Промчалось пять десятков лет –
Ты многого достичь сумела!
Всего лишь пять десятков лет –
Вперед! Дерзай! Легко и смело!
По всей стране выпускники
Тебя прославят непременно.
Их научили здесь всему
Не просто хорошо – отменно!
Свою признательность, любовь
Нам сложно выразить словами.
Тобой гордиться будем мы,
А ты гордиться будешь нами!

Горченко Юлия

Выпуск 1990г.

Декаденс-Ренессанс

Лучший в мире
Дождь в Петергофе
Медленно капает...
Шарф цвета кофе,
Весь изогнувшись,
Ложится на кресло.
Всё, что я вижу –
Изысканно-пресно.

Всё, что я вижу:
Осенние листья,
Словно мои
Прошлогодние письма;

Словно мои
Прошлогодние tears –
Всё, что по счастью?
Несчастью? Не сбылось,

Всё, что исчезло,
Развеялось летом
К нам залетевшим
Растрёпанным ветром.

Всё – не имеет
ни формы, ни цвета –
Всё переменится
Будущим летом.

Всё, что из новых
появится почек:
Яркий цветок
Или нежный листочек,

Капля росы,
Паутина, тропинка.
В дали манящая
Новым сюжетом,

Новой надеждой,
Весной, обновлением –
Время, когда
Расстаёмся с сомнением.

Да осенит нас
Величием смысла,
Нежной Любовью
К великой Отчизне.

1999

Чайное стихотворение

Яркие свежие цитрусов ноты,
В маленьком чайничке чай с бергамотом,
В белом конверте билет на Багамы...
и на картинке две милые ламы.

21.06.12

Утреннее стихотворение

Ветер дереву шевелюру ерошит,
Словно ему говорит: Ты хороший!
Стройный! Раскидистый! Сочно-зеленый!
Очень любимый – мной и землею!

даже тяжелая хмурая туча
скажет украдкой: Ты самый лучший!
А быстrokрылая белая птица
Лишь на тебе и мечтает гнездиться!

18.06.12

Если б на свете были слова,
Чтобы сказать о любви к тебе,
С неба скатилась бы счастья слеза,
Скользнув по твоей щеке.

2008

Карлин Александр

Выпуск 1982 года, 10в. Родился в 1965 году в г. Иркутске. Жил с 1966 по 1979 годы в поселке Горняцкий Сусуманского района Магаданской области. В 1979-1980 годах учился в г. Костомукша (республика Карелия). С 1980 по 1982 годы обучался в физико-математической школе-интернате № 45 при ЛГУ в Ленинграде. В 1990 году закончил Физический факультет СПбГУ. В 2001-2003 годах издавал с единомышленниками (Тетериным А.Н, Ильницкой Л.П. и Высоцкой Л.А.) литературный журнал «Современник». Проживает в Санкт-Петербурге. Женат. Четверо детей. В 2001 году вышел первый сборник «В людях хороших нуждаюсь». В 2010 году вышла вторая книга «В поисках утраченного Идеала». Некоторые художественные произведения были опубликованы в газетах и журналах: «Военный Вестник Юга России» газета Южного Военного Округа №5 за 11.02.2012 г. и №6 за 18.02.2012 г., Региональная пограничная газета ФСБ «Граница России Северо-Восток» (ранее «Пограничник Северо-Востока» – газета Северо-Восточного Пограничного Управления береговой охраны ФСБ России) №5 за 08-14.02.2012 г. и №8 за 29.02.2012 г., Газета «СПЕЦНАЗ РОССИИ» (международная ассоциация ветеранов КГБ-ФСБ России подразделения «Альфа») №2 за 2012 год, Литературное приложение «Багульник» к региональной пограничной газете «Граница России – Дальний Восток» (ранее «Дальневосточный Пограничник») №12 за 2012 год, Журнал «Морской Пехотинец» (Всероссийская общественная организация морских пехотинцев «Тайфун») №2 за 2012 год, «Вестник авиации и космонавтики» (всероссийский аэрокосмический журнал) №3 за 2012 год, журнал МВД РФ «Полиция России» №1 за 2013 год, Белорусская военная газета «Во славу Родины» №29 от 16.06.2012 года (Военное Информационное Агентство Министерства Обороны Республики Беларусь), литературный альманах «Аврора» (Санкт-Петербург) №3-4 за 2010 год.

И строчки скромные в глуши

Рождало и вело в сраженье
Не вдохновенье – обостренье
Болезни раненой души

Проржавела за дорогой липа,
Листья капают, как воск, со свеч-берёз.
Вздрыгнула моя душа от скрипа
По сердцу проехавших колёс.

Синь небес во власти серой моли,
В желтой грусти старая трава.
И от ветром принесенной боли
Замирают на губах слова.

В даль летят испуганные птицы,
Счастья им найти не довелось.
И луч солнца раскаленной спицей
Протыкает сердце мне насквозь.

Люди, подставляйте рты-стаканы,
Пей, гуляй, не отравлю – не трусь.
Льётся из моей сердечной раны
Кровью чуть испачканная грусть.

Заброшенный дом

Огород заброшен,
Забор на боку.
И гостем непрошеным
Конь жуёт траву.

Двери заколочены,
Выбито окно.
Крыша в червоточинах
Ржавчины давно.

И собачья будка
Заросла травой.
Ноет ветра дудка,
Как за упокой.

Умер кто? Уехал?
Не узнать ответ.
На сердце – прореха,
Зашить – ниток нет.

Поселок Горняцкий

Продрог я сегодня весь,
Давно уже кончилось лето.
Поселок Горняцкий есть
Под Магаданом где-то

В пересеченье рек
Поселок лежит, два коленца.
Сто восемьдесят человек
Включая грудных младенцев.

Над ним по ночам луна
Да воют волки по сопкам
Здесь запросто можно с ума
Сойти иль опиться водкой.

И сколько их спилось здесь,
Кто жить мог, по всем приметам,
Поселок Горняцкий есть,
А многих уж, братцы, нету.

В поселке моем, друзья,
Сушат белье на веревке.
Нет ни одного жлоба
И нет ни одной дешевки.

Мы были тогда пацаны,
И многого не понимали,
А наши герои отцы
Стране золотишко давали

Отец уходил мой в семь,
А приходил в двенадцать.
Его я не видел совсем,
По праздникам только, братцы.

Мать брата брала и несла
В садик в куче пеленок.
Меня же машина везла
В школу в соседний поселок.

Прожил там пятнадцать зим,
Там сфера услуг хромает,
Малосенький магазин,
Кино раз в неделю бывает.

В июне, когда я и брат,
Тот край навсегда покидали
Всю ночь валил снегопад,
Молил, чтоб мы не уезжали.

Сантиметров до десяти
Слой снега лежал утром рано.
Боялась мать, что такси
Не проедет из Сусумана.

Меня самолет уносил
Глядел я в иллюминатор.
Поселок меня просил
Вернуться к нему хоть когда-то...

Мне друг пододвинул стакан,
А свой он уже опрокинул.
Есть город такой Магадан,
Поселок под ним мой сгинул.
Есть городок Сусуман
Поселок под ним мой сгинул.

Люди с него ушли,
Прогнили полы и крыши.
Дороги травой заросли
В завалинках живут мыши.

Но я ничего не забыл
И никого не забуду.
Поселок Горняцкий был,
Я там обязательно буду.

Письмо В.Высоцкому, Ю.Визбору, А.Галичу

Пишу я Вам, ребята, туда в небытие,
Быть может, кто из Вас меня услышит, –
У нас в небе давно всем заправляет вороньё,
А на земле хозяйничают мыши.

Куда-то подевались все злые языки,
Что Тихий океан считали лужей.
Из сердца вырываю сам у себя куски,
Намек лишь на покой в них обнаружив.

Вы строго не судите – я только вышел в путь,
Не знаешь тут, за что сперва хвататься.
Не разорвал я собственных и половины пут,
А время – за чужие приниматься.

А многие из тех, кому что-то дано,
Кто мог бы изменить мир, хоть немного,
Лишь звездам посвящают вдохновение свое.
В самих себе другие ищут Бога...

А третьи – те махнули давно на все рукой,
И в водке свою совесть потопили.
И я один в окопе с пробитой головой,
Да с мыслью – поскорей бы пристрелили.

На высоте, что справа, еще слышна стрельба,
Значит, еще там держатся ребята.
А у меня патроны закончились с утра,
Есть лишь Надежды ржавая граната.

А эти суки прут на вашу высоту,
И не сравнять хотят, а сделать ямой.
И я зажав в зубах холодную чеку,
Все залепить землёй пытаюсь рану.

Чего скрывать – хотелось бы и мне ещё пожить,
Да, видно, моя очередь настала.
И, наточив как следует у гильотин ножи,
В почетном карауле Серость встала.

Мне этот бой не выиграть. С подмогой или без.
Другие времена теперь на свете
Но я же не из прихоти сюда на гору влез
И поливаю кровью камни эти.

Но, как ни поливай их, – они ведь не растут,
Кровь не по вкусу, видно, перевалу.
Пока я жив, клянусь, – они здесь не пройдут,
Хоть жить осталось мне, похоже, мало.

Тридцать три

«У тебя еще все, еще все впереди» –
Твердят гости мне в тесной квартире.
А мне стукнуло нынче уже тридцать три,
Где же место мое в этом мире?

Ну, не место, пускай это будет тропа,
Не тропа, так хотя б направленье.
Ветер снегом опять залепил мне глаза,
Мороз лютый сковал все движенье.

Помню, школьником я посадил тополек,
Он не выжил той страшной зимою.
Сколько сотен потом при прокладке дорог
Сосен я свалил бензопилою.

Искушал я судьбу без особой нужды,
За добро с людей требовал сдачу.
И считал, что всю жизнь проскочу без узды
На кобыле, чье имя – Удача.

Никого из друзей я своих не предал,
А теряя – украдкой не плакал.
Тридцать три незаполненных белых листа,
Полчернильницы вылиты на пол.

Пил, гулял, да жевал не мной взрощенный хлеб,
Не мной сшитый носил пиджачишко.
Сердцем я огрубел, а душою ослеп,
И делишки мои – барахлишко.

Ничего не открыл, никому не помог,
Так откуда усталость на сердце.
Тридцать три я ключа поломал, но не смог
Отворить ту заветную дверцу.

Ничего я не сделал на этой земле,
Не спас даже и крошечной мухи.
Так зачем меня мать родила в сентябре,
Для чего мне даны были руки.

Сколько на пустяки разбазарено сил
В моей жизни, увы, непутевой.
Тридцать три я звезды навсегда погасил,
Не сумев ни одной зажечь новой.

И не воры, а сам, как последний дурак,
Растрянжирил года безвозвратно.
Кисть сжимаю до хруста зачем-то в кулак,
Ничего не вернуть мне обратно.

«У тебя еще все, еще все впереди» –
Твердят гости мне в тесной квартире,
А мне стукнуло нынче уже тридцать три,
Где же место мое в этом мире?

Последний полковник

Меня кто-то за ларьком
Тронул осторожно.
– Угости, браток, пивком,
Если есть возможность.

– Что ж, возможность нынче есть,
Дайте две большие.
– Вот спасибо, продрог весь,
Ноги, как чужие.

Где пять капель – там сто грамм,
Пивом заправляли.
Вечерело. Мы в шалман
Зашли на вокзале.

Притащили нам «Агдам».
Рыбу заказали.

– Ранен я, прошел Афган,
Орден, две медали.

Я полковник боевой,
И еще недавно
Родина гордилась мной,
А я ею – подавно...

Помню, – дома был один,
Позвонил знакомый:
Полк, где служит старший сын,
Грузят в эшелоны.

– «Ты не шутишь? Эй, алё...»
Тут уж не до шуток,
На Кавказ двинут его.
Через двое суток.

У меня жена тогда
В клинике лежала.
Как узнала – в чем была,
Так и прибежала.

И с порога сразу бряк:
«От кого скрываешь?
Мне плевать, – говорит, – как,
Но ты его оставишь».

И пошла выть да рыдать,
Хоть беги из дома.
– «Сына можем потерять,
Пень ты бестолковый».

Я ей: «Успокойся, Люд» –
Валерьянку – в ложку.
Она: «Чувствую, убьют
Там нашего Алешку».

И рыдает на груди,
Помадой китель мажет.
«Другу Мишке позвони,
Тебе он не откажет.

Он в Москве где-то сейчас,
Немалого чина.
Жизнь ему ты как-то спас,
Пусть спасет нам сына».

«Сделать это не могу,
Прости, Христа ради....»
К вечеру я был в полку
Под Калининградом.

Там, понятно, карантин.
Никаких свиданий.
Повезло – стоял мой сын
На КПП в наряде.

То да се, чего и как.
Все в порядке вроде.
Я спросил его тогда
Прям, при всем народе.

«Говори, как на духу,
Мне не смей лукавить,
Если хочешь – я могу,
Здесь тебя оставить.

Так что, – говорю, – сынок,
Уж поверь ты бате, –
Сделать мне один звонок,
И наше дело в шляпе».

Сразу смолкли голоса,
Напряглись солдаты.
Но сказал Глушков А.А.
«Зря ты это, батя».

«Сделать это я бы смог,
Бог – он не осудит.
Только как потом, сынок,
В глаза смотреть людям».

«Знаешь, горд я был тогда,
Что мой сын – мужчина».
Через час за мной пришла
Из города машина...

От меня ушла жена,
С ней детишек двое,
Похоронка как пришла
На моего старшего.

Мы за сына – по сто грамм,
Малость помолчали.
А вокруг гудел шалман,
Девки танцевали.

Зарыдал он вдруг навзрыд,
Закрыв лицо руками.
«За что Лешка мой погиб?
Я был дважды ранен?»

Для того чтоб этот вот,
Чёрный, что напротив.
Набивал икрою рот,
Да баб по заду хлопал?!»

Кулаком вдруг по столу,
Вдребезги посуда.
«Вот, мы сдохнем, не пойму,
Что со странною будет?»

После, вытолкали нас
Грубо из шалмана...
Вот полковника рассказ.
В нём вранья – ни грамма.

Я последний поэт поселка,

Мой голос негромок, но все ж.
Я пропел свою песню волка,
От которой по телу дрожь.

Соловья погубила двустволка,
Петухи нынче в моде, ну что ж.
Сводит челюсти в вое у волка,
Тут захочешь, да не соврешь.

Нет, не песня – считалка кукушки,
И кудахтанье куриц – не в счет.
На дне ямы – волчьей ловушки
Колья мне пропороли живот.

Еле вылез. Ползу оставляя
За собою кровавый след.
Это мой, родимому краю,
Напоследок горячий привет.

На острове моём всё – как всегда,

Гремит трамвай и сотрясает зданья.
И образ, не имеющий названья,
Дразнит и мучает меня.

Пускай, мой остров нездоров,
Таблеток он не принимает,
И, ветру чтоб сыграть, хватает,
Представь, двух струн из проводов.

Вниз головой летит вода
По старым рыжим водостокам.
И бьют по сердцу, словно током,
Давно прошедшие года.

Ноябрь – скоро жди снегов,
Слова у ветра злы и грубы,
Нева надула волны-губы,
И отвернулась от него.

Вот, занавески туч убрав,
Раскрыв нам синие просторы,
Влетают в лёгкие, как в норы,
Родимой Балтики ветра.

Конец пути – метро Приморская,
Смоленка-речка, забери мои печали.
Есть на тебе невидимый причалик,
К которому приписан я.

Вероника (Подражание А.Городницкому)

Прохожий, погляди-ка,
Разинул рот –
Девчонка Вероника
Мимо идет
Издалека заметная,
Плывет она,
Красива и приветлива
Ко всем добра.

И где-то на Советской
Она живет.
И платьице ей детское
Немного жмёт.
Мальчишки незнакомые,
До одного,
Все знают номер дома
И ее окно.

С ветрами и со вьюгами
Она дружна.
И лучшей подругою –
Сама Нева.
Глаза, как василёчки,
Гвоздикой рот.
И третьей ее дочке
Уж третий год.

Идет она с работы –
(Не двадцать лет) –
И снова долго кто-то
Ей смотрит в след,
Три дочки за клубникой
На дачу прут.
И снова Вероникой
Одну зовут.

Кусочки перламутра
Лежат в Неве.
Пусть повезет кому-то,
Как и мне.

И на Наличной улице
Теперь она.
Закатами любуется
Из окна.
Мы вместе с ней прожили
Почти сто лет.
И зря Вы говорили,
Что сказок нет.

Командировка

Люди, скажите, где мой отчий кров?
Пить не могу больше зелья.
Темные окна желтых домов
Не прибавляют веселья.

В городе вашем брожу я один,
Выложив зубы на полку.
Вот «Двадцать четыре часа» магазин,
Но денег нет и что толку.

Бродить я по улицам вашим устал,
Силы всё тают и тают.
А без билета теперь на вокзал
Заночевать не пускают.

Надменно-холодных полно в небе звёзд,
Ноет сердечный мой клапан.
Черными ветками белых берез
Лёд моих глаз исцарапан.

В Семрино поздно ночью

Я вернулся сегодня поздно,
Нет на улице ни души.
Только ветер – чудака несерьезный,
Снова рад, что я в этой глуши.

Вот и речка с болотной водою,
Над ней спит беспробудно мост.
Пахнет дымом и свежей травой,
Да за лесом гудит паровоз.

Открываю калитку ржавую,
Сразу лает соседский пес.
С неба, как из ведра дырявого,
Неожиданно вдруг полилось.

До веранды успел еле-еле,
Разуваюсь. Включаю свет.
Наши мыши совсем обнаглели,
Съели ужин мой и обед.

Нынче поздно, ругаться не буду,
Но вот завтра, лишь солнце взойдет,
Я такого кота раздобуду,
Всех мышей он в деревне сожрет.

Я на пол стелю спальник старый,
«Маяк» в «Океане» ловлю.
Засыпаю под пенье гитары
И мышиную беготню.

«Из Афганского дневника»

Всем павшим в Афганистане и всем тем, кто, в том числе и из-за этой войны, встретил смерть в России раньше положенного срока.

Мы идём с тобою
Горною тропою.
На тропу гляжу я,
Ты - по сторонам.
Хоть бы ни «растяжки»,
Да воды полфляжки,
Потные тельняшки,
Мокрая спина.

Вчера было дело,
Пять нас уцелело,
Рацию задело,
Бросили её.
Тащим капитана,
В нём в три пальца рана,
А до нашей базы
Ох, как далеко.

Эхо наготове,
Любой шорох ловит.
Вот вылетел камень
Из-под сапога.
Звук по всем ущельям,
Нам не до веселья,
Здесь земля чужая,
Родина врага.

Капитану хуже,
Бредит он про ужин,
Отойдет, мы знаем,
К вечеру уж он.
Где-нибудь на склоне,
Камнями прикроем,
Да на карте место
Отметим крестом.

Мы идём шатаясь,
Потом обливаясь,
К тебе обращаюсь,
Старшина, постой.
Путь наш не короткий,
Но двух первогодков
Довести до наших
Мы должны с тобой.

Из ночного боя
Вывел одного я.
Снова горы взяли
С нас черную дань:
Сколько на чужбине
В южной паутине
Навсегда осталось
Русских Миш да Вань.

Блажен, кто в сердце сохранил,
В наш век жестокий искру света.
Кто водкой совесть не залил,
Кто хоть и ясно различал
Конца всеобщего зловещие приметы
Не падал духом, рук не опускал.

В ком капля жалости осталась
К больному, к нищему, к калеке,
Кто, сердца одолев усталость,
Упавшим руку подавал,
И, злое видя в человеке,
Искать добро не уставал.

Увы, я не из их числа...
В позорной мелочной трясине
Юность беспутная прошла,
Я предал предков древний идеал
И сердца хрупкие святыни
На поруганье отдавал.

Текут уныло дни мои,
Душа скорбит: ей пищи мало.
В глазах потухшие огни
Напоминают всякий раз,
Что жизнь без вечных идеалов –
Бремя тяжелое для нас.

**Происшествие, случившееся в 1786 году
в конце судебного Заседания в одном из уездов
Гомельской Губернии Российской Империи**

Прошу всех – займите места,
К концу наше дело идет,
Я – дворянин и судья,
Он – каторжник, беглый холоп.

В чужом пруду рыбу ловить
Решил он, и будет повешен.
Но мне ли воришку судить,
Если я более грешен?

Прозрел я, хвала небесам,
Нет места сомненью и спорам.
Был бы я праведен сам,
Может, не стал бы он вором.

Сказал мне Бог – «Во искупленье
Дел злых твоих, что за спиной,
Прими на себя прегрешенья
Стоящего перед тобой».

А посему, присуждаю
Я сам себя к году тюрьмы.
Воришку же я отпускаю,
Молю, что б избегнул он тьмы...

Чем всё завершилось потом?
Снимите с почтением шляпу.
Судью упекли в «желтый дом»,
А парень пошел по этапу.

Басня

Волки писали однажды
Овцам: К чему враждовать?
Давайте дружить, чтоб волк каждый
В овчарне мог запросто спать.

На зелень не держим мы виды,
И нам друг без друга нельзя.
Простим же бывшие обиды,
Волки и овцы – друзья.

Это все злые собаки
Ссорят нас между собой.
Выдайте нам их без драки,
И будет мир вековой.

И глупые овцы, рыдая,
Собак отводили в леса.
Всегда ведь для «волчьего рая»
Овечьи нужны «чудеса».

Поездка на родину к деду (в Ляскеля)

Жизнь тяжела у нас, порой, хоть и пуста,
Беды на нас идут сомкнутым строем.
Но, слава Богу, есть ещё места,
Где рады нам, хоть мы того не стоим.

Я не был здесь уж двадцать с лишним лет,
И вот приехал – сердцем отогреться...
Здесь каждый камень на дороге хранит след,
Далёкого, но радостного детства.

За годы я, увы, не стал добрей,
Ожесточилось сердце, потемнело.
Но как приятно оказаться у людей,
Среди которых, детство пролетело.

И сердцу тоже хочется побыть в тепле
Далекой юности святых воспоминаний.
Значит, не всё ещё хорошее в себе,
Я растерял за двадцать лет скитаний.

Старое кладбище, бабулина оградка, –
(Покрыты ржавчиной железные кресты)
Быть может, и о нас вздохнут украдкой,
Когда узнают, что почили мы.

Жизнь тяжела у нас, порой, хоть и пуста,
Беды на нас идут сомкнутым строем.
Но, слава Богу, есть ещё места,
Где любят нас, хоть мы того не стоим.

Колесникова Татьяна

Родилась 31 декабря 1982 года в городе Подпорожье Ленинградской области от мамы с папой. Характер имею вредный, вездливый, потому стала хорошим специалистом в своей области. А именно – занимаюсь парикмахерским искусством, работаю по управляющей линии в красивом бизнесе. Родила сына Игоря, с не менее вредным характером. Хочу сказать спасибо всем своим учителям, самый главный урок в моей жизни – нужно заниматься исключительно тем, что тебе действительно нравится, тогда и только тогда ты будешь счастливым человеком! СЧАСТЬЯ вам всем!

Развернуться, уйти, не докричать...

разворочать окаменелость обыденности...

не сдаваться и не молчать...

гордо нести

свою мощь и слабость, боль и страх

и давящее беспокойствие

свое тело едва ли на двух фронтах

испытывавшее удовольствие

и тебя, себя, и за нас двоих

развернувшееся безумие

и во всем вина, и во всем мотив

предсказуемо

развернулись в стороны – не глядишь

на меня... сбывается же пророчество!!

хочется, когда я одна, а ты спишь,

сблевануть от этого одиночества...

2011

Пересечь и пресечь не одно и то же
мы с тобой так разны и так похожи
не обман, не игра, не увлечение
просто жизни шальной режим течения
шаг вперед, два назад, как будто танец
поворот головы, на щеках румянец
чуть дрожит рука, выводя неровно
строчки лишних слов... ах, как все условно

это как нельзя, но никто не слышит
после февраля в марте грудью дышат
полный вдох весной снимет все запреты
полный вдох весной... полный выдох летом...
пересечь и пресечь не одно и то же
и хотя с тобой, вроде, мы похожи
пресекать не в силах – я допускаю
после все равно ПЕРЕСЕКАЮ!

2011

И не страшно ему поверить?
Ты сотысячная... – Ужели?
Ну, и что? Значит, юбилейной
Обнимаю его за шею...

– Не боишься обжечься? Больно...

В сердце новую рану нужно?

– А я греюсь огнем, довольна,
Замерзать на морозе хуже...

– Просыпаться в поту холодном,

Руки в дрожь, в голове каша?

– Знаешь, важно совсем другое:

Без него просыпаться страшно...

2012

9 градусов. вроде в плюсе. но холодно...
без тебя стало пусто... и голодно...
без тебя стало разом невыносимо...
я же сильная... сильная... сильная...
губы синие, слабым пульсом злорадствует
недосказанное в моем «здравствуй»
недолюбленное в моем – «счастья!»
и желание быть твоей частью...
я стремлюсь отогреться пледом.
я отшучиваюсь каким-то бредом.

мне все так же невыносимо...
но ты же знаешь, я ведь сильная...
начинаю копить коллекцию
замысловатых замков для сердца,
чтобы осень этого города
не знобила меня холодом.

2012

почему-то становится безразлично
то ли был ты, то ли тебя не стало
я не проверяю ежеминутно личку
и не мерзну мыслями под одеялом
не перебираю воспоминания
и не задумываюсь о том, что где-то
кто-то проникает в твоё сознание
принося тебе радость и бабье лето
это ведь я придумывала нам завтра
это не ты мечтой уносим был
это не ты готовишь мне нынче завтрак
это не ты, это всего мое «бы»
больше меня не ищи в новостях последних
я перестала быть, мне присуще «буду»
«бы» – это часть сослагательных наклонений
«бы» – или не смогла, или все забудут
даже не спорь со мной, я же ведь зануда
и даже хуже – придумай сам аллегию
но я упертая, я повторяю – буду!!!!!!
и сослагать мне на мира твою теорию!!!

2012

знаешь, малыш, такое бывает...
чувства порою одолевают
разные, странные, неуправляемые,
неугомонные, непотопляемые,

необъяснимые, непредсказуемые,
неожидаемые, неописуемые,

невыносимые, часто желанные,
наспех, забытые и долгожданные,
легкие, сложные и невозможные,
жаркие или на миг заторможенные,
те, что сгорать без следа заставляют...
знаешь, малыш, такое бывает...

2013

Дни пролетают февраля
Так непохожие друг на друга
Я вдруг придумываю тебя
И начинаю ходить по кругу
Вечер заканчивается с утра
Ночь – это полное жизни время
Я напридумывала сама
Себе неподъемную кучу брени

Я продолжаю играть с огнем
Вряд ли фантазию обуздаю
Полная ночью, пустая днем,
Я восхождение продолжаю

И все же придумываю тебя
И превращаясь без сна в мумию
Не останавливаюсь я
И все придумываю, придумываю...

2013

Да, я придумываю, шутя,
Новое время, иную реальность.
Как необузданное дитя,
Я замышляю новую шалость.

Взять стойкую краску и написать
На свежеекрашенных стенах
Ритм, под который дышать-не дышать,
Краснеть, зеленеть, становится белым...

Взять и раскрасить чужой альбом
Новыми красками мироздания...
Может, загонишь в угол ремнем
Меня, перевыполнившую задания??

2013

Наматывать в клубок терпенья расстоянья,
Вопросы без ответа, ожиданья,
Полночные волнения, терзания...
Когда совсем одна и без тебя я...
Когда я каждой ночью, засыпая,
Тебя себя рисую, представляю...
И все твои волненья ощущаю...
Малейшие сомнения читаю...
Ты ведь и не задумывался даже,
Насколько для меня уже стал важен.
И в панику мой мозг уже погружен
Боязнью стать тебе совсем не нужной.
Непонятой остаться где-то между
Твоей судьбой, моей надеждой,
Твоими надобностями – моим желанием,
Все тем же чертовым километровым расстоянием...
Твоим убийственным моим словам неверием...
И виртуальными хлопками дверью...
В тебе все жив мираж за поворотом...
А я люблю тебя, как бы ты ни был против...

2013

Характер не вычеркнешь в планах

Стремишься быть легче, другой...

Но челка стремительно прямо

Мой лоб обрамляет дугой

Взлетают рассерженно брови

И в зеркале гневно горят

Глаза малахитовой крови

С прожилками декабря

В коварном зеркальном обличе
Не видно двух крыл за спиной
Попробуй нажать на девичье...
Возьми, отразись за спиной...

Никифоров Владимир

Учился в интернате в 8-10А с 1978 по 1981гг. Прославил себя и школу золотой медалью XIII Международной олимпиады по химии. Окончил химфак ЛГУ и аспирантуру там же. Кандидат химических наук. Много где побывал, кое-где поработал, в настоящее время служит заведующим лабораторией в Центре экологической безопасности РАН на Петроградке.

Алые ленты, вплетённые в русые косы:

две колеи на дороге по жёлтому полю,
что поведёт, закружит и потянется к плёсу,
он перед омутом, в тёмные воды его лю-
церна цветками, пылью и росой опадала,
в чёрном эфире бесшумны угаданы совы
вряд ли могли быть... Ты помнишь, земные засовы
как отпирали в забытой кладовке Дедала,
ты с упоительным трепетом, я с изумленьем
бережным, оба со страхом безбрежного неба,
дальше парили, взмывали и таяли: Геба?
Нет, Аэлита! Мерцающим звёздным скоплением
ты представала, таинственна и неизвестна,
передо мной, и сплетались в ажурную пляску
гроздь аксонов в мозгу. Плёт качался, и ряску
тоже качало. И вот – только синяя бездна...
Синей посыпана зыбью и синюю бязью
выслано дно (дно у бездны?). Канадский ниобий
спорит с луной, а я – с доктором. Цветобоязни
синего нет в его энциклопедии фобий.
Разве резон эта синь для зелёной кручины,
осень – всего лишь сезон вечно юного лона.
На небосклоне, как замершие у мужчины
в сильных руках, облака в кружевных панталонах.

Татами

Воин, катана, закат, Фудзияма, тростник.
Всё, что растением было, а нынче солома,
шепчет, советуя: остановись и усни.
К стонам и шорохам тесного старого дома
не прибавляется шёлкового кимоно
шелест крадущийся... С песней беспшумной химеры
входят ко мне. Я давно словно взгляд за окно,
серым разрезом, где мир простирается серым.

Серые, из-под разреза, в узорах чулки.
Поезд метро, замедляясь, звеня тормозами
землю пронзает. Чуть пухлые губы близки,
как горизонт под японскими чуть, под глазами
в брызгах чуть рыжих волос, в этом жидком огне
щёк отраженья в окне; эти руки с цветами
там, где живот... Не ко мне... Или, может, ко мне?
Поздно... И – сердце и поезд: татами, татами...

Упрямая прядь на вокзале Ла-Сьюта,
В азалиях опиума на краю,
Мадам, Вы мягки. Вам казалось, приюта
Нельзя не найти. Не каюта, а трюм –
Уют мой, я жёсткий от бака до юта.
Непрочное будет не вечным – угрюмы
Львиные очи. Идите, взгляните.
Никак не идти невозможно, когда
Суровые и путеводные нити
Протянуты. Той же природы звезда
Вам светит. Вы им – извините – шепните.
Не просто идите, как мы, поезда,
Нигде не оказываясь никогда,
Разлейте – пути наши – разъедините!
И мёртвая станет живою вода,
И я Вам сыграю на флейте, Анюта.

Чем она охотнее накрывает стол,
Тем растёт добротнее, наливаясь, ствол.
Он в истоме странницу манит, как звезда,
Но совсем туманится взгляд её, когда
В мягких губ красавицы чашу из кольца
Лепестков срывается нежная пыльца.
И струной гитарною ломкий тает лёд.
Пеленой янтарною прирастает мёд.
Так зимой морозною резеда весны
Первозданно-розовым наполняет сны.
Там нагая Цинтия в завитках лозы...
Но витает Финтия гиацинт слезы:
Ведь едва приметная где-то на задах
Облетает ментула в брошенных садах...

Стоял февраль, стоял. Земля вертелась
Вокруг оси. И обнаженный дуб
Стоял. Стоял мороз. А мне хотелось
Закрыв глаза, твоих коснуться губ,
Твоей невинной свежести сокровищ,
Сокрытых слоем бережных одежд
От прежних персонажей, от чудовищ,
От вежливых и важных, от невежд,
И ощутить их шёпот, шёлк, и трепет,
Их пухлость, их загадочность, их власть,
Их подчиненность, их наивный лепет,
По ним стекая, впитываясь, пасть
К их основаниям. Умиротворенья
Следы, моим доступные рукам,
Твой образ превратят в стихотворенье,
Доверив нежность нескольким строкам,
О том, как ты, свернувшись у окна,
В мечтании смотришь на снежинок танец,
Земная и знакомая, грустна
Печалью законного круженья.

Я угадаю на щеках румянец,
Мы оба знаем – на душе светло.
Тепло и чисто. Не нужны движения.
И все дороги снегом замело.

В поле маковом пальмы врытые.

Словно зебра в ночи, покрытые
Снегом горы сияют яростно,
А из мангровых хвойных зарослей
Клёны светят багровым огнем.
Мы уже догораем на нем...
Мы уснем... И над морем ласточки
Будут петь, как вчера на веточках
Ворковали тигрята сытые,
Полосатые. Каждой клеточкой
Нас покусывают косаточки
Под слова колыбельной песенки
(Утекли вы, водою смытые
Столько лет. Как ступеньки лесенки,
Позади)... Но не всё уснуло.
Чую: вновь горячо потянуло
Кориандром и мятным чаем.
Чай обычный, необычаен
Мир: это миг случайный
В час мечтания мой нечаянный.

О Кроманьонцах? Разумеется, топор

Обсидиановый, из бычьих жил завязки,
Обыденный пещерный разговор
И кроманьонки первобытность ласки...

О кроманьонцах что хотела бы ты знать?
Их песни, посвященные охотам?
Как отдыхала кроманьонцев знать?
Чем пахла чернь – землёю, кровью, потом?

Или о чём, вдвоём, после зимы
Они мечтали под весенним солнцем?

Я думаю, о том, о чём и мы.
Такие мы – потомки кроманьонцев.

Памяти Ким Чен Ира – Русский шансон

Эх, запретил мне доктор пьянки-пьяночки
В чём наслаждение теперь искать?
Как вдруг о северной, о корейночке
Пришло видение. Её ласкать
Я мог бы нежною и южной ласкою,
Пушкой я северней её живу
Её бы жизнь я чучхейской сказкою
Чудесной сделал бы – и наяву.
Она в рыданиях, в асфальт коленочки
И красный галстучек сырой, как дождь.
Зачем ты долюшка корейской девочке
Лихая выпала – скончался вождь.
Она в бессилии роняет голову
В ладони, пальчиками теребя
Асфальт и губы... А я вижу голою
Её, а позади неё – себя.
В моих глазах она преобразается
Как в новом зеркале привычный мир
А Ким Чен Ына в нём не отражается
Не отражается в нём Ким Чен Ир.
Пусть будут добрыми твои припевочки
Пусть прокричит петух Ку-ка-ре-ку.
Давайте, мальчики, спасём по девочке
На Тэдонгана дальнем берегу.

Может быть

У воды, в удивительный и далёкий год, весною
не ранней, не поздней, вечером, под сосной,
там где пляшут слабые жёлтые фонари
над людьми и землю мокрыми, и внутри
этих тел ещё не совсем тепло, но холода
тоже больше, похоже, нет, только чувство голода

притуплённое зимними месяцами долгими
просыпается (ибо так – говорят зоологи), мы
о чём-то молчали, и разошлись, не договорив, мы,
и не вспомню уже, почему; но остались рифмы,
как покрытая рябью память, как светлый мох,
как лишайник на той сосне, как случайный вдох,
будет урок или как упрёк для всех тех, кто чах,
будет чахнуть и чахнет под той сосной – в лучах
заходящего солнца готовит плащ звездочёт,
а вода будет течь, как текла, и сейчас течёт,
вереница нечёткая бытия и небытия
в голове моей и вовне, и пусть, может быть, не я
буду первым в пустой воде разглядевшим то,
что в отсутствие нужных слов и понять никто
бы не смог, да и было ли слово вообще или только сон,
сон был понят ли, нет ли, но его видевший, он
уже знал, что каждый позволит дважды себя обмыть,
и не важно, он был, или есть, или нет его:
важно – он может быть.

Колос полоской стелется лунной –

Тонкая, золотая...

Медленно пролетая,

Кажешься в блёстках юной.

Рожь хороша тепла невозможно

Долгая ласка

Добрая сказка

Что ж так тревожно?

Вервия, яма...

Мама!

Ма...

Ма...

На большой перемене

Подбежав к физруку,
Крикнул будущий гений
Идиотское: КУ!

И физрук обернулся,
На него посмотрел
Так, что будто споткнулся
Босоногий пострел.

Март, вороны, сосульки –
Всё сошло ему с рук...
Ровно год до инсульта
Прожил старый физрук.

Ну, а будущий гений,
Как мы знаем, достиг
Многих званий и премий,
Вроде, даже воздвиг...

Вроде, он в самом деле
Там открыл, доказал!
Здравый дух в здоровом теле!
Только снится физзал...

И минувшей весной,
Постаревший слегка,
Он встречался со мною
Помянуть физрука.

Прочитал!

Но избранным ведомо, обетованная
встретится где и какая земля,
и что на ней: сельва, каньоны, саванна.
Мою окружали страницы поля:
Италия, я и Каренина Анна.

Желанный и созданная быть желанной.
Слепые стрекозы на крыльях в пыли
мимоз. И молочных галактик в дали
непознанное, неземное тепло.

И время как-будто не шло, а плыло
ладанной водой на свиданиях с Анной.

Как были они? Не просите, не стану
рассказывать. Всё, что случиться могло,
случалось. И более: всё утекло,
что должно утечь было... Только дивно
впечаталось в памяти: словно вино –
я, в ночь уводящий Каренину Анну.

Из танца теней восстает расставанье.
Желание, что удовлетворено,
зерном прорастает, и веретено
растянется нитью, и в ткани овал
который рассеянно я рисовал
растает лица ее очарованьем.

Глаза её видят моими глазами,
как в разноголосьи ситар и цимбал
осеннего пения пиний, пейзаже
за благословеньем спешили на бал
к рождённой из пены Карениной Ане.

2010

Шарик, Шарик, пойдем поиграем

На лужайке в зеленый мячик,
Будем будто щенок и мальчик –
Обоюдный восторг щенячий.
Дворик наш обернется раем –
Смесью смеха с веселым лаем.
А то вечно, с угрюмой злостью,
Мы обходим по кругу площадь,
Не до кошек и дамских брошек...
Словно лошадь, чего уж проще...
Ты – с зажатою в пасти костью,
Я – в калошах, в пенсне, и с тростью.

Норвежское 1

Так кончается глобус.
Вереск норвежских берёз.
Меня, замерзая, вёз
Гордый горный автобус.

Изгнанника, корифея
Избранника, и вослед,
В тускло-молочный рассвет
Махнула рукою фея

И ахнула кареглазо.
Таял её альков
Мерцанием водопадов
Топазовых языков.

Норвежское 2

Времена изменились и нравы,
что ж, и виды изменчивы, и
я решил умереть скандинавом
от болезни, а может, любви –

чтобы фьорд в облачении чёрном
уронив свои космы на лоб,
в королевстве пещерном и горном
в горн трубил, и в молчании чтоб

был не лик надо мною господень,
а костер подо мной из огня,
чтоб с напутствием Фрейя и Один
отпустили в Валгаллу меня,

пусть двулично, любая идея
такова. Я с двуручным мечом...
Хорошо, что мечом не владею.
Хорошо, что пишу ни о чём.

Мирозданье, как оно забавно
тем, кто жив, себя не создав, но
посмотри, как медленно и плавно
взгляд отводит дама, что давно
не девица, от юнца-невинца –
в крылышковых всполохах птенца,
вспоминая ожиданья принца:
мочка уха, рюмочка винца.
Ни к чему столь мелкие детальки,
временные сколь... Идальго блед!
Диамант оставленный на тальке –
на стене твоей забавы след...

Capriccio

Что Цезарь Юлий, где Гай Дуилий,
Лишь пересмешника нервный клёкот.
Где те подснежники, что дарили
Весною нежной, весной далекой?
Убили время часы тупые,
И далее – механизм заклинен.
Похоже, пережил папу пия
Не старший-младший, но средний плиний,
И всё он пенсию не осилит...
Всё станет, что прорастает, прахом.
Где твой оазис, что мой Озирис?
Покрыты местным бесславным Птахом.
Юнцу с юницею не стать Тацитом,
Цветками позднего Подмосковья.
Афрорасцветками, антрацитом –
Гомеостазис средневековья.
О, дней смеющиеся оскалы,
Сущие ящеровы ощеры:
Юноши, бьющиеся о скалы
Женщины, скрашивающие пещеры
Придут не гоблины, но гуингнмы
Что возоржут, восходя к гетерам
Где молниям серым подобен пингвин.

Пусть возожрут, восседя партером
Конца богов...

О, империй старость,
Крах нерушимейшего союза!
Всё – незначительность, такая малость...
Взойдём в величественные руины ТЮЗа.
Закрыт навеки, пусты гримерки,
Ключки газет, половинка фотки.
У пионерки грудей намеки
По стрелкам галстука, и колготки –
Останки отечественного лавсана,
Так тонки нотки неясной песни!
Слезы комсомолки и Хоросана!
Низы притягательны, но прелестней,
Поверь, верхи, о, потомок, отрок!
Твой взор, за разума бди дарами:
Там немигающие звезды смотрят,
Сияют загадочными шарами.

Если б я был фараоном четвертой династии,
Жившим давно и бродившим вдоль берега Нила,
Между домов, утопающих в пальмах и фигах,
Чтившим богов непонятного, странного вида,
Я бы, конечно, построил себе пирамиду.
Египтоведы о ней написали бы в книгах.
Ты прочитала бы их и меня полюбила.
Я бы узнал и как заново умер – от счастья.

Туман пеленеет рассветной блеклостью.
Ты словно в уме осязеешь, река
Как дышит бесшумной и влажной легкостью,
На том берегу проступают стога,
Подобные стаду слонов на отдыхе
В бескрайней саванны, да, в уголке,
Укромном. И в этом волшебном воздухе
Есть нечто, приглашающее утонуть в реке.

Еще не проснувшийся, ты способствуешь
Провисшей пространственности бытия.
Несчастный! Ты – странствующий, философствующий
О двойственности слияния реки и «я»
Течет, ускользящая, Брахмапутра...
Клонящее, манящее назад ко сну
Воскресное, тихое, мирное утро:
Прекрасное время начать войну.

Морская свинка, и с тобою смерть

не отменила деловую встречу.
Лежу, грущу, а жизнь идёт – и лечит
быстрее и лучше. Только «круговерть»
на ум приходит подходящей рифмой.
Тебя ждёт твердь, возможно ль в русской речи,
найти слова, и выразить, на плечи
как давит груз? Как двери затворив, мы,
спустившись вниз, поедем в путь короткий –
и там, сказав тебе в последний раз:
«Эх, Зигмунд-Сигизмунд... Никто не вечен,
и мы...» Ну, спи, и будет пусть беспечен
печальный взгляд твоих красивых глаз,
и твой окрас, и милый посвист кроткий.

Однажды некий Заяц сочинять

решил стихи: про зиму, про морковку,
про заячьи грехи, про нашу мать,
бывало, вечерком про пол-литровку
нетвёрдым штилем рифму выводил,
стал одеваться пафосно, блудил,
листов капустных массу исписал,
на диких свадьбах языком чесал,
и всем зверям во всём лесу известен
стал широко. Его талант могучий
в быту дремучем был вполне уместен:
культура повышалась по кустам,
в берлогах, в гнёздах, в логовищах всяких
всяк знал, в литературе заяц – лучший,

и воздавал хвалу его устам.
О, наш язык – он полон слов двояких!
Кем, спросите Вы, Заяц стал при этом?
Здесь малолетних нет? Заепозтом!

Сальников Глеб

Выпускник 45-й ФМШ.

Песенное творчество

Метели

Жили-были, пили-ели
Мы на краешке земли.
Налетели к нам метели,
Много горя намели.

Во саду да на крылечке
Все – холодные снега.
Я б тогда ушел по речке,
Да замерзли берега.

Припев:

А на речке лед лежит,
Не ломается.
Мне судьба моя блажит,
Улыбается,

И трава взойдет весной
С новой силою
Под высокою сосной,
Над могилою.

На дороге волки воют
Да жестокая метель.
Мне сейчас уйти на волю –
Только шапку набекрень.

Да с утра с кривою рожей,
Видно, встал не стой ноги –
Затупился острый ножик,
Прохудились сапоги.

Припев.

Встанет солнце над рекою –
Золотятся берега.
Ночью я ушел тайгою,
Где глубокие снега.

Добрым словом помяните
Да не плачьте надо мной,
По весне меня найдите
Под высокою сосной.

Припев.

Ивушка

Посадила иву я,
Ивушка плакучая.
Уходи, печаль моя,
В небо черной тучею.

Как забрали милого
Да побрили наголо –
Посадила иву я,
Ивушка заплакала.

Как тоскует девица
Сизой голубицею,
Поливает деревце
Талою водицею,

Ставит к Воскресению
На оконце веточку
И качает с песнею
В колыбели деточку.

Днем текут суровые
Серою холстиною,
Ла кружатся вороны
Над моей судьбиною.

Догораю свечкою –
Все печаль-кручинушка.
Над рекой, над речкою
Тихо плачет ивушка.

Посадила иву я,
Ивушка плакучая.
Уходи, печаль моя,
В небо черной тучею.

Туча в небе таяла
Да на землю капала.
Посадила иву я –
Ивушка заплакала.

Одуванчики

На проспекте от копоти черный
Воздух густ в иные часы.
Собирала цветы девчонка
С разделительной полосы.

Стебельки под руками детскими
И от пыли серый газон –
Между жирными «Мерседесами»,
Проезжающими с двух сторон.

Юркий «Форд» и груженная фура,
Ядовито смердящая дизелем,
– Мать твою, что делает, дура!? –
Принимали вправо водители.

Стрижка ножницами, всклокоченно –
Обидой на целый свет.
Проститутка и беспризорщина
В свои детских двенадцать лет.

И одна, и – никто не нужен.
Под лучами солнца искрясь
Облака отражались в лужах,
Прикрывая жидкую грязь.

Эх, Россия, где ж наши мальчишки?
Кто шустрит, кто ломает срок.
И девчонки, как одуванчики,
Подрастающие вдоль дорог.

Крейсера

Последний бал, последнее «прощай» на полчаса,
Гремит оркестр, две строчки из твоих стихов.
А завтра крест Андреевского флага в небесах
Отправит в дальний рейд военных моряков.

Припев:

От родного причала
Ровно в восемь утра
В своем грозном молчании
Отойдут крейсера.

Им в открытое море
По приказу пора.
Их запомнит история –
Крейсера, крейсера.

Ты честен, храбр, ты русский офицер – проверено,
И в страшный шторм и в бурю не пойдешь ко дну.
Но здесь, со мной, ты держишься не так уверенно,
Как там, на палубе, в пороховом дыму.

Припев.

Ты сам меня на танец пригласить осмелился –
Так что ж мой юный офицер так молчалив и хмур?
За ваш поход шампанское в бокалах пенится,
Тобой с недавних пор гордится Порт-Артур.

Припев.

Девчонка

Русая девчонка у реки живет,
Купает в синеве гнедого скакуна.
Ей легко и радостно, мне – наоборот.
Играй и говори, гитарная струна.

Припев:

А я украду вместе с нею коня,
И темная ночка укроет меня.

Уедем туда, где гитары звенят –
Какая судьба у жигана!

Как она смеется – искорки в глазах,
Голос – огонек, румяна и бела.
Дивная походка, русая коса –
Всех парней в округе ты с ума свела.

Припев.

Не чужая дочь у матери-отца –
Ни к чему в родне веселый хулиган.
Сваты-женихи, подарки – без конца,
Ну а мне в подмогу – ночка да туман.

Припев.

Конь-огонь играет, бьется в стремянах,
Понесет нас конь за горы и леса.
Спрячутся в ресницах искорки в глазах,
Расплетется ветром русая коса.

Припев.

Песня про Красного Бойца

Скрылось солнце в облаках, в облаках,
Да пожары до небес достают.
Не обсохло молоко на губах –
Не губите буйну голову мою!

Жаркий бой был – не всяк уцелел.
Крепко дрались, только в сумерках дня
Ускакали, да один не успел –
Застрелили вороного коня.

Так всегда – и кто сильнее, тот и прав.
В шапке острой, да с красной звездой
Во лугах среди некошенных трав
Погибал мальчонка, ой, да молодой!

Пуля-дура, а сабля – верней.
После боя на лугу, у реки

Придержав своих горячих коней
Собрались вокруг него казаки.

А тот за словом да не лезет в карман:
– Разобьем, – кригит, – Мироеда-кулака!
Вынул саблю сгоряча атаман,
Хмурит бровь – видать, не дрогнет рука.

– Эх, ты, парень – не глядели б глаза!
Мне не сват, не брат, не кум, не родня!
Саблю спрятал да тихонько сказал:
– Вот беда, такой же сын у меня.

Скрылось солнце в облаках, в облаках,
Да пожары до небес достают.
Не обсохло молоко на губах –
Не губите буйну голову мою!

Эскадрон

Солнце в кровавой агонии
Льется на желтый погон.
Мой первый сабельный конный
Я вывожу эскадрон.

Меркнут багровые тени,
Следом пытаясь успеть.
Дымом последних сражений
Выжжена черная степь

Припев:

Не вспомнить мне потом
Ни этих грозных лет,
Ни тех последних дней
Давний эпизод,

Когда кошмарным сном
В последний мой рассвет
В лицо, навстречу мне
Падал горизонт

В бешеной скачке, пригнувшись
К шелковым гривам коней –
Смерть, она выберет лучших,
Лучше не думать о ней.

В жизни порой мимолетной
Есть упоение днем...
С фланга огонь пулеметный –
Кто-то споткнулся на нем.

Припев.

Почестей высшую степень
Павшим друзья воздадут,
И оренбургские степи
Свежей травой порастут.

Будут невест терпеливых
Слезы в притворах церквей –
Им не дожидаться любимых,
Как матерям – сыновей.

Припев.

Благовест

В путь-дорогу меня благовест провожал
Из сторонки, где жил – не тужил,
По дороге пустой, что этап каторжан,
Кандалами звеня, проложил.

Бубенцы заунывную песню поют,
Да дорогу метель замела,
И за веру свою вдоль дороги встают
Белоснежных цркквей купола...

Не горюй, не тужи, видит Бог, поживешь –
Ни души на дороге большой,
Разве беглый жиган – на три четверти нож,
Да всегда ни гроша за душой –

Хоронится, как зверь, по лесам, по кустам
В предвкушеньи людской доброты,

И встают тут и там, по укромным местам
На осевших могилах кресты...

В постоянной избе в дурня режется рвань –
Гомон. крики, да пьяный азарт.
Без души, без креста, только грязная брань
Над колодой засаленых карт.

Потешается голь – вот, мужик из простых
Жизнь, как шапку, поставил на кон,
И таращатся в ужасе лики святых
С расписных, золоченых икон...

В путь-дорогу меня благовест провожал
Из сторонки, где жил – не тужил,
По дороге пустой, что этап каторжан,
Кандалами звеня, проложил.

Бубенцы заунывную песню поют,
Да дорогу метель замела,
И за веру свою вдоль дороги встают
Белоснежных цркквей купола...

Раскаяние

В России живут как получится,
Каждый – мошенник и плут.
Воруют от случая к случаю,
Страну за гроши продают.

А нам ничего не обломится,
Тому, кто не хочет, как все,
Лекарство найдут от бессонницы –
В расход поведут по росе.

Погиб не в бою, не в пожарище,
Как птица умолкла в ночи.
К столу соберутся товарищи –
Достоинно, безвинно почил.

Окурки смахнув с подоконника,
Душа воспарит до небес,

И скажут Святые Угодники:
- Куда ж ты, безбожник, полез?

И я упаду в преклонении
Ничком на небесную твердь -
Страшит нас не грехопадение,
Страшнее нам - не умереть.

Рванул я рубаху исподнюю:
- Откройте, пустите - прошу!
Золотарем или дворнею
Я вам отслужу, отслужу!

Не надо мне райские почести
И тонкой одежды носить -
Я мог быть полезнее в обществе
И райские травы косить...

В ответ - непреклонность решения,
Засовы гремят у ворот.
Но милость к моим прегрешениям
Попросит отец Ферапонт...

И старцы, что многое видели,
Чешут в седой бороде,
Меня во святые обители
Без чувств волокут по траве.

Паду в мураву, как архангел я,
Распластанный в райском тепле,
И слезы стыда и раскаянья
Прольются дождем на земле...

Белые ангелы

Белые ангелы
В небо уносятся,
Если прикладами
Бьют в переносицу,

Вяжут веревочкой,
Ставят у стеночки,

Под дулом винтовочки
Гнутся коленочки...

Рваными венами
Кровь проливается –
Ангелы белые
Прочь разлетаются.

Дети бессильные,
Гости опальные,
Где ваши крылья,
Белые ангелы?

Душами смелые
С колен поднимаются,
Ангелы белые
В круг собираются,

В час перед битвою
Лицами светлые,
Вашей молитвою,
Ангелы белые!

Лопнули с лязгом
Цепи кандалные,
В небе резвятся
Белые ангелы.

Тысячелетий
Дальними далями
Манят нас дети –
Белые ангелы...

Тетерин Александр

Поэт-хокуист. Учился в ФМШ №45 в 1981 – 1982 году.

Из цикла «Узкая дорога на физический факультет»

Ципсы

С академики мы с Круглым явились на лабу в середине мая.
Препод строго: «Да я вас не знаю!... А-а, ребята, наверно, вы –
ципсы*?».

Молча с Круглым переглянулись. Да, мы – ципсы... Еще
какие!

Матанализ (Накануне)

Три кило талмуд Фихтенгольца. Это ж выучить все
невозможно!

Мудрый Сальников возразил мне: «Не прав ты, Тетерич.
Просто надо стать старым и лысым...»

В стройотряде

У старушки пожухла трава за сараем –
Как дождями стенку подмыло.

Человек пятьдесят каждое утро на сарай шеренгой
мочились...

Кинг-Конг (шабашная страшилка)

Кинг-Конг скакал возле сруба, с диким ревом бил в стены
кувалдой.

Что такое случилось с Сальниковым?

На ногу упала кувалда...

*) ЦИПС – группа Целевой Интенсивной Подготовки Студентов

Урал-2Т-Электрон

Познавая азы мироздания,
В карбюраторе заветную дырку я нашел и прочистил
Проволочкой от троса стартера.

Из цикла «Общежитие №13»

Зима (философское)

Тараканы сбились в кучу за трубой отопления.
Вместо стекла – фанера, на подоконнике лежит снег.
Не пойду на первую пару...

В субботу вечером

В луже блевотины на полу в зеленом вельветовом пиджаке
Шевелится Буба, тщетно пытаюсь подняться –
Внизу дискотека...

Силя

В бытовке среди ночи проснулся – Силя песни орет в
вестибюле.
Щас бутылкой пустой захерачу!
Пару песен послушал – талантлив!

Ночью

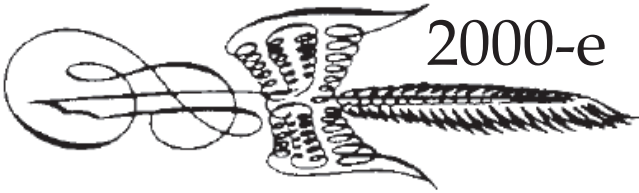
Ярко светит настольная лампа.
Клопы размером с монету падают с потолка.
Ночь. Перевожу английский.

Восемь негритят

Петя Плотников, Вадик Юрманов чинно пили бутылку водки.
Восемь негров ворвались – безумцы! – отомстить за избитого
друга.
– Вадик, двери держи, чтоб никто не ушел!

Формула Эйлера (нецензурное)

Минус единице равно
Е в степени и пи.
Без математики ты – говно!
Учи ее, учи.

2000-e

Данилова Стефания

16.08.1994. Стихи пишет с 3х лет. Триумф-лауреат Всероссийской премии «Послушайте!» им.Хлебникова – 2012. Автор 4 сборников. Официальная страница – vk.com/stefaniadanilova Ведущая собственной литературной студии «Поэты Алюминиевого Века». Выпускница гуманитарного отделения АГ 2010 года.

Сложно сказать, что бы я отдала
за возможность с тобой проснуться в другой стране,
чтобы фоновым треком звенели колокола.
Не бояться, не шкериться, не отстраняться, не
прятать руку в карман, сжимающую стилет,
не ломать ни трагикомедии, ни хребты.
Я отдам даже собственный город на пару лет.
Но сперва – расскажи,
что за это отдал бы
ты.

Кто-то бросил курить и тупую девушку,
посещает литвечера.
Мы с тобой, случайный, совсем не те уже,
что упарывались вчера.

Кто набил тату и покрасил волосы –
фотокарточкой стал в статье.
А сказавшая, что рождена без голоса –
стала петь, как Мирей Матье.
Неизвестный вчера снял сегодня видео –
и просмотров под миллион.
В человеке любом, если вы не видели,
проживает хамелеон.

И родится дочь, или сын, или книжица
у того, кому я дала огня.
Я смотрю, как в лучшее что-то движутся
люди вокруг меня.

Сквозь асфальт пробьется цветок непрошенный,
пошатнется земная ось.
Жду – а вдруг что-нибудь хорошее
приключится со мной?
Авось...

видя тьму занавешенных окон,
мне – до фильтра прокуривать грусть!
ты не хочешь со мною? ну, с богом!
знай – я больше к тебе не вернусь!

ты конечно же, лучше и старше,
жизнь в тебе отпечатала след!
но любовного, видимо, стажа
у тебя минус тысяча лет!

настоящий мужчина, увидев
ту влюбленную, что не мила,
своего бы волнения не выдал,
не отмазался бы, что дела!

отказал бы и прямо и честно:
– я у бога тебя не просил!
и болел бы себе за манчестер,
не платя за чужое такси.

будь в кого пожелаешь влюбленным,
только господу не прогневи!
не гореть светофору зеленым
на шоссе в город нашей любви.

по тебе так вздыхают и трутся
все расцветшие дамы окрест!
жаль, что ты лишь в понятие «труса»
вместо сердца открытого влез!

возьми блокнот, запиши на любой странице:
не существует условности и границы,
которые бы помешали тебе раскрыться,
ты сам себе орден, сам себе главный рыцарь
круглых столов, заточенных под квадрат.

вечность – для тех, кто сегодня малоизвестен,
но звездной болезнью не заражён; из песни
не выкинешь слова, так песнею в воздух лейся.
есть точка отсчета и это «сейчасиздесь».
возьми же блокнот и пиши свою жизнь,
мой брат.

Для стихов, как известно, не надобно много.
Человек, не давай мне любви. Дай огня
и любой завалившийся вечер от Бога,
сотворённый, естественно,
не для меня.

Я люблю не его, а свою одичалость,
что несется на запах старинных духов.
И, конечно, его никогда не случилось
в рукотворном мире
подростковых стихов.

По-январски наш город белёс и безлиствен,
как тогда...

Но когда было это «тогда»?
Уяснив для себя корневую из истин –
«все пройдет» – я уже
ничего
не отдам

за возможность найти
в однокомнатном сердце
уголок для дорожных плащей гостевой.
И, уже не пытаясь понять иноверца,
я люблю в нем секундную нежность его,

самобытность – ведь он под меня не подогнан,
мы с о о т н е с е н ы Петербургом к Москве...
Для стихов, как известно, не надобно много –
а возлюбленный – тот,
кто не будет воспет.

Ты так долго спала, что не видела снега в глаза,
дутых серых пальтишек и конькобежца-позёмку.
И нежданный хозяин кровати кому-то сказал:
«Умерла. Унесём-ка».

Ты проснулась весной и вошла ошарашенно в мир,
как поклонница входит в заветную спальню кумира.
Стало больше станций метро, и чирикали СМИ
обо всем, кроме мира.

Ты свалилась на голову лострою с потолка,
что по пьяни некрепко прибил чей-то муж-неумеха.
Ну а тот человек...который тебя растолкал –
сделав дело, уехал.

Летаргический сон на изнанке измученных век
загоняет тебя мелкой дробью подбитым животным.
Ехать в город, где тот, разбудивший тебя человек?
Может, он не живёт там.

И, в итоге на пол расстелив белый флаг простыни,
не узнаешь, что он-то живет, но в любимых – другая.
Померещится шепот его. И светящийся нимб.
«Ты так долго спала, дорогая»

как это все-таки здорово: «бросил парень», «стрелочка на
чулках» и «система виснет»... знаешь, я обзавидовалась на
паре, как ты еще ни капли не знаешь жизни. ты повзрослеешь,
и жизнь на размерчик уже станет тебе, мешая дышать до
жути. верь мне, хорошая – дальше не будет хуже. ой, я
ошиблась. хуже уже не будет.

бабушка пьет в неделю таблеток сорок, чтобы хотя бы мое не
забылось имя. самое страшное – неотвратимо скоро
эти таблетки н и к т о
н и к о г д а
не примет.

знаешь, я так хотела бы – снова глупой, блески по пухлым
размазывая щекам. просто, когда... смерть рассматривает под
лупой близких твоих, ты беспомощнее щенка.

мне за собою маленькой не угнаться, чтобы отсрочить этот
смертельный опыт. видишь ли, мне без четверти девятнадцать
и я обожаю резаться в мортал комбат, или пейнкиллер, что
там еще к примеру. (в челюсть ногой. захватываний в кольцо).
это все репетиция... не премьеры. смерть – это враг. врага
надо знать в лицо. жизнь – это то, чего не бывает слишком...
только бы в рай их. только бы не на вертел.

знаешь, я обзавидовалась, малышка,
как ты еще ни капли не знаешь смерти.

А мне двенадцать, слышишь, всего двенадцать. Меня стригут
под мальчика, но зато – не под одну гребенку, и вам смеяться,
а мне ходить под Богом и под зонтом. Меня мальчишки, в
общем, интересуют чисто для телефонных воздушных битв.
Все девочки ищут пару, а я рисую и, значит, никто не вправе
меня любить.

Нет, мне под сорок, внушительных алых сорок, когда помада,
климакс и бигуди. Ты не Джеймс Бонд какой-нибудь и не
Зорро, это твоя остановка и выходи. Мы – я и кот – панически
растолстели, демьяновой обожравшиеся уши; нет, мы с тобой
не будем в одной постели, какие стихи, ведь я не пишу стихи.

А мне – неважно, сколько, и продавщица не спросит паспорт,
я бросила, не трави. Мне на метро опять в универ тащиться
по красной ветке – термометром при ОРВИ. Приснишь мне,
слышишь, чего-то кошмары снятся, как будто бы я Титаник с
пробитым дном. Каких бы ни случилось со мной сумятиц – ни
менее, ни более – не дано.

Ведь мне... ведь мне по прежнему восемнадцать, и кофе – по-
студенчески, «три в одном».

Говоришь мне за чаем – «вот же, сестра, дела: у твоего бывшего жена первенца родила, у подъезда второго красуется кадиллак, а у третьего от миллионов распух кулак». Молча слушаю это при свете ламп, ощущаю следы от кошачьих лап, и соседи друг друга любят во весь опор, и чужие окна глядят на меня в упор, все разительно вместе, а я одна до сих пор. Мне тридцатник и пачку синего аполло, у меня ни единый зуб не стоит без пломб, на растопку костра пустила красный диплом, чтобы было тепло, только чтобы было тепло. Есть один человек, к которому я не ноль, он набит на каждый второй пароль, у него японская полироль и в его театре пустует роль, как розан в вазоне стоит, гния, потому что вписана в роль не я, эти факты режут меня живьем даже больше факта, что не вдвоем, из себя льняные веревки вьем, он в своем отчаяньи, я – в своем. Я всегда была на язык остра, только страсть моя – угольки костра, остается пепельный теплый страх перед миром, в котором война и трах, только ты осталась со мной, сестра... Я беру из пачки еще одну, может быть, стишок о таком катну, и горячим камнем пойду ко дну, смысла нет любить сотни лет и зим, как бы милый ни был неотразим, если ты ему не то чтобы не жена, но и как знакомая не нужна, как земля, что войнами сожжена, я тряпична, выколота, смешна, я уйду седьмые искать пути, где марихуана и первитин, это пять-четыре-три-два-один, только ты, сестра, за мной не ходи...

положи мне себя в чай сахарными кусками,
и они, как мы, распадутся напополам.
так и жили: двумя потерянными носками,
что господь, поносив, разбрасывал по углам!

ты хоть знаешь, насколько непросто, тебя отпуская,
ставить чайник, решать лингвистические задачи?
положи мне себя в чай сахарными кусками
в предвокзальной кафешке и – уезжай! удачи.

ты столетием не ошиблась?
здесь они тебя не хотят!
эра «искренность» завершилась
и сменилась в большой театр.

здесь уже не поет высокоцкий:
то железобетон, то сталь.
не востребованы тут, солнце,
твои золото и хрусталь!

сразу пачечку бродской шипки
на заклятие приготовить.
это век напускной улыбки
и стихов на любовь и кровь.

ты – не рыпайся! в самом деле,
уходи на своих двоих!
здесь пустые глаза модели
лучше искренних глаз твоих!

ты же здесь прогоришь, как свечка
и сломаешь карандаши!
«я люблю тебя» – три словечка,
что зазубрены без души.

ты в маршрутке видишь – сидит напротив девушка примерно лет двадцати, и она тебе незнакома вроде, только манит и не дает уйти. у нее в наушниках что-то громко, рукавицы красные, глаз остёр, видно, что ходила и острой кромкой, и средневековьями на костёр. на коленях – книга, на книге – блики из окна, потрепанный корешок. что-то между Джойсом и Метерлинком, и оно, наверное, хорошо. зачарованно смотришь: она откуда? кто пустил богиню в мой серый мир? мир твой детской пеленочкою укутан и никем особенно не храним.

выйдет, и маршрутка опять по кашнице
разомнет колесами новый след.
а потом этой девушкой вдруг окажешься
ты сама в неполные двадцать лет.

когда была ребенком – не боялась,
что упаду с качелей и умру,
и мне всегда легко-легко вставалось
в начальных классах школы поутру!

если кто-то влюбился
в кого-то из пары,
это повод задуматься – все ли окей?
если кто-то себя убивает по барам
и кофейням больших ресторанов икей?

может, двое уже не умеют согреться,
забираясь вдвоем под мохеровый плед?
если третий готов одолжить свое сердце
на какую-то сотню
дешевеньких
лет?

этот третий, возможно, глупей и моложе,
но умеет любовью вспахать целину...
там горошинка, верно, в супружеском ложе,
и на третьего стоит
хотя бы взглянуть.

он весь мир за тебя превратит в поле боя,
изрисует лучами твои гаражи.
если ты и умрешь вместе с этой любовью,
ты у третьего в мыслях
останешься
жив.

ты, возможно, подумаешь: снова в поэте
пробуждается дурь, мол, опять за своё...
никогда. никогда не появится третий,
если кто-то действительно
счастлив
вдвоём...

Нам, как Резанову и Кончите,
друг друга не обрести, похоже.
Товарищ Сердце,
Вы так стучите
в тамтам, обтянутый алой кожей.

И в небесах высоко над нами
снег ниспадает на поле боя.
Товарищ Сердце,
идет война ведь.
Война за право владеть любовью.

За право видеть хоть что-то, кроме
красивых сказок «как было раньше».
Товарищ Сердце,
залито кровью
пальто на Вас... Говорите, вражьей?

Два изувеченных.
Три убитых.
Мир черно-белый, как в старом фото.
Товарищ Сердце, светиться в титрах
уже не хочется отчего-то.

Дома – по пояс
в иранской басме
горелой сажи. (Еще цветочки).
Товарищ Сердце,
вы бьетесь насмерть?
Я буду рада погибнуть в точке

Горячей, будто
его ладони,
что не касались моих – поменьше.
Товарищ Сердце,
в крови утонем,
но все ж – давайте не будем мешкать.

И даже практически умирая,
кусает пятки врагу наш витязь.
Товарищ Сердце,
нам шаг – до Рая.
Прошу Вас...
Только не разорвитесь.

Ты очень юн и ещё безус, и поступаешь в элитный вуз,
и мир тебе с голубой арбуз, а мной он обглодан весь.
Под красным цветом моих знамён, без бюрократии, без имён
в одном из нужных тебе времен мы встретимся; хочешь –
здесь.

Сегодня буду играть с тобой, ты будешь скрипка, а я – гобой,
и посвящающий первый бой ты выиграешь, трубя.
Сегодня – вместе, а завтра – врозь, сейчас – возьми, а потом –
забрось,
сейчас ты крутишь земную ось, а после – она тебя.

Ещё вчера ты ходил холоп, я наколдую все так, что – хлоп! –
мигом возложат тебе на лоб лавра золотой венец.
Мы, как супружеская чета, будем единым себя считать,
вот только щеки на все счета отдам, как придет конец.

Я – твой последний и первый шанс, не обращай ко мне,
божась,
в мой раскрипевшийся дилижанс ты входишь, как званный
гость,
а выйти можешь в рай, в аду, на галопирующем ходу,
выпасть, разбив и свою звезду, и лицевую кость.

Ты – джентльмен, в общем-то, хоть куда, и, не давая себе
труда,
на предложение ответишь «да», только потом – не плачь.
Со мной не скушаешь соли пуд, сегодня – там я, а завтра – тут,
я просто Леди, меня зовут Одна Из Шальных Удач...

Качаев Александр

*Год обучения в школе – 2012-2013 уч.г., класс – 10е (биологический).
Стихотворение написано в ноябре 2012 г.*

Гимн биологов (для 10е класса). Версия с новогодним куплетом

Альдозы, кетозы, моносахара...
Нет давно знакомым нам понятиям числа!
Наш лектор говорит нам: «Вы – биодетвора!
Знать вам надо все – от клетки до белка!»

Биологи!
И в этом наш секрет!
Биологи!
(На каждой из планет!)
Биологи!
Мир от незнания мы спасем!
Биологи!
Ради знания жизни мы живем!

Биохимья, микология, цветок...
Бежит по мозгу нашей мысли ток!
Ведь знания – это наша сила!
И ничего нам без нее не мило!

Биологи!
И в этом наш секрет!
Биологи!
(На каждой из планет!)
Биологи!
Мир от незнания мы спасем!
Биологи!
Ради знания жизни мы живем!

Когда же мы свое призванье найдем,
Открытий уж мы кучу заведем!
Да не погаснет нашей жизни свет,
Да хватит нам его на открытия на много лет!!!

Биологи!
И в этом наш секрет!
Биологи!
(На каждой из планет!)
Биологи!
Мир от незнания мы спасем!
Биологи!
Ради знания жизни мы живем!

[НОВОГОДНИЙ КУПЛЕТ]

И Новый год мы встречаем, друзья!
Пусть в нем открытий хватит и на вас, и на меня!
Желаю вам блестящих побед,
Знаний новых и отсутствия бед!

Биологи!
И в этом наш секрет!
Биологи!
(На каждой из планет!)
Биологи!
Новый год мы встречаем, друзья!
Биологи!
Всего хорошего, 10е – вторая наша семья!

Малакей Екатерина

Я учусь в 9б классе АГ.

Эйфория

А небо по-прежнему серо-унылое
И плачет восемь дней из семи.
Откуда же эти белые крылья,
Что вдруг за моею спиной отросли?

И хочется верить, и сложно поверить,
Что то, что случилось, случилось уже.
И я потихоньку вновь выдерну перья,
Что были в награду дарованы мне...

Конечно, мне просто скучно!

Конечно, мне просто скучно!
И слезы мои – вода.
А то, что шепчу беззвучно –
Романтическая белиберда.

Конечно, мне просто скучно!
Я просто играю в любовь!
Я выдумала эти чувства,
Пустые, как люди из снов.

Конечно, конечно, конечно!
Ты ведь прав, виновата я.
Ты не можешь доверить вечность
Той, что раз была неверна.

Все внутренние изменения
Не заметит скептический взгляд.
И что б я не думала, делала,
Ты не сможешь меня понять...

Рубан Максим

Выпуск 2013 г.

Встречай меня, северное сияние.
Огни города ангелов смерти.
И что же здесь было ранее?
Пустота в недошедшем конверте.

Кто-то ждет, кто-то верит, надеется.
Кто мечет и рвет на куски.
Кто-то в тридцать умрет от безделицы,
Чье-то сердце сжимая в тиски.

Мне так больно дышать свежим воздухом,
Мне так давят на мысли дома,
Мне так хочется, ужас как хочется,
Чтоб в моей руке-чья-то рука.

Савватин Михаил

Учился в АГ в Петергофе в 2005-2006 году в 10 «Д» физ-мат классе. С теплотой вспоминаю те времена, навсегда останется интернат в моём сердце. Сейчас живу и работаю в Москве. Закончил НИУ МЭИ (Московский Энергетический Институт).

Клише

Жизнь убивает в нас поэтов,
И пусть предписано в судьбе
Познать всю истинность заветов,
Но жизнь поставила клише.

Но жизнь поставила клише,
Все дни томиться в своем теле,
В быту и в прочей суете
Отречься от любви и веры.

Отречься от любви и веры,
Веры в единство наших душ,
Любви без выгоды и меры.
Священный долг теперь нам чужд.

Теперь нам чужды рассуждения
О нашей жизни, наших днях.
Не ждём момента озарения,
Не пишем письма мы в стихах.

Не пишем письма мы и в прозе,
В беседе слышим лишь себя.
И друг на друга дни похожи,
И в них ни боли, ни огня...

Мы измеряем всё нулями,
За цифрой гонимся в бреду.
Потом уставшими глазами
Мы созерцаем пустоту.

Мы созерцаем пустоту
В тех перерывах меж делами,
Ведь истинную красоту
Давно заставили стенам.

А мы могли парить как птицы,
Свободу дать своей душе,
И мыслями стереть границы,
Но жизнь поставила клише...

Я пред иконой...

Я пред иконой, как пред совестью стою.
Свои поступки, мысли в голове перебираю.
О понимании, прощении молю
И голову пред совестью склоняю...

Друзья мои уходят навсегда,
Туда, где только памятью согреты.
И их уносят в даль из жизни поезда,
Но им не куплены обратные билеты...

Как часто мы друг друга предаём,
Теряем смысл и чувства беспардонно,
Ты мне сказала – это не любовь,
И всё что было, было лишь условно...

Твердят кругом, что жизнь дана одна
И наслаждаться нужно ей не медля,
Но наслаждения ваши, знайте, ерунда.
Вы прожигаете напрасно своё время...

Неся свой крест, не помним мы о том,
Зачем нам суждено было родиться,
Оставив навсегда родной свой дом,
Мы забываем и родные лица...

И разбиваемся в потоке суеты
В потоке лжи и в чередe сомнений.
Мы понимаем, нет больше мечты,
И от того нет добрых побуждений...

Мой восьмой трамвай

Дождусь последнего трамвая,
который мчится в никуда,
в ночных афишах исчезая
и нежно глядя провода,
он увезёт меня на встречу
далёким призрачным мечтам.
В ночи огней твой взгляд замечу,
наперекор своим словам
я не смогу забыть, что было,
вся моя жизнь прошла как сон,
но в памяти навек застыл он –
моей любви приятный стон.
Любви к тебе и к этой жизни,
к свободе, что всегда во мне,
к той радости, что будто брызги
капельки звонкой по весне!
Искрясь на солнце и играя,
теплом своим, пьянящим нас,
и наши души согревая,
растопят лёд безликих масс.
Потом наступит воскресенье,
и ты прошепчешь мне: «Прощай...»
и я оставив все сомненья
вбегу на свой восьмой трамвай.
А он не зная остановок,
как наша жизнь бежит всегда,
мне двадцать два, но как ребёнок
любуюсь снегом ноября.
Который словно исцеление
в раз переменит этот мир,
он станет белым на мгновенье
и нежно-чистым как сапфир.
Все наши улицы, подъезды
и скверы, парки и дома –
всё переменится моментом
под тёплым снегом ноября.

Но мой трамвай все едет дальше
и гонит прочь от этих мест.
Хочу, чтоб было меньше фальши,
не знаю, но несу свой крест.
Момент конечной остановки
мне не дано предугадать,
судьбы ж красивые уловки
я все приму, как благодать.

Света белого

Света белого!
Видел ли?
Волю буйную!
Помню ли...

Небо ясное,
Солнце жаркое,
Поле русское,
Глоток воздуха.

Пташек трелии,
Гроздь смородины,
Красной, белой ли,
Сладкой Родины!

Успокой меня,
Душу русскую...
Чтобы дать понять,
Что я чувствую.

Чтоб горел огонь
Вечной памяти
Не на площадях
А в груди людей.

Дай всем силы нам,
Да любви своей,
Чтоб на зло врагам,
Улыбались мы.

Не растратили
Веру в истину,
Среди грязи всей
Стались чистыми.

«Гой ты, Русь, моя»
Православная,
Сбереги меня,
Я твой навсегда.

Безразличие

Согласие.
Недоверие.
Горечь.
Корысть.
Все это
Слова лишь –
За ними
Ничего
Не стоит.
Стоит только
Произнести –
И сразу
Оружие действует.
Это ядерные
Силы земли,
Её геополитика.
Чувственные
Горечи,
Промозглые
Горячки
Отступают
На второй план.
Лишь слова,
Ничего не значащие,
Делают
Это
Вам.
Вал из людей
И их жизнью,
Катящийся брэнно
В столетиях.
И здесь точно
Нет ничего.
И никаких слов.

В этом лишь
Спасение.
Ничего и говорить
О словах тех,
У которых нет имени.
Значит, нет слов самих.

Имя № 40

Я в тишине своих обид
Тебя искала.
Увы, там только уголь и трава.
Дрова, и дом, и снова тишина.
И неужели эта жизнь – одна?
Я в глубине своей души
Тебе мешала.
И там лишь тьма, и тень, и пауки
Они ползут и стонут. Как легки
Твоих узоров на земле рисунки!
Я лишь в конце пути
Тебя нашла.
Но там нет ничего, и никого.
Так кем ты был? Кого искала я?
Жизнь лишь одна, а я всё не смогла найти.

ελευθερία

Усталое, теплое,
Безмерно прекрасное.
Удобное, мокрое,
Немного опасное.

Это не страшно
Его примерить.
Один раз, второй,
Поперек измерить.

Вдоль перейти,
Дважды остановиться.
И насладиться
Не страшно.

Открываешь, берешь
И уходишь.
Ждешь, пока снова
Взглянуть дадут...

Не говорят. Не следят.
Едут вопреки всему вдаль
Они. Смешной ветер идет
Следом. Догоняет.

И неважно, что как-то
Усталого, теплого,
Безмерно прекрасного
Рукой коснулся.

Нет, не волнует
Безвластное.
Горесть ли, честь ли –
Покой лишь, покой!

И опять вдаль
На дальние нивы
Или гривы коней
Смотреть...

И разный ветер,
И воздух разный...
Антоним теплого
Спешишь забыть.

Насмешки птицелова

Иду за собой.
Мне тихо и хорошо.
Падая,
Листвой
Мне
Собрать бы себя
В руках.
Печаль

Или радость истинная
Окутывает
Сегодняшний путь.
Остановилось время.
Тишина.
Я иду по листве
Вглубь леса,
За собой
Навеки
Иду.

преподаватели

Тишкова Анна Александровна

Колонны мрамор

Ожил в блеске люстр,
Истаял зал в зыбучей тишине
Рукой и сердцем
порождённый звук
Случайным не казался
больше мне –
Он осязаем был,
и чист, и нов,
Как будто нёс в себе разгадку снов.
Весь воздух пел,
Мелодия лилась,
Вздыхалась вверх
И между люстр кружась,
Исчезло время,
мир и я сама,
Дыханье кончилось
И только пело тело,
Кружилось и текло
Казалось, что не кровь
А музыка бесчинствовала
в жилах
И в звуках радостных
Тогда я растворилась.

2000-2001

На исходе марта есть один

День, когда тоска тревожит душу
Я традиции священной не нарушу,
Отдаваясь памяти своей.

Изойдешь тоской, по капле
Вытекая памятью скорбящей, –
Видно, уродилась я такая,
Но меня не знают настоящей

Расскажу про боль и про усталость
Двум могилам под плитой гранитной
Ветер, заплутавшийся в берёзах,
Мимоходом слёзы мои вытрет;
Солнца лучик детство мне напомнит
Птичья песня снова в жизнь пристроит
Отрыдав беззвучно стихнет память
И на время сердце успокоит.

90-е

Ах, какой удивительный

Снежный и солнечный день в октябре:
Лес зелёный, и жёлтый,
И красный, и снежный...
Жёлтых лиственниц строй
Удивительно тонких и нежных,
И хрустальной травы
Незнакомый сверкающий строй.
«Стой, мгновение, стой!» –
Мир прекрасен –
Свод небес голубой удивительно ясен...
Мы гуляем, снимаем,
Вдыхаем, вбираем, вздыхаем
Одинаково радостно, трепетно
Все на земле понимаем.
И спасибо мое
Тебе, братик, за щедрость и ласку
И за эту тобой и природой
Даримую сказку!

26.10.2002

Я не играю с жизнью в поддавки –
Закрою уши ватой и сниму очки
И сразу в наступившей тишине
Из детства звуки поплывут ко мне:
Сосулек тонких льдистый перезвон
И снега скрип под торопью шагов
И карканье ворон
И треск поленьев в пелене огня
Наполнят жизнью и спасут меня
От лязга мыслей,
Грохота идей
И скрежета утробного людей.
Какое ощущение полноты
Как будто с жизнью перешла на ты
Но начинаешь где-то с удивленьем
ощущать,
Что люди близкие,
И должно их прощать.
И тянется к очкам моя рука
Я возвращаюсь к вам издалека.

Эти сосны-колдуны
С их теплом и покоем
Манят, не обещая,
Будто тайну откроют.
Тихо шепчутся кроны
С пролетающим ветром
И роняет иголки
Как ответ.
Я ловлю их руками
И вдыхаю их запах,
И навек засыпаю
В корнях-лапах.

июль-август 1998

«Всецарица – заступница,
Не отыми покров!»
С покаянной молитвою
Из горячечных слов
Из несмелых и суетных
Пред Твоей высотой.
«Я к Тебе прибегаю
Не со просьбой пустой:
Сохрани и помилуй,
Исцели и прости,
Чтобы дух мой смятенный
Смог покою обрести,
Твоей правдой воспрянуть
Твой завет умножать,
Помоги, Всецарица,
Под покров Твой мне встать.»

Лето 2002

Карцова Анна Алексеевна

Профессор СПбГУ, учитель химии 45-го интерната – Академической гимназии СПбГУ.

Еще висит картина на стене.
И в этой части комнаты теплее.
Пронизанная солнышком аллея
Еще хранит дыханье этих дней.
Еще в глазах такая теплота,
Что кстати – все.
И мощные раскаты,
Не предвещая боли и утраты,
Ликующего ливня – сердцу в такт.
Еще искрится новогодний снег
Во имя исполнения желаний...
...Еще висит картина на стене –
Предупрежденье и воспоминанье.

Все равно растает лед,
Все равно весна придет,
Все равно на небосклоне
Лучик солнечный мелькнет.
Даже если все не так,
Снова холод, снова мрак,
Встречи час не обозначен,
Я шепну колесам в такт:
...ВСЕ РАВНО...

А берег молча отступал.
И тщетна мысль о милосердьи.
Все, что вчера казалось твердью,
Крушил и рушил грозный вал.

И смыта берега черта
Бурлящим, пенистым потоком,
И сказанные ненароком
Слова, оставленные там

Вчера, на отмели морской...
Их просто было не под силу
Нести с собой... Все это смыло
Шальной, ликующей волной

А рокот силился вдали
Громады дерзкой и ревущей...
Живи! Живи, пока живущий!
Как вечный зов... Живи! Живи!

И сыплет, сыплет, не кончаясь,
Вселенский снег который день...
...Кто наши судьбы сочиняет?
Каким пером? Когда и где?

Кто ведает: какие нити
Соединить, а что отсесть,
Непоправимостью событий
И предначертанностью встреч,

Неповторимостью сюжета.
Всегда. Во всем. Кому поклон?
...А снег засыпал всю планету,
Как будто знал ответы он.

(Из окна на улицу Герцена. С.-Петербург)

Здесь время вырвалось из плена
Привычных ритмов бесконечных.
Мгновеньем посягнув на вечность.
И вечность кажется мгновенна.

Задержан шорох, шепот. Тот же
Летающий снег – в фонарь со звоном.
И в шарф закутался прохожий.
И взгляд – глухой и отчужденный.

... А там внизу выносят свечи,
Искрится елка... Пляшут дети.
Звучит рояль... Щемяще вечен
Санкт-Петербург из окон этих.

Чуть оторвавшись от Земли,
Почти взлетая,
Воздушный замок вознесли,
Не созида.

Доверье хрупкое взамен
Любви до дрожи.
И рассыпался, и звенел
Дом ненадежный.

И горько сетовал при том
На тех, кто рушил,
Узнав, что он – не просто дом,
А дом воздушный.

Музыка

С каких небес, не знаем сами,
Травой и ливнями дыша,
Она нахлынула как память,
Нас в этом городе нашла.

Явившись чудом и спасеньем,
В окно, в распахнутую дверь
Внесла тепло прикосновений,
И свет, и мужество потерь.

Все, возвратив, соединила:
И трепет встреч, надежды синь,
И горечь рухнувших кумиров,
Которых сами вознесли

И не спасли... Она шептала
Над потрясенной тишиной:
Храни тепло своих причалов
И право быть самим собой.

Она молитвенно просила:
Для близких душ родных людей
Пусть хватит нежности и силы,
Успей понять, простить сумеи.

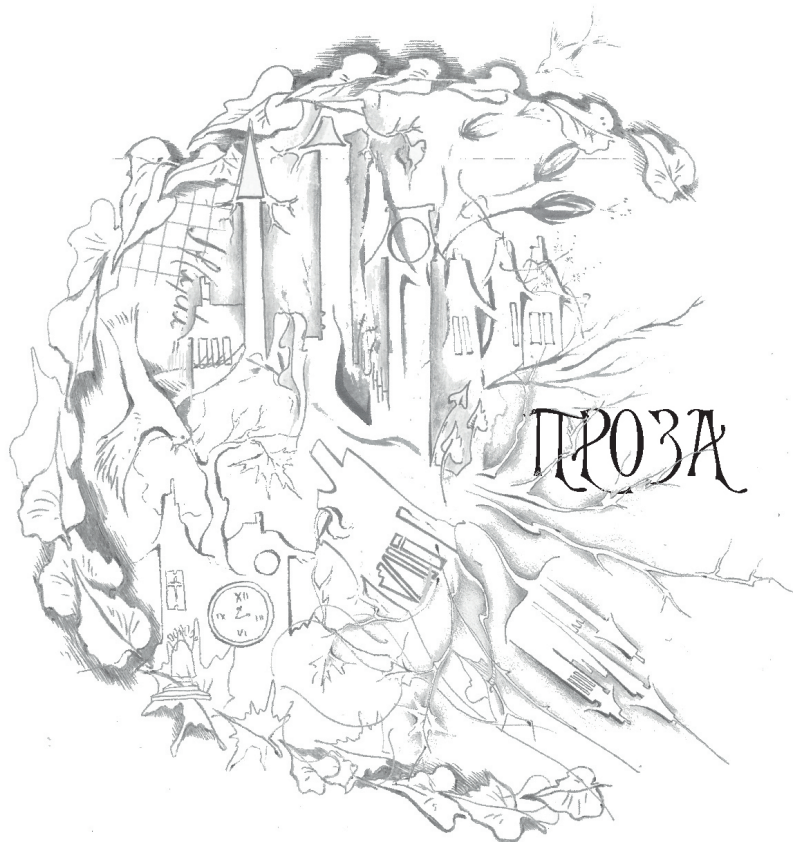
И этой музыке послушны,
Ее заботою сильны,
Мы стали вдруг великодушней
И милосердней стали мы,
И... беззащитней.

На рояле
Неслышно таяла свеча...
Ах, только бы не перестала
В нас эта музыка звучать.

«Общение душ – не выдумка совсем...»,
Не чьи-то фантастические бредни.
Мой дорогой, мой умный собеседник
Глубинных и невыдуманных тем.

Какое счастье и... Удел какой!
Проникновение душ вне расстояний,
Переплетение дум. Всепонимание
Почти... Над бездной слов.
Над суетой.

Такой удел... Ты вышел на балкон.
И тонкий месяц вдруг засеребрился,
На синий бархат ночи просочился...
...А я открыла в этот миг окно.

ПРОЗА

Белоголов Владимир

Родился 7 июня 1954 года в городе Славске Калининградской области. Окончил школу-интернат № 45 при Ленинградском университете и метеорологический факультет военной академии им. А. Ф. Можайского в Ленинграде. Служил на Дальнем Востоке. Летал, плавал, дрейфовал на льду в Арктике. Преподавал в Мурманском университете. Автор книжек «Войдите!», Мурманск, 1991, стихи; «Эхо», Санкт-Петербург, 1993, стихи; «Мужчины должны быть нежными», Калининград, 1999, рассказы; «Свеча в сугробе», Мурманск, 2000, стихи; «Сколы», Мурманск, 2007, рассказы; «Эхо»-III, Санкт-Петербург, 2008, стихи.

Котик-братик рассказ

Отца и себя помню я очень рано, с тех пор, когда ещё и ходить не умел. С догодовалого возраста, выходит, что помню. В год или около того уже я пошёл, держась за мощные дубовые ноги огромного старого раскладного немецкого стола, под который потом ещё долго, немало лет пешком хаживал. Относился отец ко мне очень серьёзно. Много со мной говорил, и мне казалось, что я его понимал. Наверное, поэтому и заговорил я вдруг и сразу, после поднятия на ноги и, к удивлению родителей, довольно прилично. Он мне много читал, и казалось, что я тоже его понимал. Наверное, поэтому и читать я стал вдруг и сразу, и тоже довольно прилично. Он мне много рассказывал сказок, и мне казалось, что именно так всё и было на самом деле. Наверное, поэтому я вдруг и сразу и в любую сказку включался, впадал в неё, жил в ней и до сих пор в сказки я – верю. Помню себя лежащим в большой тяжёлой качающейся детской кровати – «колыске», как называла её моя белорусска-мать. Отец сидел надо мной, смотрел на меня и на полном серьёзе мне сказки рассказывал. Про двенадцать разбойников, про удальца-молодца, про серого под столом медведя, про котика-братика... Много, конечно, я не запомнил, многое не понимал, но кое-что, помню, что понимал – точно. Что именно, правда, и как именно понимал – это уже другое

дело, но отцовские жесты и интонации его с трещинкой голоса, как мне кажется, рисовали мне полностью все картины. Почему он, почти в шестьдесят лет родивший меня, со мною всё это проделывал? Ведь мог бы и матери предоставить... Так вот, о котике-братике. Позже я узнал, что это сказка «Кот в сапогах», но для меня она именно такою осталась.

Жил у нас в доме кот. Звали его Мурик. Огромный зверь с серыми и чёрными полосами и зелёными глазищами, побольше чем у меня. Сам по себе, просто даже как кот, он, видимо, был довольно крупным, если не сказать, что гигантским. Зверина... Он становился перед дверью на задние лапы, вытягивался и передними лапами нажимал на тяжёлую металлическую дверную ручку. Ручка с лязгом опускалась, и дверь приоткрывалась вовнутрь. Так выходил он из комнаты в кухню, и так же – из кухни на улицу. Выпрыгивать в форточку он позволял себе крайне редко. Каким же тогда казался он мне, если от пола до дверной ручки было более метра, а я – рукой до неё дотянуться не мог? Стоящий на задних лапах кот был на грудь выше меня! А его лапы – вдвое толще моих рук. Вот если бы нам рядом с собою представить себе сейчас, в таком же, но нынешнем масштабе роста и веса, подобного зверя. Кто бы это мог быть? Тигр? Леопард? Ягуар? Голова у него была шире, чем у меня грудь.

Мурик со мной играл и боролся. Я обнимал его за могучую шею, а он волочил меня по полу через всю комнату под испуганно-возмущённые возгласы матери, что «этот паразит его погубит...». О ком и о чём именно шла речь и кто кого погубит, понимал я не очень. Матушка это слово произносила не только с испугом, но и с восхищением. Так мы развлекались.

Мурик со мной ел. Садиться за стол в одиночку, без кота, я отказывался. Хлопал ладошкой рядом с собой по сиденью стула и звал: «Котик-братик!». Котику в компанию не хотелось. Еда остывала. Мать нервничала: «вот, паразит...». Кого она имела в виду? Отец невозмутимо подходил к буфету, доставал чистое блюдце, наливал туда молоко, ставил на стол рядом с моей тарелкой и звал: «Мурик!». Но звать уже было не надо. Котик уже был согласен. И его тёплый бок меня уже согревал. Так мы питались. Под довольное «пристроился, паразит...», интонационно означающее и доверие, и уважение.

Мурик меня охранял. Когда летом я выходил с ним во двор – вся дворовая живность – куры, гуси, собаки – разбегалась мгновенно. И только спокойные степенные утки не обращали на нас никакого внимания, как и мой охранник на них. Он просто шёл рядом со мной. И было видно, по словам матушки, «кто тут хозяином, паразит...». Но на самом деле далеко не всё было так смешно, просто и безобидно. Даже под присмотром матери и кота я однажды чуть было не остался без глаз, когда на голову мне взлетел огромный огненно-чёрно-зелёный разъярённый петух и так меня начал когтями и клювом трепать да крыльями охаживать, что я, по уши сверху в крови, носился по двору и орал на всю улицу. Мне вторила мать. Мурик яростно шипел и бросался на злобную птицу, но и от него летели ключья окровавленной шерсти. Вышел на крики отец, подбежал к нам, схватил за ноги петуха и ушёл с ним в сарай. Потом появился оттуда с лёгким плотничьим топором на чёрно-сером дубовом топориче в одной руке и с петухом же – в другой. Положил шею разбойника на колоду, где кололи дрова, и спокойно тюкнул по ней блеснувшим на солнце лезвием. Молча бросил петуха на траву, где он, к общему нашему ужасу, издал хрипящий гортанный крик, вскочил на ноги и, обезглавленный, помчался по двору, заливая землю фонтаном крови. Мать стояла, ни жива, ни мертва. Отец вытер инструмент пучком пожухлой травы, кинул топорик в сарай и вернулся домой. Мурик зализывал раны.

Гуси тоже прохода мне не давали. Болючие синяки от щипков и ударов шипящих гусаков и гусынь, защищающих свой выводок, тоже до рёва меня доводили, если кот не успевал эту орду отогнать. Бил их Мурик нещадно. Но – и ему доставалось. И зачастую – от хозяев гусей. Собаки же никакого особого интереса ко мне не проявляли, равно как и я к ним. Но стоило хотя бы одной из них появиться возле двора или же на дороге, как безмятежно дремавший возле сарая на нагретых солнцем досках Мурик приоткрывал глаза, приподнимался и лениво потягивался всем своим могучим телом так, что псина исчезала мгновенно. Ещё любил он забираться на высокую старую сливу в саду и сверху присматривать за двором и садом, отпугивая от фруктов и ягод прожорливых птиц. Так мы гуляли.

Мурик меня любил. Бескорыстно и чисто по-человечески.

Как брата своего меньшего. Иногда кто-нибудь из соседей в шутку говаривал: «Отдай-ка ты мне своего кота, а я тебе – тоже чего-нибудь дам». Я испуганно бросался к зверю, хватал его крепко за шею и решительно заявлял: «Котик-братик не продаётся!». «Братик, братик...», – посмеивались довольные шуткой соседи... А Мурик недружелюбно поглядывал по сторонам, и в его мощной груди гудело и рокотало что-то напоминающее то ли заводской гудок, то ли вой пожарной сирены. Так мы дружили.

Мурик со мной разговаривал. Забирался зимними вечерами ко мне на кушетку возле жарко натопленной печки, устраивался возле меня и говорил, говорил, говорил... Очень много, ласково и толково что-то мне долго рассказывал. Жизни, видать поучал. Жаль, я мало что понял... Так мы общались.

Мурик со мною спал. Он вытягивался в моей кровати во весь свой чудовищный рост. Хвост там уже не помещался, в сторону свешивался... Я просовывал свои ступни между его задними лапами и обнимал его за грудь или шею. Он обжимал меня огромными передними лапами, и мы засыпали под матушкино умильное «устроился, паразит...». Последнее по причине тепла и ласки я принимал, конечно же, на свой счёт... Да и Мурик, видать, понимал всю прелесть и все преимущества наших таких идиллических отношений. Нечёсаного да грязного в кровать бы его не пустили... Так мы отдыхали. А спать без кота – я тоже отказывался. Но родители меня ни за что и никогда не ругали, а тем более – не били и не наказывали. Но то – родители. А вот Мурик...

Мурик меня ругал и поколачивал, наказывал и воспитывал.

Играли мы с ним как-то в комнате. И, видать, то ли досадил я ему, то ли боль причинил, накручивая хвост на лапы и пытаясь при этом ещё и узлом этот хвост завязать. Недовольные взгляды, сердитое ворчание, предупредительное злое шипение и удары лапами по рукам на меня не подействовали. Я продолжал тянуть кота за хвост... И – не выдержал Мурик! Полыхнули молнии огненные из зеленеющих глаз! Дыбом шерсть встала на всей его неоглядной шкуре. Поднялся он на задние лапы, распрямился и стал вдруг таким огромным, что я даже испугаться не успел, а лишь вскочил и с удивленьем смотрел на него. Две оглушительные хлёткие оплеухи, одна за другой,

по левому и правому уху и по обеим щекам обрушились на меня! Сделал он это, конечно же, не выпуская когтей. Ему и взрослого-то человека порвать особого бы труда не составило, а уж трёпку-то мне закатить... Я орал так, что сам себя не слышал. Из соседней комнаты вышел удивлённый отец и спокойно взглянул на меня. Он почему-то всегда ко всему относился спокойно. Даже когда сено за сараями загорелось в огороде под замкнутыми проводами, грозя сжечь и сараи, и дом, отец спокойно и молча гасил пожар. А я – орал и показывал на сидящего рядом кота. Битая моя морда безмолвно свидетельствовала о происшедшем. Кот сидел сердитый и неподвижный. Отец ушёл в комнату и вернулся обратно со своим чёрным узким, но толстым офицерским ремнём. Я почему-то подумал, что теперь за издевательства над котом мне перепадёт ещё и от отца, не смотря даже на то, что меня не ругали никогда и не били.левой рукой отец молча приподнял за шиворот... Нет, не меня, а – кота, и... дважды перекрестил его – по спине и бокам – этим тяжёлым ремнём. Затем бросил его на пол, как мешок, и молча ушёл к себе. Мурик не шелохнулся. Он сидел неподвижно, с каким-то немислимимым каменно-несокрушимым человеческим достоинством. Только задышал почаще боками, да лапы у него затряслись... Когда же дверь за отцом закрылась, Мурик так нехорошо, с таким брезгливым презрением вполборота через плечо на меня глянул, что я моментально заткнулся. Это было моё первое, жестокое, сильнейшее чувство стыда, хуже которого впоследствии я уже никогда не испытывал, хотя и совершил в своей жизни в общем немало постыдных и недостойных поступков... Отвратительное и обжигающее, словно первая рюмка водки непьющего человека, оно заполнило меня целиком. Я ощущал себя предателем, мерзавцем, подонком... И хотя вряд ли ребёнку того возраста такие понятия были доступны, но из множества сказок я вынес, что это именно такое вот ощущение было бы верным. Я протянул руку к коту. Он не пошевелился. «Котик-бра-а-а...», – завёл было я, но он вспрыгнул, ударил передними лапами по ручке двери, выскочил в кухню и прямо с пола через форточку одним прыжком метнулся во двор. Не видел я его долго, думаю, несколько дней. Я знал, что он бросил меня. И правильно сделал! Так мне и надо! От жалости и тоски у меня болело в груди. Я отказывался есть и беззвучно

плакал в углу за кроватью.

Но однажды я вздрогнул от матушкиного «что же ты делаешь, паразит...». Я вышел из своего закроватного угла и выглянул в комнату из-за буфета. Мурик сидел на столе, когда мать появилась из кухни, и вылизывал сметану из высокой глиняной крынки. Этого мать не любила. И Мурик об этом знал. Потому как за такие дела можно было очень даже запросто схлопотать по ушам полотенцем. А оно почти всегда висело у матери на руке. А потом ещё, после ссоры, можно было и голодным остаться... В общем, такой расклад и все эти домашние разборки были ему ни к чему. Но после стольких дней голодовки оторваться от добычи – от полного кувшина сметаны... Мурик торопливо лизал, глотал, давился и трясся от возбуждения. Конфликт нарастал и разрешения своего достиг. Как только мать взяла полотенце в руку и шагнула к столу, полосатый снаряд распластался в воздухе над столом и вылетел в кухню, сокрушая всё на своём пути. Он пролетел в дверной проём мимо матушки, едва коснулся лапами пола и исчез в форточке, будто его и не было. Осколки кувшина, посуда, сметана разлетелись по комнате. Вот это уже – было плохо. Но зато я теперь понимал: меня он не бросил. А вечером, когда мы уселись за ужин, к которому я по-прежнему не прикасался, дверь кухни приотворилась. В неё просунулась огромная с зеленеющими глазами голова и вопросительно произнесла: «У-у-р-р-р... мя-а-ав?...».

«Что – ур-вал, что – ур-мял!?!», – повысила было голос мать, но отец спокойно и молча положил ладонь на её руку. Дверь открылась пошире, и вслед за мордой в неё протиснулись мочуе полосатые плечи. Отец приоткрыл дверь: да заходи, чего уж... А сам в это время – показывал матери пальцем на молоко, на блюдце и на меня. Как только блюдце оказалось рядом со мною, кот оказался на стуле. Так мы мирились.

Мурик меня простил. Но не простил себя я. Когда отец читал мне книжки, Мурик сидел рядом со мной. И я нисколько не сомневался, что «кот учёный» – это именно он. Когда отец уходил, книжки Мурику «читал» я. Открывал их на разных страницах и произносил то, что запоминал. Так я внезапно и быстро увидел вдруг буквы и научился читать. Так мы учились. Мы прожили с ним счастливую красивую долгую тысячулетнюю мою детскую жизнь.

Когда его сбила на дороге машина, моя терпеливая, никогда не унывающая, прошедшая войну и оккупацию мать, плакала в голос. Похоронили мы Мурика под сливой в саду. Мама где-то нашла и привезла на тележке большой кубический камень и установила его под кроной из жёлто-розово-синих плодов. Потом ещё не раз плакала, если невзначай вдруг его вспоминала. А у меня – так и осталось чувство не искупленной вины перед зверем. Который воспитывал во мне человека. Прости меня, Мурик...

09-31.03.09

Горе рассказ

Коридоры четырёхэтажного спального корпуса специализированной физико-математической школы-интерната № 45 при Ленинградском государственном университете имени Жданова на улице Савушкина заканчивались с двух сторон рекреациями – залами-холлами. Из них мы входили в двери комнат, в том числе и нашего девятого класса «В». Сбранного, как и все остальные классы, со всего северо-запада страны на областных, зональных, всесоюзных и прочих олимпиадах. Но на олимпиадах не спортивных, а физ-мат-хим-био-логических, по названиям одноимённых школьных предметов. При этом считалось, что мы – одарённые. Правда, кем, чем, где, когда, как, почему и за что – так и не прояснено до сих пор. Вопрос и поныне открыт, но, по крайней мере, тогда – так считалось...

После добровольной зарядки или перекура, завтрака, занятий, обеда, полдника и самоподготовки мы перед ужином уходили из учебного корпуса в спальный. А зачастую бывало и так, что в запале мы так и не успевали, не сумевали, не могли да и не желали останавливаться в обсуждениях каких-то задачек, которые ещё в учебном корпусе нами решались. Или не решались. Или же не решились. С этими разговорами я и зашёл не в свою, а в самую правую и самую угловую комнату своего класса, в которой жили почему-то в основном калининградцы и которую мы называли почему-то палатой. Здесь Саня Чугунов, увидев меня, каждый раз зачем-то вставал мне навстречу, протягивал в мою сторону руку и произносил приветствие: «О! Калининградец! Свой человек!» И повторялось им сие ритуальное действие на моей памяти не один десяток раз... И то ли по этой, то ли по какой-то другой, мне непонятной причине, точно не знаю, но именно в этой комнате я почему-то действительно чувствовал себя и калининградцем, и своим человеком, и в большей мере, чем потом где бы то ни было и когда бы то ни было... А пока что мы пришли сюда всей бригадой и решали задачки... И кто-то из этой бригады пришельцев, кажется, Суслов и Питерс, уселись на постель Коли Громова, засидевшегося в читальном зале. И стали они обсуждать пределы значений буквы-параметра «эпсилон-нулевое» в определении

производной через модуль её разности между средней скоростью роста функции в области промежутка и длиной самого промежутка из области определения функции, на котором она дифференцируема. «А я эту силу понимаю так...», – медленно и спокойно, но связно и убежденно пояснял Питерс. Но недоубедил и недопояснил... «Да хватит вам, долболобы, фигнёй заниматься!» – жизнерадостно воскликнул вошедший Ревантий и, ласточкой взмыв в воздух, плюхнулся животом к ним на колени. За это Питерс немедленно, но беззлобно назвал его подлой птицей, которая летела бы отсюда на... Да не тут-то было... Птицы стали появляться ещё, ещё и ещё... Стадно-стайный инстинкт поднял в воздух ещё несколько крепких молодых спортивных тел подобных птиц и обрушил их на Ревантия, Сулова и Питерса... После чего на кровати над ними немедленно образовалась «куча-мала»... И я почувствовал, как вся-общая наша одурённость вдруг выразилась и сконцентрировалась в этом мгновенном взлёте и посадке мыслей и тел. Именно в это, в одно-единственное мгновение – во времени и в воздушном пространстве калининградской палаты...

Наши цельно-металлические, с никелированными спинками и пружинистой панцирной сеткой кровати казарменного типа были сделаны из мощного стального пятисантиметрового профиля-уголка, имели форму почти что буквы «Ш», правда, без средней палочки, и были весьма и весьма и необычайно прочны. Но всеобщая объединённая туша десятка почти человек в одну секунду прогнула этот уголок с двух сторон и до самого пола. Пружинистая кровать тут же перестала пружинить. И функционально, как кровать, в своей области определения, для себя самоё и для нас фактически – существовать перестала. Да при этом она приобрела ещё и несколько иные формы. Спинки её кверху и вверху почти что сомкнулись. И стала она напоминать очертаниями почти что букву «А», причём, правда, тоже без средней палочки... Придавленный было на этом лежбище народец, как ни в чём не бывало, поднялся из «кучималы» и, не отряхиваясь, продолжил с Питерсом обсуждение буквы-параметра «эпсилон-нулевое».

С папкой в руках вошёл Коля Громов. Несколько минут он молча и удивлённо смотрел на свою кровать и на нас... Потом обвёл всех присутствующих обиженным взглядом... И мне

показалось, что в его глазах стояли почти что готовые слёзы. Но Коля сдержался. Всё-таки мы были немножко почти что мужчинами... Он громко вздохнул-выдохнул и, громко же, обращаясь ко всем нам, голосом сказочного Мишутки спросил-воскликнул: «Кто долбался на моей кровати?! И сломал её?!» Народ по-прежнему обсуждал «епсилу» или безмолвствовал... А я – стоял возле Коли и чувствовал себя таким гнусом и подлецом... Который зашёл в чужую комнату, всё это увидел, а значит, пусть хоть и косвенно, зрителем, но во всём этом деле поучаствовал, и кучу придурков, кроватьку сломавших, не остановил, а теперь ещё и стоит тут, и наблюдает: а что же здесь дальше-то будет? Мне было очень и очень стыдно... Как будто это сделал я сам... Народ продолжал обсуждать «епсилу»... Кровати как таковой не существовало... Коля стоял со слезами на глазах... И надо было что-то тут делать... Но вот – что?! Да ну и что тут можно было сказать или сделать?! Тем более – мне... И при чём здесь был бы я?! Но ведь я-то здесь – был! И поэтому мне хотелось что-то сказать в утешение Коле... И даже если бы при всём при этом такое вот сочувствие совсем не уместно с моей стороны бы выглядело... Но – мне – успокаивать – его? Ну уж... И когда обстановка стала совсем уж не очень хорошей, но тихой, а молчание не безразличным, а – тягостным, а воздух – стал как «перед грозой – крут да вязок...», я вдруг... услышал... свой собственный голос... Да-да... именно так... Он каким-то диким манером безутешно-жалобно заблеял и с воем завыводил на мотив битловской «Girl» что-то ужасное и наподобие...

Это кто же так топтался на моей кровати,
что до полу продавил её!

Я ему за это дело обкусаю пятки...

Разорил имущество моё!...

...

О-о-о!!!...

Го-оре-е... мне!

...

Я мечтал сюда вернуться

и в кровати растянуться...

...

О-о-о!!!...

Го-оре-е... мне!

Из смежной комнаты выглянуло удивлённое веснушчатое лицо Юрика Пушкарёва. Он в нашем классно-школьном ансамбле на танцах обстукивал-околачивал ударные инструменты, и палочки музыканта-ударника носил постоянно с собой. Юра совершенно произвольно и машинально шевельнул ими по спинке ближайшей кровати и дроботнул ими по тумбочке... Вот теперь выхода у меня не было... Напрягая все свои бесстыжие глаза и силы способностей, я уже совсем вынужденно продолжал то ли бляеть, то ли кукарекать...

Вспоминал тебя я вовсе даже не случайно.

Ты, казалось, слышала меня...

Как устало моё сердце в этот миг стучало:

«Я вернусь, вернусь к исходу дня...»

...

О-о-о!!!...

Го-оре-е... мне!

...

Я мечтал сюда вернуться

и в кроватке растянуться...

...

О-о-о!!!...

Го-оре-е... мне!

А в дверном проёме, у Юры за спиной, уже висело, уже несколько, уже удивлённых, восторженных, любопытных и ещё ничего не понимающих физиономий, над которыми возвышалась и красовалась ехидная улыбка главного нашего скептика Серёги Канавина... Юрины палочки проходились по спинке кровати, по тумбочке, по шифоньеру, по стенке...

Трам-тарам-парарам ...

Парарам-пам-парам...

Пам-парара-рира-парарам...

Ту-ру-ру-рум-пам-парара...

Ритмика шла... – замечательная... Мне – тем более отступать было некуда... Подробная дробь проигрыша прекрасно подпрыгивала под прорванными пружинами приговорённого произведения армейской промышленности и она совместно со вставкой в мелодию чудесным образом висела в воздухе... И – суждено было же мне продолжать... И я – жалобно блажил...

А когда я возвратился, наконец, под вечер...
Что же я такое увидал?!
Не такой, я думал, будет эта наша встреча...
Я не знал, не думал, не гадал...

...
О-о-о!!!...
Го-оре-е... мне!

...
Я мечтал сюда вернуться
и в кроватке растянуться...

...
О-о-о!!!...
Го-оре-е... мне!

Про кроватку, про Колю Громова и про «епсилу» мы позабыли... Коля, видимо, – тоже...

Весь концерт уместился – в несколько незабываемых кратких минут нашей огромной школьной жизни...

01.05.09

Березин Сергей

**Ни на что не претендуя,
Высылаю для обзора.
Всё равно опубликую!
Только б не было позора...**

**В каждой букве – только правда,
Беспшибашной жизни суть!
И быть может – не милорда
Нам с базара принесут...**

Штрихи к портрету внеклассной жизни

«Тахион»

Подходя к школьному корпусу интерната в один из дней 1969 года, я ещё с улицы услышал чарующие электронные звуки. В актовом зале я обнаружил их источник: мои одноклассники пытались извлечь что-нибудь музыкальное из электрогитары...

Кто был автором идеи обеспечить наших меломанов инструментами, можно догадаться с первого раза. Неугомонный и сверкающий самыми разными идеями Сан Саныч! Где он нашёл людей, жаждущих поделиться тремя гитарами и ударной установкой?! Как он смог их уговорить помочь начинающим?! Нашлись и усилитель, и колонки. Художники Александр Баранов и Владимир Потехин (оба – 9-Д) изготовили афишу...

Результат – группа «Тахион» в составе одноклассников из 9-Д: Стас Чирин (гитара-соло), Толя Камышников (ритм), Миша Дереновский (бас) и Володя Луговской (ударные). Иногда стандарт «разбавлял» Игорь Бубнов (клавишные) Он же «разруливал» все технические проблемы.

Название ансамбля появилось на почве всеобщего увлечения работами по построению истинной картины устройства Вселенной нашего учителя Виктора Кирилловича Кобушкина. Сверхсветовая частица – то, что нужно! Интригует и гарантирует от появления двойников.

Репертуар ширился день ото дня: «The Beatles» (а как же без них?!), «Поющие гитары», «Норок»... Слава и популярность тоже нарастали – это вам не магнитофон! Но появились и противоречия – народ танцует, а как же мы?! Молодость-то проходит!.. Срочно был сформирован отряд «дублёров». Нашлись настоящие друзья, которые поняли страдания звёзд. На сцене были замечены Сергей Типисев из 9-Е (гитара), Саша Баранов (ударные). Смело привлекали к делу молодёжь.

Ансамбль в основном составе просуществовал до 1976 года! Все поступили на физфак ЛГУ и «лабали» до окончания учёбы.

UK1BDW

(под редакцией И.А.Бубнова)

Однажды вечером я разыскивал по каким-то учебным делам земляка и одноклассника Олега Мельничука. Обычное его место во время самоподготовки – класс, но там его не было... Поиски человека во время самоподготовки в те времена – почти безнадежное дело! Каждый пытался найти укромное местечко, где никто не мешал «грызть гранит». А таких мест было немало, если подойти к процессу поиска творчески.

Обнаружил я Олега в гладильной комнате. В помещении 2х3 метра за гладильным столом он и наш одноклассник Игорь Бубнов занимались очень подозрительным делом – слушали старенький радиоприёмник ТПС-58! На мои расспросы они дружелюбно ответили, что и для меня место найдётся...

Я ещё в четвёртом классе под руководством соседа-старшеклассника почти самостоятельно соорудил детекторный приёмник. Потом (недолго) посещал радиокружок в Доме Пионеров. В общем, был в курсе. И вот мы – «как в танке». Слушали, вели аппаратный журнал... Потом мы переехали на четвёртый этаж школьного корпуса.

В 60-х годах прошлого века по всей стране открывались коллективные любительские радиостанции. Индивидуальные радиостанции появились ещё в начале 20-х годов, их было очень мало. «Коллективки» появились сначала в областных и городских радиоклубах, потом – на профильных предприятиях и в ВУЗах. Потом ДОСААФ «вспомнил» и о школах. Это – в масштабах всей страны, а кто внедрял это в школе? Легко догадаться – Сан Саныч! Начальником радиостанции стал выпускник 1967 года Алик Вайнруб. Это сейчас он – Dr. Arnold Vainrub, Auburn University, USA. Мы ездили в ГРК ДОСААФ на Фонтанке, побывали не раз в общежитии ЛЭТИ, на радиостанции UK1BDR, коллектив которой оказывал нам теоретическую и практическую поддержку.

УКВ радиостанция 3-й категории с примитивным арсеналом, с мощностью 10 Вт... Но мы побеждали в городских соревнованиях! У нас даже была ЦВЕТНАЯ QSL-карточка, которую не стыдно было посылать за границу! Изготавливала такое

чудо только одна типография в городе и многие «заслуженные и уважаемые» стояли в очереди много лет...

Однажды А.А.Быков привёл в школу очередную делегацию. Зашли и на UK1BDW. В это время Олег Мельничук проводил радиосвязь: «OK, my friend! Best wishes to California!». Сан Саныч подпрыгнул и стал дёргать гостей за рукава: «А?! Калифорния!!!» На них замахали руками, показывая, что микрофон включён, и делегация на цыпочках удалилась. При этом Сан Саныч всем телом изображал восторг!

Только через много лет я до конца осознал всю суть этой авантюрной инициативы. (Профессионалам среднего образования в этом месте повествования рекомендую скушать чего-нибудь успокоительного!) Городские соревнования проводились по воскресеньям в интервале 00-00 – 04-00. Школьники (дети!) ночью(!) вскрывают учебный корпус(!!!) и идут «втыкать пальцы в розетки»!!! Вопрос: какому количеству взрослых в эту ночь снятся кошмары?...

Максимальные дальности связи были: у Олега Мельничука (г.Владивосток), у Игоря Бубнова (г.Чита). И это при мощности 29 МГц-передатчика до 10 Вт и простейшей антенне ($\lambda/4$ штырь). За соревнования, посвященные 100-летию со дня рождения В.И.Ленина, Игорь и Олег получили дипломы и 3-й разряд по коротковолновому радиоспорту.

Игорь, радиолобитель «со стажем» (до интерната – приёмнички, усилитель, два хулиганских радиопередатчика на СВ...), под руководством Алика Вайнруба сделал к радиостанции ламповый SSB-детектор для приёма сигналов с одной боковой полосой. По-видимому, Алик предполагал расширить работу коллективной радиостанции в других диапазонах.

В связи с дефицитом типографских QSL-карточек некоторое время использовались простейшие почтовые карточки, на которые ставилась печать UK1BDW, сделанная Игорем из резины. Оттиск в сохранившейся записной книжке:

Hello, Dolly!

Был в интернате человек, которого почти никто не любил... Всегда в клетчатой рубашонке, мелкого роста, в очках с толстыми стёклами... Но внешность – не главное. А вот когда тебя каждое утро будят «колокольчики», изрыгающие бессмертное вступление к столь же бессмертному хиту... Но и это можно было стерпеть. Было и ещё – по субботам на мольбы и стоны: «Ещё один танец!» Вася Ермаков (а кто ж ещё!) слегка поводил очками в сторону дежурного воспитателя и записывал радиорубку...

И мало кто знал, что без Васи не родился бы двенадцатиминутный(!) МЕДЛЕННЫЙ мегахит, который запускался под занавес танцевального вечера, а Вася на стон воспитателя «Когда же это кончится!» так же невозмутимо посверкивал очками. Склейка была выполнена мастерски!

Так вот, о склейках... В помещении радиоузла, которым заведовал Василий Михайлович Ермаков (выпуск 1966 года), была заветная полочка с книжками разной толщины, изданными «Политиздатом» и другими уважаемыми издательствами, брошюрами журфака ЛГУ, вырезками из периодики. Когда я был допущен и изучил эту коллекцию, советские газеты стали гораздо интереснее! Да и сейчас меня очень трудно обмануть политикам всех мастей!

Но к делу! «Сверху» поступило указание провести в школе общее комсомольское собрание на тему «Ты – школы своей хозяин! Думай, решай, твори!». И первым «натворил» маленький коллектив под руководством Васи Ермакова. С 8-килограммовым ящиком под названием «Нота» спецкоры обходили интернат и брали интервью. Потом была смонтирована передача «на злобу дня»...

Из ненавистных колокольчиков прозвучали позывные и... Никто не пошёл на вечернюю прогулку! Все приникли к репродукторам, узнавали себя, вскрикивали, охали... Начинаясь репортаж словами незабвенного Бориса Васильевича: «Тема собрания говорит сама за себя и добавить мне нечего. Очень важная тема!» Дальше – слова Семёна Генделева, инструктора райкома ВЛКСМ: «Очень важная тема! Каждый должен подумать...» «Я ещё не думал на эту тему...» – а это уже наш

комсомольский секретарь Толя Камышников. И так – полчасика!
Спальный корпус ходуном ходил от взрывов хохота!

Передачу повторяли раза три. И никому за это ничего не
было...

Жучка

Когда деревья были большими, в ФМШ было самоуправление: народ решал, а Борис Васильевич подписывал... И был сухой закон. (Типа эпитафия)

Однажды два художника стали братьями по духу... в общем «приняли на грудь»... и пошли на танцы, где тут же были замечены, но не успокоились, а запили это дело огуречным лосьоном и пошли обратно. Тут их встретила Анна Освальдовна. Её тонкий нюх уловил беспорядок... Это был уже полный абзац...

Класс собрался в учебке для обсуждения вопроса. В процессе один «комсомолец-романтик» провозгласил: «Встаньте все, кто пил в интернате!»

.....

Встали семеро. Двое – эти, которые и не садились, и пятеро, которые... В общем, кто полгода назад, а кто и раньше совершил грехопадение... По-честному, однако... Художники, музыканты... член комитета комсомола школы, комсорг класса, физорг класса, спорторг школы... «Ревизор» отдыхает!!! Немая сцена... Молчание сменилось настоящей истерикой воспитателя. Ведь цвет класса и школы...

Утром «великолепная семерка» строем пошла к Борису Васильевичу – признаваться, чтобы понести заслуженное наказание, вплоть до... Все прекрасно понимали – отчисления.

Борис Васильевич оказался не прост. Оглядев компанию, он строго спросил:

– Что, пили все вместе?

– Нет... – нестройными голосами ответили «герои дня».

Тогда он дал команду разобраться по группам, так сказать, злоупотребления. Команда была выполнена, но тут он заметил, что как-то не всё сходится... Получилось 2-2-2-1...

– А ты – алкоголик-одиночка? С кем пил?

– С Вами, Борис Васильевич – потупился «алкоголик».

– Когда????!!!

Выяснилось, что папа привёз ребёнка 30 августа на Савушкина и узнал в директоре фронтовика-однополчанина... Отметили. Ребёнку тоже капнули чуть-чуть... Вот он, как честный человек и...

Отчисление было заменено двумя неделями исправительных работ. Как я жалел, что вовремя не выпил!!! Меня не взяли...

Эпилог. «Жучка»

Команда была переодета в рабочую форму, представлявшую собой вполне добротные серо-полосатые двубортные костюмы. Люди, проходившие мимо интернатского двора, с жалостью и грустью поглядывали на семерых красивых парней в специфически полосатых костюмах, лихо управлявших лопатами. Старушки, шествующие к Серафимовскому кладбищу, жалостливо качали головами: «Работайте, уголовнички...»

Задача стояла очистить подвал учебного корпуса от мусора... В процессе выемки мусора из подсобок найдено облезлое чучело волка(?)... Назвали Жучкой и повсюду таскали с собой. Установили Жучку перед выходом из школьного корпуса во двор и рычали из-за кучи мусора, с упоением слушая хоровой визг выходящих после успешно сданного экзамена десятиклассниц... Девушки бросились к парадному выходу, но Жучка была уже там... Выяснилось также, что учительницы тоже очень боятся волков (или собак?)... Не помню точно, кто помог страдалицам: Борисов, Ефремов или Дугин, но собаководы потихому слиняли от греха... Девушки были спасены... В конце «срока» Жучку установили на кучу мусора и устроили ей аутодафе. А в подвале учебного корпуса через две недели можно было жить... ГМТ, объявляя о завершении исправительно-трудовых работ, с дрожью в голосе от волнения, предложил команде остаться на все лето и так же ударно поработать... но уже с оплатой труда...

И напоследок...

Сказка

Сам я не видал, старики сказывали...

Гуляли по просторам комяцким, среди шахт и стойбищ, свободные и жизнерадостные дети. И вдруг их взяли и повезли... В тюрьму? – Нет! В Москву? – Нет! В Ленинград! Поселили их на окраине, одевали, кормили, гулять водили и в кино, в

театры и в музеи. И набивали им головы знаниями. Очень им это понравилось! Но время летит...

Закончилось счастливое время и пошли они в ЛГУ. Тоже место интересное, да и народ вокруг знакомый... И знаниями кормят. И школа недалеко – можно навещать, опытом и знаниями делиться. Но подошли к концу и студенческие годы, а ностальгия не дремала! Домой хочется! А там – ни ФМШ, ни Эрмитажа... Ну, без Эрмитажа тяжело, но потерпеть можно. А вот без ФМШ... И решили ребята эту проблему очень просто! Решили создать «по образу и подобию».

Скоро сказка сказывается, да не споро дело делается. Хорошее дело сразу не спроворишь. Шли годы, ребята трудились, набирались опыта и авторитета, обрастали связями и единомышленниками. И – чудо! – не прошло и тридцати лет, как мечты начали сбываться. На чужой «жилплощади» завелись одарённые дети, способные преподаватели, начался учебный процесс. Тут хозяева спохватились: «Что это вы нас в собственном доме притесняете?!» Пришлось вещички собирать и идти куда глаза глядят. Нашли другой дом, вселились, пожили... Та же история: «Понаехали!» Не сдаются мечтатели! Это же какие нервы нужно иметь!...

И вот получила школа своё пятиэтажное здание, своё название – ГАОУШИ КРФМЛИ (это вам не ФМШ при ЛГУ!)...

Всё – как у нас и даже лучше! Отпраздновали десятилетие, пятнадцатилетие. Начали «раздавать» специалистов. Большая коллекция наград и званий, общих и индивидуальных. Ну, раз уж название раскрыл, раскрою и главный секрет. «Идея создания лицея-интерната принадлежит преподавателям Сыктывкарского государственного университета, заслуженному работнику Республики Коми Владимиру Дмитриевичу Яковлеву и кандидату физико – математических наук Валерию Михайловичу Юркину, которые в юношеские годы учились в подобном учебном заведении в г. Ленинграде». Оба – выпускники ФМШ 1966 года. Замечены среди учителей и другие «наши люди» – к примеру, Валерий Васильевич Сталюгин (выпуск 1970 года).

Владимир Дмитриевич Яковлев скончался 4 июня 2011 года. А 30 сентября 2011 года впервые была вручена премия его име-

ни лучшему педагогу лицея.

Вот такая бьль...

Существенное уточнение одного из героев: вдвоем на Руси дела не делаются, нужен был третий – им был наш друг, земляк, однокашник по физическому факультету ЛГУ Валерий Петрович Марков – сначала доцент физ.-мат. факультета СыктГУ, а затем с 1990-х годов – лидер движения коми народа и всего финно-угорского мира, зам. Председателя Госсовета Республики Коми, депутат Госдумы – без него пробить идею создания физ.-мат. Лицея-интерната было бы во сто крат сложнее, если вообще бы удалось.

Ладыя

Вчера ночью я написал роман, перемешав всё – и личный опыт, и своё осмысление двух тенишевцев. Одного – барчука – привозило авто, а впоследствии он гулял по Альпам, другого – покатали под конец в телячьем вагоне. А сейчас они снова стоят почти что рядом. Но – пока ещё – невероятно далеко от меня. Не пугайтесь, весь роман-то – две страницы. Я не знаю, как он называется. Возможно, «Эндшпиль». Или, может быть, лучше «Бирюза»? Конечно, лучше! Итак. Пускай нашего героя тоже зовут Александр Иванович. Разумеется, не тот, которому верблюд попался ледащий. Но на плохую память он не жаловался, хотя и не помнил некоторые периоды жизни. Впрочем, их лучше забыть. В остальном голова его была набита таким количеством всякой всячины, что неизбежное исчезновение, несомненно, притягивало закон увеличения энтропии. Сколько её улетело, когда умер Гаспаров? А душевную недостаточность к делу не пришьёшь. Подводила Александра Ивановича память других. Причём хорошая – чаще, но и плохая тоже. То есть, подводила всегда именно плохая, но хорошая. Именно такая сохраняет кусочек без контекста. Надо ходить пешком.

Сколько коней можно расставить на доске, чтобы они не били друг-друга? Одного. Два неизбежно отравят жизнь и себе и другим. Овёс не поможет. Да что там лошади! – и слоны туда же. Даже разноцветные. Одной очаровательной подружке Александр Иванович наивно написал трогательное и нежное поздравление на д. р. с почти цитатой из культовой песни Гребенщикова: «Расти большой и стройной, с волосиками пушистыми, глазками серо-зелёными, плохого не помни, ведь долгая память хуже чем сифилис, и носом не хлопай, ушами не хлопай, ногами не топай, а пей чай с тортиком!» Она же – ногами затопала, написала «пошлость» и много чего другого, и весь год у нашего героя пошел насмарку. И не один. Люди не слоны. Смешно. Долго учишь дебюты, а всего-то и надо – разобратся с одним эндшпилем.

Другая, расставаясь с ним, припомнила его же слова – «Со мной может быть только женщина, которая не может без

меня». И сказала в том роде, что его пока любит, но уже может. Мат в три хода. Он, бездарный комбинатор, звал её назад, она кокетливо говорила: «Ты не помнишь, какая я на самом деле». Он пошел конём, тоже мне шахматист, про ладью забыл, написал письмо с неполным но изрядным списком её недостатков и словами в конце, что «ты вот такая мне и нужна». Сочувствующий читатель, поверь, я был бы безмерно счастлив такие слова услышать. Она же смертельно обиделась и чудесно продемонстрировала, насколько жестокой может быть женщина. Читайте Лондона. Человек, потерявший лицо. Бог ей судья. Александр Иванович часами смотрел на ладью. Пошёл пешкой.

Уходя от него, она сказала: «Ты сам говорил, человека приймаешь только целиком». Так он когда-то говорил про то, что её волосы пахнут пожухшим сеном. Она не любила ничего, кроме шахмат. Душевная слепота? О них-то с ней говорить и не следовало. А о чём, если он – трепетная лань весом в полтора центнера, ничего кроме шахмат не понимает, а она – нет? Не надо было ходить ладьёй. Ладья не ходит по диагонали, а ему туды. Диагонали отвлекают больше всего. Конём ходят во Франции: куда угодно, но по наитию. Ладьёй – в Америке, но в кармане нужно иметь ферзя. А лучше – двух. Не надо учить дебюты. Бил бы доской по ухам, чтобы летели лакированные щепки. Чтобы занозы, визг, но не ладьёй, никак нет!

Митгельшпилиль ни при чём. Надо разобраться с одним эндшипилем. Нет безнадежных. Есть противогаз, если нет парашюта, есть кислород, а если его нет нет нет нет нет нет – то всегда есть аварийный выход. Пешка доходит до последней линии и падает на пол. Там окурки, забытая серёжка с фальшивым грязноватым камешком, кошачьи волосы, накладной ноготь и настоящий зуб, вывалившийся неделю назад, счёт за телефон, чек из аптеки, баночка со снотворным, зарядник от давно утраченного телефона, зубочистка, багажный талон трёхлетней давности. Пыль и сор. Дверь выбили. Ответ есть, не я его придумал. Вы и сами знаете. «Но никакого Александра Ивановича не было». В Альпы?

Ватная английская походка, клетчатый плед, шлёпанцы, гурами в круглом аквариуме, ключи от «тойоты», электрическая мясорубка, четыре покрышки с зимней резиной, грязная тарелка, фикус не засох, но плох, дверь скрипит, но и бог с ней,

почта не разобрана, но как-нибудь обойдётся, ведь если случится удар и будешь полуовощем, то кто-нибудь позаботится, ходи ферзём, Александр Иванович, дорогой, через Атлантику, соляные пустыни, карельские озёра, всё как-нибудь, кто-нибудь позаботится. Нечего часами пялиться на ладью.

Я же думаю только о черешнях. Сладких, немислимо сладких, перезревших, чёрных, в стеклянной гранёной плошке, на столе клетчатая скатерть, зной, солнце в зените, окна открыты, тюль раздёрнут, неподвижен, жасмин, жасмин, июль, вечером будет гроза. Осы, осы, узкие, полосатые, как «Билайн», жирные, неизбежные, нестерпимые, осы, осы! – я уже осип, но как будто ору: «Осип, Осип!» – не будет ни одного человека на земле, а они будут, осы с трудом отлепляют лапы от густого клейкого сиропа, жадные, сосут приторный душистый сок, они живут сегодня и всегда. Я наконец, кажется, понял, при чём тут ось земная.

Волкова Галина

Выпуск 1990г.

Записки собачки Жучки

Ярко раскрашенная тележка грохочет и подпрыгивает, грозя перевернуться на поворотах. Её тянет за собой маленькая, почти игрушечная собачка. Она старательно бегаёт по кругу, деловито перебирая коротенькими лапками. «I am short and I intend to stay that way!»

– Папа, папа! Смотри какая собачка! А как её зовут?

– Её зовут Шарик. Нет, Жучка... наверное.

– Папа, а почему она не хочет поиграть со мной?

– Не знаю! Пойдём, сейчас дождь начнётся.

– А как же собачка? Она разве не уйдёт? Почему собачка не хочет отдыхать?

– Такая работа! – тяжело вздыхает папа.

Смотрю в окно... Грозовые облака подсвечены последними лучами заходящего Солнца и кажется, что Бог – просто счастлив, и что он где-то далеко-далеко... И вечно занят!

У меня испытательный срок. А это значит, что ко мне сначала все должны привыкнуть, а потом уже посмотреть – может я им и не подхожу совсем. Ну, и платят за это тоже... Совсем, вообще-то, не платят.

Я переехала в Горизонталию из Вертикалии три года назад. В Горизонталии никогда ничего не случается. Здесь всё заранее просчитывается и рационально учитывается на годы и десятилетия вперед. Вот только этого-то мне и не хватало! Не было на Родине стабильности и всё там было не так, по-другому. Правда, скучно там тоже не было. Где ещё можно по дороге на работу взглянуть в окно и увидеть там танк?

Учу нашу секретаршу говорить. Она уже выучила: «да», «нет», «А поболтать?» Уходишь, а она тебе: «Are you leaving? А поболтать?» Звучит как попугай, а приятно!

Вообще-то, она милая. Без неё я бы здесь давно пропала. Встречаю её каждый раз и сердце радуется. Сегодня встретила её уже шесть раз и каждый раз поздоровалась и спросила как её дела. На шестой раз она уже забеспокоилась и стала спрашивать в ответ не устала ли я. Стерпится – слюбится... Оказываться, привыкнуть можно к чему угодно! Теперь стучу в шкаф перед тем как открыть.

– Не читал, не видел, не знаю, но думаю, что это всё пошло. Не скажу, не знаю, врать не буду – не был, но систематически вру. И, кстати, думаю, что там просто ужасно/прекрасно. Всё бездуховно так! Капитализм/социализм, одним словом. Уста-ла я от поверхностной агрессивности. Они здесь про нас, а мы там про них даже думаем одинаково. Хотя ни они у нас, ни мы у них как правило не были.

– «Я снова хочу в Париж!

– А давно Вы там были?

– Я там никогда не был, но снова хочу.»

И куда я дела диск с миниатюрами Жванецкого?

А слова «агрессивность» и «амбициозность» здесь имеют положительный смысл.

– Мне снова, как в детстве, хочется бежать к этой склонившейся над водой иве...

– Нет, никуда ты не побежишь, пока не сделаешь всё, что я тебе сказал. И, кстати, это не ива, а дуб.

– Не понимаю, я вашего сюрреализму!

– А что это такое?

– Говорят же тебе, не понимаю! Бестолочь.

Phoenix, 2005

И снова этот сон

– Серёжка, ты прелесть! Цветы! Спасибо, что встретил. А когда ты машину поменять успел? Я смотрю, ты или не ты?

– Садись, потом поговорим. Я здесь припарковался совершенно нелегально. Час пик, понимаешь, едва успел.

Сомлев от жары, Татьяна лениво поглядывала в окно на быстро удаляющееся здание аэропорта, на дорогу... Наконец, устав от бесконечного мелькания за окном одинаковых серых домиков, она слегка повернула голову так, чтобы можно было незаметно наблюдать за Сергеем. Таким знакомым и родным, таким чужим и далёким показался он ей в эту минуту. Его лицо, его плечи, руки. Его руки... Она невольно залюбовалась ими. Тонкие длинные пальцы, изящная кисть.

– как ловко и спокойно он ведёт машину, – подумала Татьяна, – как с ним... спокойно.

– Как долетела, что делала?

– Ничего не делала. Спала всю дорогу. Представляешь, мне приснилось, что ты умер. Просто ужас! Никогда не забуду. А твоя текущая жена не давала мне с тобой проститься. Что-то кричала, плакала, а твои дети её удерживали. И ещё я помню как подошла и поцеловала тебя в лоб, а она всё кричала о какой-то вине. «Это ты, это всё ты виновата... Ты его убила.» Да, не смотри ты на меня так. Бред какой-то... Тебе когда-нибудь снились плохие сны?

Ничего не ответив, Сергей покрутил ручку настройки и нащёл «Новости на дорогах».

– и небольшая авария на I-17 в районе Indian School, – заговорило радио, – мы также наблюдаем полицейскую активность на I-10 в районе Elliot Rd. Мы рекомендуем вам, по возможности, избегать появления в этом районе в ближайшие час-полтора.

– Чёрт! Сергей бросил быстрый взгляд через плечо и включил сигнал поворота.

Внезапно мир вокруг них наполнился резкими, режущими слух звуками. Тревожно завывла сирена, замелькали огни. Сергей рванулся было на левую часть дороги, но ещё до появления первой полицейской машины, они увидели неопределённого цвета пикап, который мчалась на них по средней полосе, прямо навстречу движению. Почему-то вспомнилось, что в такой

ситуации люди рефлекторно закрывают глаза и сжимают зубы. Рывок. Удар. Где-то заскрежетали тормоза. Разом засигналили несколько машин.

Когда Татьяна открыла глаза она увидела, что машину развернуло и отбросило на обочину. Судя по солоноватому вкусу во рту она прикусила таки губу. Яростно мигающие огни полицейских машин слепили и не давали сосредоточиться. Осколки стекла как сверкающий ковёр покрывали дорогу. Вокруг машины валялись какие-то вещи, бумаги, сломанные очки, чья-то сумка... Ещё несколько машин были развёрнуты вдоль дороги под самым немислимым углом. На другой стороне, целый и невредимый, стоял злополучный пикап. Татьяна повернула голову и взглянула на Сергея. Она уже знала, что случилось, но действительность возвращалась медленно.

Некоторое время она сидела не двигаясь, не спуская глаз с его затылка, его рук, всё ещё лежащих на руле. Одна смерть, произошедшая у тебя на глазах, значит больше, чем тысячи смертей, о которых ты только слышал. Как выживают солдаты после войны?

С её стороны машину не задело. Сергей успел развернуться.

– Неужели ты и в последний момент думал о том как защитить, как не подставить под удар другого?

Радио, которое каким-то чудесным образом не перестало работать, любезно проинформировало слушателей, что сейчас они услышат хорошо всем знакомую песню Santana «Love of my life». Удивительное свойство жизни! Когда она кончается для кого-то, она не останавливается для других.

– «You are my life, all my life...» – звучало в машине. Татьяна открыла дверь и вышла. Пройдя несколько шагов она ступила на парапет, который плавно переходил в ограду моста.

– «We go dancing in the moon light...»

Она поднималась всё выше и выше, а затем остановилась, бездумно глядя вниз, раскинув руки как птица.

– «We go dancing in the moon light...»

Татьяна сидела, прислонившись к цементному ограждению, прислушиваясь к звукам, доносившимся до неё снаружи. До сознания то и дело долетали знакомые слова, но не было

сил связать их воедино. Смысл как-то незаметно ускользал и она только беспомощно смотрела на окружавшую её толпу.

– Бум, бум-бум, бум, бум...

Огромный кенгуру размашистым прыжком перемахнул пол континента и тяжело приземлился ей на голову. Потом ещё один, и ещё...

– Бум, бум-бум, мэм, мэм, вы меня слышите? Какое сегодня число? Какой у вас адрес, телефон? Когда вы родились? Эй, Кардель, попробуй ты! Она не понимает ничего! Мэм! Тяжёлые кенгуру усаkali и на Татьяну градом посыпалось испанское стаккато.

– Мэм, какой номер вашего социального страхования?

Двое полицейских, переговариваясь между собой, бросали быстрые взгляды на беззвучно всхлипывающую Татьяну. Подъехала скорая помощь и ещё одна полицейская машина. Не было сил двигаться, вставать, отвечать на вопросы, не было сил жить. Жить... Казалось, что если она будет сидеть вот так, сидеть и не двигаться, всё это окажется неправдой. Отвечать на вопросы – это значит принять то, что случилось, смириться с тем, во что нельзя поверить. Она обхватила голову руками и взвыла:

– Идите вы все к чёрту! К чёрту! Убирайтесь все вон отсюда! Оставьте меня в покое. Татьяна резко вскочила и сделала несколько неуверенных шагов к машине.

– ... похоже, что он уже тормозил, скорость наверное была небольшая и воздушные мешки не раскрылись, – медик, стоявший рядом с машиной, размахивал руками в резиновых перчатках и что-то быстро говорил полицейскому, строчившему в блокноте.

Татьяна нагнулась и выключила радио. Все эти годы ей казалось, что она здесь временно, что всё это – временно. Что скоро всё наладиться...

– Мэм, вы в порядке, мэм?

Её Душа подскользнулась и упала. Ещё несколько секунд она наблюдала за стремительным приближением пола. Потом ничего не было. Темнота.

Phoenix, 2005

Записки о Мексике

Мы покидаем Мексику и на душе у меня не спокойно. Как будто покидаешь дорогого тебе человека, и не знаешь, увидишь ли ты его ещё раз? Изменится ли он, узнаешь ли ты всё то, что так любил когда-то? Переливы испанской гитары до боли сжимают мне сердце. Вдоль шоссе, по которому мы возвращаемся в Феникс, жители ближайшей деревни, предлагают нам купить у них кукурузные лепешки.

На границе есть небольшой городок, который называется Why, а мог бы называться «What a hell are we doing here, honey». Раньше здесь сходились две дороги, образуя букву Y, но когда на этом месте обосновались первые поселенцы, почтовое отделение переименовало букву Y- в слово. Город всё ещё очень маленький и основная его достопримечательность - природное кафе «Why not?».

При всей своей бедности, криминальности и непредсказуемости, Мексика мне ближе и понятнее, чем законопослушная, официальная Америка. Соседство с Америкой, вообще-то, дорого обошлось мексиканцам. Сильный сосед постепенно видоизменяет традиционный уклад, скупает землю, природные ресурсы, дешёвую рабочую силу. На берегу океана строятся дорогие отели, посёлки и дачи, в которых мексиканцев можно встретить только в качестве обслуживающего персонала. Молодые стремятся к новым стандартам жизни и Мексика стремительно меняется. Америка успешно проводит в жизнь то, что Испании не удалось сделать за почти три столетия.

Мне кажется, что традиции Мексики берут начало в её истории. Согласно археологическим исследованиям, первой поселенцами здесь были ольмеки; племя, просуществовавшее с 1500 по 600 гг. до н. э. Культура майя достигла своего расцвета только в VI в. н. э. Ещё одной забытой группой было государство воинственных тольтеков, возникшее в X в. в центре современной Мексики. В XI в. тольтеки были вытеснены племенем чичимека, которых в свою очередь вытеснили пришедшие с севера племена нахуатлан, самым мощным среди которых было племя ацтеков. Империя ацтеков возникла во второй четверти XIV в. и к XV в. была самым могущественным государственным образованием в центральной и южной Мексике. Первым

европейцем, пришедшим на территорию Мексики, был испанский мореплаватель Франсиско Фернандес де Кордоба, в 1517 г. открывший на Юкатане древние поселения майя. Через год Хуан де Грихава, возглавлявший экспедицию на восточном берегу Мексики, принес сообщение о существовании богатой империи ацтеков. В 1519 г. большой вооруженный отряд под командованием Кортеса начал боевые действия против ацтеков. В 1535 г. пала столица ацтеков, и Мексика стала испанской колонией. В начале XIX в., когда войска Наполеона оккупировали Испанию, в Мексике началась освободительная война, закончившаяся в июле 1821 г. образованием независимой Мексиканской империи. В 1823 г. страна была провозглашена республикой. В 1836 г. Мексика потеряла территории Калифорнии и Техаса, объявившие себя независимыми республиками, а после войны с Соединенными Штатами (1846-1848) – земли к северу от Рио-Гранде.

В 1917 г. после кровавых событий мексиканской революции была принята новая конституция, приведшая к значительным политическим реформам. С 1929 г. в стране у власти находится Конституционная революционная партия, 1 января 1994 г. Мексика совместно с США и Канадой стала членом зоны свободной торговли НАФТА, в этот же день начались активные боевые действия в штате Чьяпас, где так называемая Запатистская национальная освободительная армия захватила несколько городов, требуя проведения кардинальных политических реформ в стране.

Мы приехали в середине недели и остановились в небольшом рыбацком городке, который славится своей рыбной кухней и песчаными пляжами. Вечером того же дня и все последующие вечера местные жители устраивали на берегу фейерверк, пели и танцевали. Веселиться мексиканцы любят и умеют. К сожалению, мы не смогли приехать в Мексику во время Карнавала. Традиционный латиноамериканский Карнавал проходит здесь в конце февраля или в начале марта. Это праздник весны, сопровождаемый костюмированными шествиями и восхождением на пирамиды. Их (пирамид) в стране достаточно много, но доступны для посещения лишь некоторые, так как многие пирамиды погребены под слоем земли или покрыты густой растительностью. Мы уже решили, что в следующий

раз непременно поедет туда. Впрочем, и ежедневная жизнь Мексики нас не разочаровала.

У мексиканцев особое отношение к жизни, и особые отношения со смертью.

Согласно легенде, то, что случится с человеком после смерти, зависит не от того как он жил, а от того как он умер. Дети, которые умерли до того, как они попробовали хлеб, попадают в Chichihuaucauhco, где их будет вскармливать дерево, дающее молоко. Они рождаются вновь на Земле, когда нынешнее человечество (пятое по счёту) исчезнет. Люди умершие своей смертью попадают в Mictlan. Дорога туда далека и родственники дают им в дорогу еду, одежду и огонь, который будет освещать их путь. По преданию, в дороге им так же нужна будет помощь собаки для того, чтобы пересечь реку Apanohuaya. Их дух должен пересечь горы, покрытые снегом и пустыни, где на них будут нападать змеи. (Змей Quetzalcoatl – это одновременно образ смерти и возрождения. По преданию, однажды он отправился в Mictlan с собакоголовым богом Xolotl забрать драгоценные кости предков, что бы, оросив их своей кровью, создать людей, живущих под пятым Солнцем.)

Те кто умер в результате заболеваний, имеющих отношение к воде, утонул или был убит молнией, попадает под защиту Бога Дождя Tlaloc, и, соответственно, остается с ним в Tlalocan, место, где всё свежо и зелено, где все счастливы и где растут прекрасные спелые плоды. Этот Бог имеет какое-то отношение к Луне, но я не совсем поняла какое. Скорее всего, он представляет собой противоположность Бога Солнца Tonatiuh Ihuicas, который дает защиту мужчинам, погибшим во время войн, и женщинам, умершим во время родов. Мужчины должны отправляться к этому богу утром, а женщины – во второй половине дня. По прошествии четырех лет, они смогут вернуться на Землю. Мужчины – птицами, а женщины – богинями, которые могут вернуться к своим мужьям в новом облике.

Ещё один красочный фестиваль проходит в конце октября – начале ноября и называется Day of the Dead. Дом к празднику должен быть чисто убран и подготовлен для встречи высоких гостей. Женщины готовят лучшую еду. Пекутся тартинки из лучшей муки, мужчины режут кур и свиней, которых выращивали весь год к этому дню. Над дверью дома вешают

специальную лампу, сделанную из металла и бумаги, чтобы известить умерших родственников, что их ждут. Кладбища также должны быть убраны и украшены цветами. 28 октября ожидают тех, кто скончался в результате несчастного случая, 1 ноября – детей, 2-го – всех остальных взрослых. Утром 3 ноября принято раздавать соседям еду и подарки из алтарей, говоря при этом, что это дары, которые оставили им умершие. Подношение, оставленное на алтаре, должно включать в себя воду, соль, ладан, свечи, цветы, плетёные соломенные матрасы, орудия производства, еду, игрушки, сладости, Papel picado – разнообразные фигурки, вырезанные из бумаги и имеющие отношение к смерти. Чаще всего это элегантно одетая Lady Skeleton, но может быть и собака. Необходимо так же наличие Calaveras. Дословно это означает череп, но на деле это может быть и маленький шедевр, сделанный из шоколада, карамели или сахара, или короткое, шутовское стихотворение, написанное в форме эпиграфы, обращенной к Смерти, которая, как я поняла, является здесь The Lady in Mexican lore. Эта традиция настолько популярна, что большинство газет печатает колонку calaveras о политических деятелях и местных знаменитостях. Карикатуры, комиксы, керамические фигурки изображают скелеты, которые ведут повседневную жизнь: едят, пьют, выращивают детей, ссорятся и мирятся.

The Day of the Dead in Mexico is a time to remember those who have gone before us, thank them for enriching our lives, and contemplate our own mortality, both with reverence and with humor.

Ума не приложу как всё это уживается у них вместе, но при всех своих языческих верованиях, мексиканцы умудряются также быть яростными католиками, соблюдающими все подпадающие обычаи и религиозные обряды. Не проходит и минуты, что бы мы не встретили крест или изображение Девы Марии. Вдоль дороги, через каждую милю-две, стоит молельня. Католицизм здесь успешно перемешался с до-испанскими символами. Какой-нибудь кокетливо украшенный скелет будет соседствовать с изображением Девы Марии. Всё это будет покоиться на шелковой подушечке, окруженное бантиками, кружевами и искусственными цветами самых разнообразных оттенков.

Мне кажется, что даже простое перечисление национальных мексиканских праздников может многое рассказать о традициях и истории страны. Помимо Рождества и Нового Года отмечаются, последовательно, День Флага, День рождения национального героя страны Бенито Хуареса, Страстная пятница, Пасха, День Детей, День Труда, Годовщина дня сражения при Пуэбло, День Независимости, День Непорочного Зачатия, День Открытия Америки, День Девы Марии Гуадалупе и День Революции.

Увэ очень любит мексиканскую кухню, а я, к сожалению, холодно отношусь к острым блюдам. Дело в том, что жгучий стручковый перец чили – это визитная карточка мексиканской кухни. Его добавляют во всё, что можно съесть. Из него делают сотни сортов разнообразных соусов, фаршируют, добавляют в супы и овощные салаты, мясные блюда, к рыбе. Однажды мы пробовали шоколад и конфеты с красным перцем. Даже дети приучены есть острую еду.

Асюта, изучив меню в ресторане, осторожно спросила у официантки: – нет ли у вас детского меню? («Детское меню» примерно соответствует тому, что продают в Макдональдсе: жареная в масле картошка, чизбургер и кола). Та пожала плечами и с сомнением в голосе произнесла: – ну, может быть мы можем сделать для вас гамбургер?

Ещё один важный компонент мексиканской кухни это кукуруза – жареная и вареная, в виде муки и как напиток, с майонезом или тертым сыром, с мясом и молотым перцем. Самые распространенные блюда из кукурузы – печеная на углях кукурузная лепешка «тартилья» (её можно купить и в Фениксе), мясо в кукурузной муке «посолес» (а также одноименный напиток из кукурузы), смесь поджаренной кукурузной муки с какао «пинолес», вареные на пару «тамалес» – куски кукурузного теста с начинкой, лепешки с разнообразными начинками – «начос», «кесадиљас», «тостадос», «чимичанги», «антохитос», «репостариас». Слова шелестят как прибой...

Используют также бобы (свежие и сушеные, в жареном и в свежем виде, в качестве наполнителя лепешек, супов и как гарнир), кабачки, сладкий и обычный картофель, томаты, кактусы, перец чили, тыква, мясо птицы, ванилин, арахис, какао и конечно же всевозможные дары моря. Рыбные рецепты также

базируются на национальных традициях - то же обилие специй, что и в других мексиканских блюдах, и такое же обилие соусов и приправ. До прихода европейцев, местные жители не знали крупного рогатого скота и кур, поэтому они создали множество оригинальных рецептов из местной дичи (отварной уж, игуана с кукурузной кашей, запеченная змея и т. д.). Я не пробовала. Готовят также десятки блюд из кактусов (используются листья, цветы, плоды и семена). На десерт (а это моя любимая часть обеда:)) чаще всего идут местные фрукты, различные пудинги с начинкой и орешки. Существует даже десерт из жареного сахарного тростника «канас асада».

Из спиртных напитков первое место занимает... правильно, текила. Производится при помощи двойной перегонки сока агавы. Насчитывается более 300 видов текилы, но официально утверждены только четыре вида - Blanco, Joven, Reposado и Анежо. Есть также алкогольные напитки «пульке», «мескаль» «сотола» и «баканора», которые производится из пяти различных видов агав.

Проституция, казино и все прилегающие услуги в Мексике, в отличие от Соединенных Штатов, легальны. А поскольку американцам не нужна виза для пересечения границы, то можно себе представить что здесь делается во время отпусков и студенческих каникул. Мы проехали несколько баров, которые предлагали танцы на столе, танцы ню, танцы живота.... Помимо всей этой экзотики, здесь можно порыбачить, поплавать с маской, понырять, взять лодку или байдарку на прокат (что мы и сделали), прыгнуть с парашютом, научиться летать на дельтаплане, поездить в пыли на вседорожнике по дюнам, сделать маникюр своей собаке и т.д. Асюта и я решили покататься на лошадах вдоль берега. Всегда мечтала. Но вот только наслаждались мы не долго, потому что Асюткина лошадь вдруг вспомнила что-то важное, развернулась и галопом понеслась по берегу обратно в стойло. Хорошо, что мой ребёнок прошёл два курса верховой езды. Она приподнялась на ногах и отлично доехала до ближайшего проводника. Хотя и испугалась конечно. Вечером того же дня мы ещё поплавали немножко на байдарках. Увэ ушёл далеко в море и наслаждался там тишиной и покоем, а мы с Асютой поплавали по мелководью. Не далеко от берега мы встретили пару пеликанов и смогли

рассмотреть их вблизи. Пеликаны не обращали на нас никакого внимания, потому что были заняты: ловили скатов.

На этом наши попытки приобщиться к местной туристической индустрии благополучно закончились. Рекламируется всё это самым замечательным способом, какой я только могу себе представить. По городу на скорости 5 миль в час ездить полуразвалившаяся легковушка на которой приделан ржавый громкоговоритель. Водитель, высовывается из машины и кричит, а если его не слышат, то кричит в громкоговоритель. Всё гениально просто. Машины здесь вообще-то отдельная история. Большинство из них выглядят так, словно их передавали по наследству со времён Кортеса. В машине может одновременно ехать до восьми человек. Правила дорожного движения – как в Москве. На светофор и знаки Stop на перекрестке обращают внимание только американские туристы. Детей от 3 до 18 лет и собак возят в кузове. Собаки здесь свободно бродят по улицам и смотрятся как Calaveras, рёбра отчётливо выпирают в стороны. Кошки же, напротив, сытые и довольные.

По традиции, по ресторанам и кафе, даже просто по берегу, ходят музыканты-Марьячи. Их можно слышать то тут то там, проходя по городу. Чаще всего они, конечно, поют за деньги, но иногда просто от радости. Двое из них, похоже отец и сын, подошли к нам и предложили спеть для меня серенаду. Широкополых шляп и плащей у них, правда, не было, но они отлично играли на гитаре и ещё на чём-то, напоминающем банджо. И ещё у них были удивительно чистые и звонкие голоса. Другой «ресторанный» бизнес – разносить по улицам цветы. Молодой человек с корзиной роз от недоумения перешёл на английский:

– Как вы не хотите розу? Это же не дорого. Нет? Но, ведь с вами же Дама. Хорошо, я могу продать вам одну розу и совсем-совсем не дорого. Практически каждую минуту нам предлагали что-нибудь купить, где-нибудь поесть, ну или, на крайний случай, помыть окна в машине. Меня всё это порядочно раздражало, но Увэ постоянно напоминал мне, что у нас ни разу никто не попросил денег просто так. Мексиканцы – гордый, весёлый и одновременно грустный народ. Мне показалось, что они открыты, наивны и беззащитны. Они обманут тебя, если ты им позволишь себя обмануть, но в целом, мне

было с ними весело и интересно.

Едущая перед нами машина неожиданно тормозит и сворачивает на пляж. Мы тоже решили остановиться и отдохнуть перед последним броском до границы. Из машины выходит пара, полюбоваться на закат, и вдруг я слышу, как девушка невероятно звонким голосом начинает выводить какую-то пронзительную испанскую мелодию. На прощание, я прошлась ещё немного по берегу, наблюдая как прибой стирает мои следы. Как будто меня здесь никогда и не было.

Уроки йоги и любви

Он легко шагнул в сторону, одновременно выставив правую руку вперед. Кисти его рук приподняты – они исполняют свой собственный танец. Рывок, он откинулся назад и медленно выпрямился.

– Relax your shoulders and feel how the Ki energy is flowing through your body... It will help you to find your mind-body connection... Молодец, теперь с концентрируйся на этом ощущении тепла, это точка Dahn-jon, она в центре живота.

У меня это что на лбу написано?! А впрочем, он на меня и не смотрит – все комментарии мой учитель произносит не поворачивая головы. За его спиной я зачарованно повторяю все его движения, не сводя глаз с его рук. Тай чи – мирное боевое искусство, которое, тем не менее, подразумевает владение мечём. Глядя на него я легко могу себе это представить.

– ...она так и сказала? И что ты об этом думаешь? Так, минутку, кто из нас двоих тут дипломированный психолог? И где же ты научился так мастерски владеть собой, и главное, так профессионально «считывать» информацию?

– да, она так и сказала, а я так разозлилась, что не смогла ничего ответить. Что ты думаешь я должна была сделать?

– Я не могу тебе сказать что ТЫ должна была сделать... Я бы предложил ей массаж плеч... По всему телу разливается ощущение расслабленности и неги – у него на редкость сильные пальцы!

– It's good for your upper chakras.

– Definitely!

Да, а я ещё не говорила, что DahnYoga официально считается культом? Они выманивают деньги у беззащитных граждан и занимаются регулярной промывкой мозгов. Не веришь – google it! PrivateSession занятие конечно не дешёвое, но, прибавив стоимость сеанса массажа и час работы с психологом, я получила примерно ту же сумму. Успокоилась и пошла спать.

Во время еженедельных занятий с группой его ассистент пытается помочь мне с растяжкой:

– «Мо-огешь, ты мо-огешь!» От безысходности, к концу второго часа он переходит на корейский – «дома ещё будешь заниматься! Много!»

– Так, ну и в кого ты опять влюбилась?

– А? Ты это о чём? Почему?

– Во-первых, – мой ребёнок старательно загибает пальцы, – ты сделала маникюр, изменила причёску, и купила спортивный костюм. Во-вторых, у тебя в машине вторую неделю играет диск Мариконе. В-третьих, у меня духи пропали с полки. Вот и учи их мыслить логически!

– Может у меня весна просто?

– Whatever, денег на ланч дашь?

Phoenix, March 2012

12 шагов к культурной ассимиляции

1. От наших разговоров на моём английском местные жители шарахаются.

– хорошо, дорогая, ты хоть рисовать умеешь, а то бы я тебя вообще не понял...

– это, дорогой, потому, что я слишком умная – не знаю с чего начать мысль излагать.

– нет, дорогая, не волнуйся! Ты не слишком... Вполне в пределах нормы.

2. Как мы экономим воду: включил воду, намочил руки, выключил, намыл, включил, смыл, выключил, намочил лицо, намыл, не нашёл кран и.т.д.

3. Как мы экономим электро-энергию: дорогая, не включай, пожалуйста, для маленькой кастрюли большую конфорку, sorry.

4. Сушить бельё на улице нельзя! Даже на своём балконе, даже когда на улице 40С. Это признак бедных районов, а у вас сушильная машина должна быть.

5. Хроническое недосыпание:

...когда «...отдохни Соня, отдохни, поспи до 8...» перестаёт быть смешным.. я уже десять лет встаю в 5 утра. А ребёнок мой спит ли вообще – неизвестно. Ухожу – она учится, прихожу – в учебник смотрит. И всё пишет что-то там, пишет... что пишет – никто не знает. В школу же надо к 6:45, а на работу к 7.... магазин открывается в 5 утра, а закрывается в 10 вечера....и главное, что это уже перестаёт удивлять...

6. Нездоровое стремление к здоровому образу жизни:

...полчаса ехать на машине в спортзал, что бы там 45 минут походить на тренажёре...

7. Время, время, время!

... когда поход в магазин начинает напоминать оснащение небольшой армии. Всё покупается на неделю, в основном в компактных упаковках, рассчитанных на наличие в доме микроволновки.

8. Практичность? 50/50

... купоны на скидки в магазинах, которые приходят по почте «en masse».. Нет, ну в сумку-то я их положила, но ведь их же и найти потом надо, желательно в нужный момент... А вот у

местных жителей есть такие папки, которые они носят с собой, так там уже всё рассортировано.. Эх,учится мне ещё и учиться...

9. Если бы русская армия состояла бы только из женщин, то на планете давно бы уже наступил коммунизм (из высказываний моего мужа).

10. Reducing family argument to the civilized music exchange: I left the «Alexandra Leaving» CD in his car, he left Eric Clapton's «I will leave you all alone baby» in mine. Life goes on... «и прямо-таки тянет устроить скандал» :))

11. Обратный отсчет: «...а во-вторых, как Вы поняли, все мои несчастья живут во мне и им всё равно куда я с ними перееду...» (читаем М.Жванецкого).

12. «Dance Until it Rains!» they told me.. Do you know why Native American rain dances always worked? Because they kept dancing until it rained...

Дорога домой

Звонок раздался в 5.30. Ася подождала ещё несколько минут, но телефон, кажется, не собирался сдаваться. Закутавшись в лежавший на стуле плед, она прошлёпала по холодному полу в коридор.

- Да!

- Ася, ну слава Богу! – затараторила Татьяна, – я тебе звоню, звоню... Думаю, спать не лягу, пока не услышу, что у тебя всё в порядке. Алло? Ты меня слышишь? Ты меня узнала?

- Да слышу я тебя, слышу. Не кричи ты так. Конечно я тебя узнала – кому ещё придёт в голову будить меня в 6 утра в воскресенье.

- Ой! Я тебя разбудила? Извини! Я тут с работы пришла, а по телевизору передача была, что у вас там в Айове один мужик женщину чуть не задушил. Случайный попутчик. Она его на дороге подобрала, а он её ещё и ограбил. Ну, думаю, точно она! Ведь, кому ещё в голову придёт, что бы чужого человека в машину сажать? Да ты мне, помню, сама говорила, что у вас там на дорогах стреляют вот я и подумала...

- Танюша, я живу в Аризоне, а Айова находится в противоположной части страны. А стреляют у нас потому, что здесь граница с Мексикой близко. Нелегальные эмигранты, знаешь,

и всякие там с ними проблемы. К тому же, я не беру попутчиков, так что не волнуйся.

– Я не понимаю, как ты можешь там жить одна в лесу этом?! И не страшно тебе? Там ведь зверья всякого наверное? Там...

– Да брось ты, Тань! В лесу кроме человека бояться некого, а людей тут нет. К тому же, мне здесь нравится. Утром просыпаешься – птицы поют. А закат? Ты только представь какой закат здесь в горах!

– Ну, я не знаю, Ась... Ты точно ненормальная. Как была, так и осталась. Ась, а может тебе к Сашке вернуться, а? Он мне звонил недавно, просил повлиять на тебя. Переживает он, слышь Ась? Говорит, с тех пор как вы расстались, ты совсем с ума сошла. Ездишь на какой-то развалюхе, живёшь в лесу, никого видеть не хочешь. А он сейчас зарабатывать стал, машины чинит. Смотришь, там тебе что-нибудь приличное бы подобрал, а потом может и дом бы вместо твоего трейлера купили...

– А потом? А потом-то что, Тань? Сашка твой и в России большим умом не отличался, а здесь и последний ум потерял. Ему кроме гамбургеров и колы от этой жизни уже ничего не надо.

– А ты? Много тебе пользы от твоей диссертации? А красный диплом твой сильно тебе помогает там гамбургеры в Макдональдсе продавать?

– Ну, всё, Танюша, давай закругляться, а то у тебя счёт за телефон, наверное, больше чем за квартиру.

– Да ничего это... Я не долго... Ой, а я тут маму твою в магазине встретила.

– Да? И как она? Ни минуты покоя, ни дня без строчки? Вся в науке?

– Зачем ты так... Отлично выглядит, только показала мне немного усталой. Ась, а может тебе домой уже, а?

– С удовольствием! Только скажи еще, где этот «Дом»? Где это меня ждут с таким нетерпением?

После разговора с Татьяной спать больше не хотелось. Ася встала, приняла душ, сварила себе кофе и вышла на крыльцо. Солнце уже стояло высоко и казалось, что верхушки сосен по-

крыты легчайшим золотым покрывалом. Какая-то яркая птица присела было на перила, но, заметив Асю, вспорхнула обратно на ветку. Начинался новый день. Воскресенье!

– И весь этот день – мой, – думала Ася, – и я могу делать всё, что только захочу!

Наскоро побросав вещи на заднее сиденье, Ася прыгнула в машину. Через несколько минут она была уже на шоссе. Ближайший к заповеднику городок был точной копией предыдущего. Казалось, здесь только что закончили съёмки «Великолепной семёрки», а декорации разобрать забыли. Рассчитанные на туристов, эти городки пестрели вывесками всевозможных придорожных мотелей и ресторанов. Одни только моек для машин Ася насчитала шесть. Вдоль дороги вереницей тянулись рекламные щиты: «Лучшие сувениры, только у нас!», «Лучшие комнаты, лучшая еда», «Лучшие пистолеты!», «Нам надо поговорить! Бог»...

– Эволюция налицо! – подумала Ася, сворачивая на улицу Дохлой лошади. Она помнила, что дальше, последовательно, будут Deadman, Stoneman and Newman streets.

Ася не переставала искренне удивляться оптимизму и стойкости местных жителей! Закалённые историей освоения Дикого Запада, они и сейчас ещё не были слишком сентиментальны. Неожиданно заговорившее радио вывело её из состояния задумчивости. Ася покрутила ручку настройки. Информацию об авариях здесь передавали как прогноз погоды, под такую весёленькую музыку: «Трам-тарам... У нас тут случилась небольшая аварийка и образовалась пробочка на такой-то улочке. Трам-там-там... И ещё парочка на такой-то... Желаем вам приятной поездки!» Она припарковала машину, перекинула рюкзак через плечо, проверила ключи... Впрочем, закрывать эту развалюху, действительно, не имело смысла.

Лес встретил Асю запахом сосновой хвои и тишиной. Тишиной, от которой звенело в ушах. Скоро, уже через несколько минут, проснутся птицы и первая из них начнёт выговаривать, сперва робко, а потом всё чётче и громче: «че-че-ви-цу ви-дел? Ви-дел?» И дружный пернатый хор подхватит: «ви-дел, ви-дел, ви-ви-дел!» Вес лес запоёт, зазвонит как хорошо отлаженный оркестр, где Солнце – дирижёр, а огромные корабельные сосны – лучший концертный зал. Воздух, пока ещё прозрачный

и свежий, уже начинал нагреваться и подниматься волнами, бережно лаская её лицо и руки, оставляя ощущение нереальности и полёта.

Она сидела на камне, глядя на распахнувшийся перед ней лес, всем своим существом впитывая в себя этот удивительный день, который даст ей возможность выжить, перенести всё, что бы ни случилось с ней дальше. Потом, завтра, когда-нибудь... Тогда, когда придёт опять, в сотый раз, решать, что же делать дальше. Думать об этом не хотелось. Ася встала и решительно направилась к машине. День проходил прямо на глазах. Кажется, не успела она прийти, а спустившаяся жара уже гонит её обратно, напоминая, что день подходит к концу, скоро стемнеет. В машине Ася открыла окно и достала заезженную кассету – единственную и любимую, привезённую ещё из России два года назад.

«Я круги буду в небе писать,
И на стеклах плясать как на льду.
Я тебя буду всюду искать,
И, наверно, опять не найду.

Я никогда тебя не видел, никогда...
И лишь тогда, когда найдешься,
На желтой улице пустой тебя узнаю без труда,
И ты, меня увидев в небе, улыбнешься...»

Голос Олега Митяева странно контрастировал с окружающим пейзажем и будил какие-то полузабытые романтические чувства, которые Ася старательно прятала обратно.

Прямо на середине дороги, там, где предположительно должен был быть газон, Ася заметила трогательный плакат с надписью «Wrong way!», а на другой стороне – «не пей за рулём!». То есть, предполагается, что человек, на совершенно трезвую голову может поехать по газону, если на нём не написать «это неправильный путь!» Видимо, исходя из этого принципа, все дорожные знаки здесь такие – исключительно простые и доходчивые. И тут она заметила, что под одним из рекламных щитов стоит человек. Смуглый, тёмная рубашка, джинсы, тёмные длинные волосы подвязаны шнурком. Парень голосовал

на дороге – обычный в это время года временный рабочий. В другой день, Ася и не подумала бы остановиться, но сегодня всё было так замечательно, что, казалось, ничего плохого просто не может случиться. Она потянулась вперёд и толкнула переднюю дверь:

– Get in!

Незнакомец дёрнул ручку задней двери и, помедлив немного, уселся на переднее сиденье, примостив свой рюкзак на коленях.

– Boots... Dirty... – прокомментировал он свои действия.

– It's ok! – ответила Ася – where are you going?

– No lo entiendo! – покачал головой незнакомец.

– Ну, вот и поговорили! – констатировала Ася.

«И вот так, бесконечно давно,
Я кружусь и кружусь над Москвой.
Я как будто снимаю кино,
Про случайную встречу с тобой.

И возвратившись, долго я еще не сплю.

Пою и пью, а лето тает.

Пускай стучатся в мой ангар,

Я никому не отворю –

В нетрезвом виде авиатор не летает.»

Не произнося ни слова, её странный попутчик выстукивал смуглыми пальцами ритм незнакомой ему мелодии. Ася свернула с шоссе. Она уже поворачивала на площадь, когда он неожиданно схватил её за руку:

– Parar el carro! La grande ciudad... Big... city... Comprendes?

– Да как же тебя понять, хороняка, когда ты ничего не говоришь?

В следующее мгновение она увидела в его руках пистолет, нацеленный ей в лицо. Память лихорадочно искала хоть что-нибудь, хоть какое-нибудь слово, зацепившись за которое можно было бы выплыть, понять... Но из скудного запаса испанского в голову приходило лишь «gracias, senora!»

Не доезжая нескольких шагов до калитки, Ася остановила машину, выключила зажигание и, не оглядываясь, пошла по тропинке к дому. Заглянула в почтовый ящик и вошла, оставив дверь открытой. Она на ходу открыла холодильник, достала

остатки ветчины, яйца, масло и кинула быстрый взгляд в окно. Незнакомец оставался в машине. Хлопнула дверь и через минуту он появился на кухне. Не выпуская пистолет из рук, он подошёл к телефону и с силой дёрнул за шнур.

– Не любишь телефоны, а? – отозвалась Ася, разбивая яйцо о край сковородки, – я тоже их терпеть не могу. Звонят, знаешь, в самое неподходящее время. Гость, тем временем, продолжал обследовать дом.

– Туалет, ванная – налево, дальше моя спальня... Нет, это кладовка, – Ася автоматически продолжала играть роль гостеприимной хозяйки. Когда она повернулась, держа в руках тарелку, он сидел, прислонившись к холодильнику и устало прикрыв глаза. Пистолета нигде не было видно.

– Тебе, наверное, душ не помешает? Душ, понимаешь? Вода? – Ася включила воду и снова закрыла кран. Наконец, она схватила гостя за руку и поволокла его за собой, прихватив по дороге чистое полотенце.

– Вот! Располагайся! Это шампунь. Если что – свисти, – проговорила она скороговоркой и вышла. Гость удержал было её за руку, но, словно передумав, кивнул головой и закрыл за ней дверь.

Вернувшись на кухню, Ася медленно опустилась на стул и некоторое время сидела так, подперев голову рукой. И что теперь делать? Взгляд её упал на лежащий под стулом рюкзак. Она оглянулась на дверь и, помедлив немного, открыла его. Чистая одежда, бритва... Наверное, он не стал бы тратить время на то, что бы содержать всё в таком идеальном порядке, если бы он был наркоман или псих какой-нибудь или... Или стал бы? Аптечка, туалетная бумага, небольшое зеркало, пара чашек и даже кофейник. Уже знакомый ей пистолет выпал из бокового кармана. Ася подняла его, подержала секунду в руке и быстро сунула обратно в рюкзак. В этот момент из ванной донёсся какой-то грохот, шум воды, что-то падало и затем – длинная, но малопонятная тирада.

Ася стремглав пролетела по коридору и распахнула дверь в ванную. В следующее мгновение она уже сидела на полу, закрывая лицо руками и беззвучно тресаясь от смеха. Её гость, комично размахивая руками, боролся с горячей водой, хлещущей из намертво вмонтированного душа. Душ бил как авто-

матная очередь, послушно переходя из состояния «массаж» к струе холодной и, без какого – либо перехода, горячей воды. Наконец, гость в отчаянии ударил ладонью по стене и только тут, повернувшись, заметил Асю, сидевшую на полу.

– Ну, не расстраивайся ты так! Знаю, знаю... Нет кранов у меня, ну, что теперь поделаешь. Их здесь, между прочем, нигде нет. Смотри сюда, – Ася наклонилась и потянула на себя рычаг напора воды, – теперь поворачиваешь – вправо или влево. Соответственно, регулируешь температуру и напор воды. Comprendes?

– Si!... Gracias! – он улыбнулся, убрав с лица мокрую прядь. На мгновение в его глазах Асе почудилось что-то знакомое, что-то, заставившее её сердце биться быстрее.

– Не – за – что! Я, пожалуй, останусь и прослежу, что бы ты мне и остальное не разнёс. Можно я останусь? – ей вдруг нестерпимо захотелось снова увидеть в этих глазах ту, промелькнувшую было, искорку нежности. Она осторожно провела ладонью по его щеке, – May I?

А наутро пошёл дождь. Ася лежала, прислушиваясь к шуму дождя за окном. Дверь тихонько скрипнула и на пороге появился Тиноч. Балансируя подносом с бутербродами, чашками и кофейником он неловким движением поставил всё это перед ней. Ася почувствовала, что сейчас заплачет, прикрыла глаза и попыталась улыбнуться ему в ответ.

– Спасибо Тиноч!

Тиноч... Что за странное имя? Хотя, наверное, её имя тоже не кажется ему самым простым. Вчера он несколько раз повторил его, пытаясь выговорить правильно: Ась-я, А-ся.

– А ты? – Ася коснулась его груди.

– Тиноч.

– Тиноч? Что тиноч? Имя? Это твоё имя? Красиво... Но не привычно как-то.

Допив свой кофе, Ася встала и подошла к окну. Сидя на подлокотнике кресла, Тиноч задумчиво наигрывал что – то в стиле Nova Menco на Асиной старенькой гитаре.

– Я должна идти. Мне на работу сегодня.

– No dejara de llover.

– Да, дождь никак не кончиться... Что ты сказал?

Вечером, возвращаясь домой, Ася заметила свет в своих окнах. Но ведь Тиноч ушёл. Забрал все свои вещи и ушёл. Ещё утром... Или нет?

Ответ на свой вопрос она нашла быстрее, чем ей бы этого хотелось. Со ступенек поднялся Саша и, улыбаясь, пошёл ей навстречу.

– Ты что, дверь совсем не закрываешь? Я смотрю – машины нет, свет горит, дверь приоткрыта. Дай, думаю, подожду. Может выскочила на минутку. Давай сумку, помогу.

– Спасибо, я сама.

– Ну, а в дом-то пригласишь? Я продрог тут на ступеньках. Весь день дождь лил, а сейчас холод собачий. Может у тебя и чай найдётся? Да, я у тебя в прошлый раз свою футболку забыл, ты не находила? Синяя такая. Думаю, неужели потерял, а потом вспомнил, что...

Она увидела его сразу, едва переступила порог. Тиноч повернулся от плиты, где он готовил что – то вкусное. Тонкий запах незнакомых специй и тушёного мяса витал над кухней.

– Ні, Ася!

– Та-ак! То-то мне показалось, что на кухне кто-то гремел посудой. Думал кот. А это вот тебе, пожалуйста, сюрприз! Ты где нашла этого уroda? Он у тебя что – дешёвая мексиканская прислуга? А интимные услуги прилагаются?

– Не говори глупостей. Тиноч здесь не надолго. Ему просто некуда было идти. Я подвозила его и он...

– Подвозила? Под-во-зила?! Ты что, с ума сошла? Он же нелегал, его же выпрут из страны в две минуты, стоит мне только позвонить. Может он убил кого-то там в своей Мексике? Он в тюрьму сядет, а тебя отправят вместе с ним. А может он маньяк, может он тебя изнасиловать хотел? Или уже? Уже?! Ах, ты дрянь! Какая же ты дрянь! Я же к тебе со всей душой, а ты с этим... Ну, и что? Тебе понравилось? Нравится тебе, признайся? Да, ты же просто...

– Прекрати, сейчас же! Это отвратительно! Мерзко и гадко... Ты мне неприятен, я... Забирай свою футболку и убирайся вон из моего дома!

– Ах, я тебе неприятен? А он? Он приятен и даже очень? Ну, нет, я пока ещё с ума не сошёл. Я может и уйду, но ты пойдёшь со мной. Долго я терпел твои капризы! Пора заканчивать с твоими идиотскими выходками!

С этими словами он схватил её руку и резко дёрнул за спину, а затем вверх. Ася взвыла от боли.

– Перестань сейчас-же! Мне больно! Отпусти!

В следующее мгновение Ася почувствовала, что Сашина хватка ослабевает. Тиноч перехватил и молча сжал его запястье.

– Тебя ещё не хватало, мексиканское отродье! – Сашина рука как-то неестественно выгнулась. Второй он размахивал, безуспешно пытаясь дотянуться до Тиноч, стоявшего у него за спиной.

– Пусти, идиот, руку сломаешь! – донеслось до неё из – за двери.

Ася тяжело опустилась на пол и, всхлипывая, прижала покалеченную руку к груди.

Тиноч вернулся один.

– Todo va bien?? Ася?

– Тиноч!

Он сел на пол рядом с ней и, осторожно прижав её голову к своей груди, стал неторопливо гладить и перебирать её волосы. Слезы, которым она так долго не давала волю, вырвались наружу с новой силой.

– Muy bien! Hiciste bien!

– Ты, наверное, думаешь, что я здесь делаю, да? Я и сама не знаю, – Ася всхлипнула и вытерла глаза ладонью, – Тиноч, я... Это было Моё Путешествие, понимаешь? Я где-то читала, что индейцы отправляли своих детей в Путешествие, потому что путешествия помогают найти себя. Путешествуя, ты вынужден снять «шоры», наложенные на тебя твоей культурой, забыть своё желание научить всех «как правильно жить», потому что нет ничего «правильно – не правильно», а есть «у вас так, а у нас так». Знаешь, меня, как и всех, научили гордиться. Гордиться без вопросов и объяснений просто потому, что это моя страна, я в ней родилась и она, поэтому, самая лучшая. Я и сейчас ещё, по инерции, горжусь. Горжусь талантливыми людьми, музыкой, литературой... Просто я раздула свою гордость

до вселенских масштабов. Теперь я горжусь тем, что такая маленькая и прекрасная планета – моя Родина. Я здесь родилась, живу, встречаю замечательных людей, говорящих на разных языках. Иногда необходимо снять эти «шоры», изменить угол зрения, что бы понять, увидеть очевидное. Здесь, перевернутое с ног на голову, всё стало видиться иначе. И разве это плохо? И что потом с этим делать... А теперь я думаю, что для меня есть только два пути, Тиноч. Ни один из них не лучше другого. Это, или влюбиться заново в свою Родину, сравнив её с остальным миром и найдя её самой лучшей, вернуться и стараться помочь ей встать на ноги. Или, не приняв её, не приняв борьбы за неё, уйти и закрыть дверь за собой. Уйти, что бы однажды осознать, что тебе уже некуда возвращаться! Знаешь, мне кажется, я не смогу спокойно умереть в этой стране. Спасибо Тиноч, ты мне очень помог... Тиноч?

– Ася?

– Тебе надо уходить, Тиноч. Он обязательно позвонит, тебя начнут искать. Пожалуйста, уходи! УХОДИ!

– Мне кажется, это происходит не со мной! Чёрт, сколько раз я уже это слышала? Это потому, что нормальный человек в условиях стресса может выжить только если он всё происходящее будет воспринимать как опыт, который возможно пригодиться ему в будущем. Правильно говорил наш профессор. Наверное, это срабатывают защитные механизмы мозга. Поступил сигнал: перегрузка! Всё! Это не со мной! Устраивайтесь поудобнее, смотрим кино «про мою жизнь».

Ася вела машину по заснеженному городу, думая как незаметно подступила зима и что скоро Рождество. Всё вокруг напоминало ей об этом – светилось, переливалось и манило как сон из детства, как страница из непрочитанной ещё книги. Жители кто как мог стремились украсить свои дома. Не доезжая до перекрёстка, Ася остановила машину и вышла. Она задумчиво рассматривала оленей, кивающих головами, цветных эльфов, сани с Санта Клаусом, всякие яркие штучки и ящик для сбора пожертвований на оплату электричества. Вчера, в долине, она видела кактусы, украшенные яркими разноцветными гирляндами. Чем не ёлка? Последнее время она часто

останавливала машину, чтобы просто пройтись, почувствовать как уходит, прогоняемая свежим декабрьским ветром, эта тягучая дурнота, проходит сонливость. Теперь ей почти постоянно хотелось спать. Вчера, работая до полуночи, она умудрилась -таки заснуть за стойкой. Проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо. Хорошо, что менеджер ничего не заметил. Уволит обязательно... Ну и пусть!

Ася упрямо тряхнула головой и побрела обратно к машине.

- Забавно всё-таки наблюдать изменения, происходящие в собственном сознании, анализируя свои поступки как бы со стороны. Кажется у этого явления имеется медицинское название. Что-то там про раздвоение личности... Она с трудом улыбнулась своему отражению в зеркале.

- Трудно было поверить, что прошло уже больше месяца с тех пор как ушёл Тиноч. Тиноч... Он ушёл насовсем, она больше не сомневалась в этом... Утром на столе Ася нашла небольшой лист бумаги и единственное «lo siento!», написанное его разборчивым почерком.

Память услужливо перелистывала страницы, открывая ей всё новые и новые заснеженные зимы её детства... В доме пахнет ёлкой и мандаринами, шелест шоколадной обёртки, ощущение чуда. А наутро окна покрыты сказочными узорами и небо синее синего! Воздух прозрачный и колкий как лёд. Вот они с бабушкой вместе идут за молоком и та закутывает ей нос шарфом. Вот они с отцом катаются вместе с горки - всё быстрее и быстрее, санки переворачиваются у самой реки. Ася встаёт и с хохотом бежит обратно на горку, падает, встаёт, опять бежит... Мама прижимает к груди сползающую шаль и машет ей рукой: «беги ко мне скорее, солнышко моё!» Ностальгия... Столько было сказано, написано... Фильмы Тарковско-го... Стихи Цветаевой... Белая эмиграция... Целое поколение уместилось бы, если б всех собрать, кто поразъехался. Натужные комментарии журналиста, освещающего приезд графа такого-то с визитом... Родовое гнездо, воспоминания детства, слезы у ближайшей берёзки... Так было смешно, но чувствую, что сама сейчас очень близка к тому, что бы броситься обнимать все берёзки - рябинки по дороге из аэропорта. Ностальгия - такая странная болезнь - приступами... Особенно если не устал до потери сознания или музыка, или один... Но по-

нять можно только пережив и писать о ней получается только пунктиром: слово – троеточье – слово... У адаптации есть свои проверенные стадии – они почти у всех примерно одинаковые, а ностальгия? Она у всех одна или как болезнь – протекает по разному? И от чего это зависит – больно – большее – совсем не больно... От человека, воспитания, образования, культурного уровня, детства, опыта? Почему меня так бесит вопрос: Are you homesick? Да, потому что любой ответ – фальшь! Как можно объяснить человеку, который никогда не покидал свою Родину, у которого все изначально сложилось не так, как у тебя, который что – то где – то слышал и любопытно – участливым тоном поддерживает вежливый разговор. Почему я должна изливать Душу человеку, для которого ответ на этот вопрос значит не больше, чем ответ на вопрос о вчерашней игре в гольф или погоде, а для тебя – вся жизнь или НЕ жизнь...

Слёзы застилали глаза, стекали по щекам, рыдания сдавливали горло и не давали дышать. Она стирала их тыльной стороной ладони, но через минуту они набегали снова. Ася резко свернула с шоссе, напрочь забыв о существовании знака «стоп» на этом повороте. В следующее секунду она увидела испуганные глаза девочки, сидевшей рядом с водителем в летящей ей навстречу машине. Самого водителя она почему-то не запомнила, но эти огромные глаза – как отражение самой себя – глаза этого ребёнка она запомнила навсегда. Она не почувствовала страха, она как-будто бы уже знала, что должно произойти. Время остановилось и всё происходящее воспринималось ею как замедленное кино. Она крутанула руль в сторону, услышала шум тормозов, машину понесло куда – то вбок, а потом вниз, вниз. Ася зажмурила глаза и вцепилась в руль обеими руками. На мгновение ей показалось, что ей снова шесть лет и она катится на санках к реке. Всё быстрее, быстрее и быстрее...

Ася сидела на кровати, закутавшись в плед и поджав колени к груди. Казалось, что с момента её возвращения из госпиталя прошла целая жизнь. Врач сказал, что им удалось сохранить ребёнка и что беременность должна протекать нормально, хотя это чудо, которого он в своей практике ещё не видел.

Прощаясь, он пожелал ей с малышом удачи везде и во всём. С малышом... За окном всё ещё накрапывал мелкий весенний дождь, но сквозь рваные облака уже проглядывали первые солнечные лучи. За ночь природа очистилась от вчерашних тревог, вдохнула полной грудью прозрачный горный воздух. Ася же, наоборот, чувствовала себя усталой и разбитой. Её взгляд рассеянно скользил с одного предмета на другой, пока не остановился на телефоне... Пальцы дрожали и не слушались, когда она набирала такой знакомый с детства номер:

– Мама, привет, это я...

– Господи! Да, куда же ты пропала? Я же не сплю ночами, не знаю уже куда звонить! Все тебя ищут. Что случилось? Ася, девочка моя... Я же тут чуть с ума не сошла!

– Мам, ну что ты, мамочка, не плачь! Я... Я еду домой, мама. Мама, ты только не волнуйся, но мне кажется, точнее я уже знаю, что... я буду не одна.

Ася вернулась домой в марте 1999 года, но это уже совсем другая история.

Горелов Вячеслав

По стихам как по камушкам вброд через реку Забвенья.

Жена моя говорит, что писать мемуары мне ещё рано. Слышать от неё такое мне лестно. Но отказать себе в удовольствии принять участие в этом проекте выше моих сил. Не сильно надеясь на свою память и сознавая, что дневников никаких не вёл, я всё же имею точки опоры для воспоминаний. Это – мои стихи. Конечно же, речь должна идти о годах студенчества. Однако наш нынешний взгляд на них, со стороны будущего, не может быть объективным. Это как зрение одним глазом. Но можно попытаться взглянуть на всё и из времени предшествующего, погрузившись в него... Родился я в Сиверской. Это станция железной дороги, дачный посёлок на реке Оредеж, в 67-ми км к югу от Ленинграда. Поездки с родителями в Ленинград, где у нас были родственники, у которых, если что, всегда можно было переночевать, в детстве любил чрезвычайно! Не раз ходили с папой на футбол на стадион С.М.Кирова. Вот это было ДА! Хотя «Зенит» выигрывал далеко не всегда. В Сиверской рядом с вокзалом паровозы разворачивали на специальном устройстве, похожем на карусель, и прицепляли к составу с нужной стороны. Не удивительно, что первое моё стихотворение, написанное лет в восемь, посвящено Ленинграду:

Ты город мой, ты милый мой, давай дружить с тобой!
Давай-ка вспомним, как в семнадцатом году мы Зимний
брали!

И как под градом пуль свинцовых мы Керенского побеждали!
И как в Гражданскую войну окопы вырывали.
Пришлось нам много испытать, но победили мы опять!

Вскоре папу моего, преподавателя истории, назначили директором Средней школы на станции Мшинская. Это по той же железной дороге, как раз посередине между Сиверской и Лугой. Дали служебную жилплощадь – финский домик. Стены из двух рядов досок, между которыми засыпаны опилки. Вероятно, опилки к тому времени усохли и просели. Но с дровами у нас проблем не было. Зимой по вечерам круглая железная печка жарко протапливалась. Однако утром, прежде

чем встать с постели, первым делом приходилось греть одежду под одеялом, ледяная была. В последующих зимах было уже не так жестоко. Летом верхние доски отодрали и пустоты в стенах заполнили новыми опилками. День Рождения у меня 7-го сентября. Родители, пожалев ребёнка, оставили меня ещё на год в детском саду. Читать-то я научился гораздо раньше. По деревянным кубикам. Кажется, они были самыми любимыми моими игрушками. Мама преподавала в школе физику и математику. Случалось, родители уходили вечером на педагогический совет и мы сестрёнкой оставались дома одни. Я, естественно, за старшего. Какое это было счастье, когда родители возвращались! В первый класс я пошёл на Мшинской. Во втором – нас уже принимали в пионеры. С середины второго класса я стал снова жить в Сиверской, с дедушкой и дядей Юрой. Дядя Юра, младший брат мамы, служил на Дальнем Востоке, но заболел диабетом, был демобилизован и имел вторую группу инвалидности. Всю оставшуюся жизнь, каждый день дважды, он сам себе делал уколы...

Не могу не вспомнить с огромной благодарностью свою учительницу в третьем классе. Если не ошибаюсь, имя её Анна Семёновна. Это был учитель от Бога, как сказали бы сейчас. Она уходила в другое здание на педагогический совет, а меня оставляла проводить урок! И я сидел на месте учителя, вызывал к доске одноклассников, которые рассказывали заданное на дом стихотворение, ставил отметки в журнал. Так повторялось два или три раза, пока ребята как-то не поймали меня на том, что я и сам не выучил заданное.

После третьего класса меня перевели сразу в пятый, но уже снова на Мшинской. Папа-то – директор. Кто запретит? Помню, как прочитав в «Занимательной физике» Перельмана об опытах по статическому электричеству, я накладывал на горячую печь газету, натирал её щёткой, и показывал домашним, держа газету над головой, как у меня встают дыбом волосы. Ездить в Сиверскую на поезде мне уже доверяли одному.

Мерный стук колёс.
Дорогу продолжая,
Несётся тепловоз,
Железо подминая.
Друг-друга обгоняя,

Назад уходят в даль
Деревья и сараи,
И город и трамвай.

Столбы не верстовые,
Как было в той России,
Которая была.
Над реками и пашнями
Тянутся провода.

В жизнь входит электричество.
Его употребляем
И в кораблях космических,
Везде, где пожелаем!

Пройдёт лет двадцать-тридцать...
Представьте только: птицы
По воздуху летят.
Простые наши птицы –
Скворцы, грачи, синицы.
И те же будут ёлки
На новый год стоять.
Всё будет будто то же,
Но всё же не похоже
На нынешние годы:
Настанет Коммунизм!

И люди, люди новые!
Хоть те же имена,
Но, добрые и честные!
Весёлые и честные! –
Чудесная страна!

Пройдёт лет двадцать-тридцать...
А вдруг – и не пройдёт?
И на Москву – столицу
Взирает весь народ.
Фашисты недобитые
На Западе опять...
– Народы,
будьте бдительны!
Мне хочется сказать.

Помню, был такой деятель Даг Хамаршельд и в центральной газете имя его обыгрывалось чтением справа налево...

Летом 1961-го года папа достал мне путёвку в подростковый палаточный лагерь на реке Сестре. Ходили в походы пешие и однажды даже на велосипедах. Четверо суток по всему Карельскому Перешейку! Нас обучали всем туристическим премудростям. Большинство ребят были из Ленинграда и я, закалённый условиями сельской местности, был в числе лучших. А какая прозрачная вода была в озере Глубокое! Видимость метров на десять и голубое дно! Тогда как раз 1961-го года денежная реформа была.

- Будете копеечку поднимать! - обосновывал её Никита Сергеевич.

Отправляя меня в турлагерь, мама дала с собой двадцать новых пятикопеечных монет то есть. Ох, и красивые были! А ближе к концу смены я получил от мамы запятанную внутри письма целую трёшку! Не с самого начала, но к нашему лагерю добавили большую палатку с детдомовскими ребятами. Те пели хором революционные песни. А когда был родительский день в одно из воскресений и поварами стали чьи-то мамы, которые сготовили исключительно вкусное картофельное пюре, добавив в него куриные желтки, детдомовские отличились. Они так вылизывали свои тарелки, что встав снова в очередь на раздачу, второй раз получали порцию, как если бы подошли впервые с тарелкой чистой.

В седьмой класс я снова пошёл в Сиверской.

Очевидно, под влиянием разговоров взрослых, писались стихи не только о природе.

Помню, как выхожу однажды из комнаты на кухню, где папа с дядей Юрой курят, и читаю им своё новое, только что написанное:

 Был хамельон слугой народа,
 А стал – народ его слугой.
 За горло схвачена свобода
 От жира вянущей рукой.
 Что он ни скажет – гениально!
 Что ни напишет – то – закон!
 Все «За!». Кто против?
 ну, буквально,
 За девять лет стал богом он.

Опять Культ Личности в зените.
Всё, как и десять лет назад.
Отличие в том, что по орбите
Средства народные летят.

Это, конечно же, 1962-й год. Последняя строчка, правда, у меня была сначала другой: «...Народные деньги летят». Но папа сразу подсказал как сделать лучше. Конечно же, я понимал, что такое стихотворение чужим никому показывать нельзя...

Летом 63-го довольно легко прошёл собеседование для поступления в ФМШ – интернат №45.

Должен признаться, что почти два года, проведённые в этом учебном заведении, пожалуй, самые интересные в моей жизни. Оказаться в среде тебе равных и тебя превосходящих – вот подарок Судьбы! Вновь, как со мною уже однажды случилось, пришлось за один год усваивать информацию двух классов, 10-го и 11-го. Ещё в 9-м классе наш учитель физики Наиль Идрисович Бурангулов сказал, что в продажу поступил американский учебник физики Эллиотта и Уилкокса. Во время проработки этой книги в физику я и влюбился. Окончательно и бесповоротно. А как изумительно читал нам, десятиклассникам, лекции в фойе интерната Виталий Рейнгольдович Саулит!

Физику на приёмных экзаменах сдавал весело. Дело в том, что нас, тех, кто из 45-го интерната решил поступать на Физфак ЛГУ, летом слегка «поднатаскали». Решали с нами задачи. И вот мне на экзамене одна из этих задачек как раз и попадает.

– Нуу, эту задачу я знаю! – мгновенно реагирую я. Реагировать-то реагирую, да вот решения-то так и не знаю. Не понял тогда, летом, когда нам рассказывали. Да и длинное оно было очень.

– Ах, знаете?... Ну, тогда вот эту! – и экзаменатор даёт мне другую задачу. Снова знакомую, однако с решением мне прекрасно известным.

– И эту знаю. – снова говорю я.

– Нет-нет! Вы уж, пожалуйста, покажите решение! – говорит экзаменатор.

Понятно, что за экзамен тот я получил пять...

В комнате общежития на проспекте Добролюбова... Кстати. Как это я до сих пор ещё не похвастался?

Когда мне было лет шесть, папа однажды вечером подсел к моей кровати и рассказал, что мы с ним – родственники Н.А.Добролюбова! Бабушка папы, мама его мамы, была не то племянница, не то двоюродная сестрёнка этого знаменитого человека. Жила бабушка в Москве, но когда к ней в 1948-м году пришли корреспонденты, она уже была очень старенькая и ничего не смогла им рассказать. Вот такое семейное предание...

Так вот, в комнате общежития в первом семестре жило нас десять человек. Железные панцирные кровати в двухъярусном исполнении. Малоприспособленные для занятий условия. А если учесть, что почти всё, что в первый семестр преподавалось, мы в интернате уже проходили – ну где ж тут не залениться?

К тому времени над зрением моим уже второй год колдовали врачи. Знаменитая чета Утехиных в глазном центре на Моховой. Не то чтобы зрение моё было очень уж никудышным, но они пытались близорукость мою вылечить! А для этого требовалось постоянно носить очки. Иногда мне закапывали в глаза атропин. Зрачки на целый день теряли способность сужаться и ходить по улицам даже в пасмурную погоду было нестерпимо ярко. А вот смотреть новый фильм в кинотеатре «Великан» – очень даже хорошо! И тогда днём вместо лекции я шёл смотреть «Щит и Меч», «Шербурские зонтики», «Обыкновенный Фашизм», «Капитаны песчаных карьеров», «Кто меня одолеет?», «Не крадите моего ребёнка», «Мулен Руж»...

Мулен Руж – это больше, чем фильм.

Мулен Руж – это песня.

Мулен Руж – это тайна...

Как она говорила: Ту – лууз!

Как она шевелилась!

Эта женщина, эта девица!

Он дрожал, не владея собой!

Он растаял, как снег под лучами...

А она всё искрилась!

А она – шевелилась!

А она – не смолкала:

– У тебя есть ванна?!

Позволь!

Умоляю!
В ванне я же не мылась!
То есть мылась, конечно,
И не раз...,
Но не в ВАННЕ!...
А потом убежала.
Ночевать не пришла.
И большую купюру, что он ей подарил,
Забрала и исчезла...
До другого утра...
- Где была?!
Отвечай!
ГДЕ БЫЛА!!?
Граф-калека во гневе!
Он ведь ею владел!!
Он ведь думал, что ею владел...

Сейчас тоже показывают фильм с таким названием. Уверю Вас, это совсем ДРУГОЙ фильм...

По всей вероятности в Советские времена иностранные фильмы прежде чем попасть на экраны проходили отбор. И зрителям показывали действительно лучшие. Об американском кинематографе, например, я был тогда гораздо лучшего мнения. Конечно, далеко не все лекции я прогуливал. С огромной теплотой вспоминаю Никиту Алексеевича Толстого и его курс Общей Физики. Спустя шестнадцать лет увидел автограф его в домике мастера Киста в голландском городишке Зандам. У этого Киста в своё время обучался кораблестроению славный наш Император Пётр Первый. Экскурсовод показала нам чулан, где свернувшись по совету тогдашних врачей в позу «Эмбриона во чреве матери» инкогнито спал наш Император, и панно из чёрного стекла на стене, где НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ было расписываться! Однако нацарапано было множество подписей знаменитых посетителей. В том числе и нашего Никиты Алексеевича.

Никогда не просыпал я и лекции по философии доцента Холостовой, хотя они и были преимущественно первой парой - в 8-45. На третьем курсе лекции по радиофизике читал нам профессор Остроумов. Читал в Большой Физической аудитории. Читал хорошо, всему курсу сразу, но строгостей с

учётом присутствующих не вёл. В результате к концу курса на лекции присутствовало всего десятка три студентов. На экзамене я к нему и попал. Профессор взглянул на вопросы в моём билете, на секунду задумался, и спросил:

– А кто Вам читал лекции?

– Вы. – ответил я.

Профессор взял мою зачётку и поставил «Отлично». Экзамен проходил второго января, может этот факт может что-то объяснить? Вообще-то пятёрками в Университете я избалован не был...

Хотя я жил в общежитии, но причислять себя к иногородним полностью бы не стал. Каждые выходные ездил домой к родителям. Стипендия моя была, кажется, 35 рублей. Думаю, что я целиком отдавал её маме. Я так неуверенно говорю, потому что помню точно, что мама всегда выдавала мне на неделю 15 рублей, причём делала это тет-а-тет. Так что, возможно, папа в эти дела и не вмешивался. Однажды я целый семестр из-за хвостов стипендию не получал и чувствовал себя очень не ловко, получая деньги от мамы. Так что денег на питание мне всегда хватало. В соседнем университетском общежитии, номер один, кажется, где проживали в основном иностранцы, на первом этаже была весьма приличная столовая. Часто брал сметану с сахаром, стакан – 34 копейки, и черный хлеб. Вкусно! Комплексные обеды там были, кажется, даже и на выбор. Подешевле и подороже. Иногда мы ходили обедать в рабочую заводскую столовую на улице Блохина.

В выходные дни мама с папой тогда увлеклись лыжными прогулками в Сиверском лесу. И я бегал с ними по лыжне взад-вперёд. Не ползать же так тихо как они!

Серые странные. Самые разные, краски деревьев в белом снегу!

Я вам не стану, не стану рассказывать, всё что увидел я в зимнем лесу!

Серое зимнее небо

Мелкий порОшистый снег.

Вы не давайте мне хлеба –

Дайте мне сделать пробег!

На лыжах!

Это же чудо, такое, какое вы вряд ли видели в вашем кино! Ели-берёзоньки, стройные-стройные, снегом окутаны, ждут вас давно!...

...Напевал на ходу я.

Кстати, хотя более десятка стихов в голове моей звучат как песни (или как песенки), но, не имея музыкального образования, я ещё ни разу не сумел донести это до слушателей.

О двух своих товарищах из общежития хотел бы вспомнить особо. Это москвич Юра Храпов и украинец Эдик Кущенко. С Юрой нас объединяла общая любовь к игре в футбол. Случалось, что мы выходили на Петропавловку играть один на один, если никого больше уговорить не удавалось. Играли позже и комната на комнату. Захватывающие были поединки! Зимой бывало скользко. Однажды противники ошарашили нас тем, что у них есть своя заготовка, благодаря которой они обязательно выиграют. Мы, поломав головы, решили, что они выйдут играть в шиповках, так как все трое были спортсменами-бегунами. А каково будет в таком случае нам?! На практике дело до шиповок к счастью не дошло. Их задумкой оказалось раздобыть обыкновенные бутсы. А Юра Храпов, побывав после первого курса в стройотряде на Мангышлаке, всё-таки проучился потом не долго, был отчислен и уехал домой в Москву. Где ты, Юрка? Вино и фрукты, говоришь?!

Когда у него заканчивались деньги, Юра покупал вино и фрукты... Хотите верить, хотите – нет, но на глазах у меня сейчас слёзы...

Эдик Кущенко, интеллигентный, в очках, жил на одну стипендию. Помню его уже курсе на втором. В комнате нас жило уже не десять, а всего лишь человек шесть или семь. Мама у Эдуарда жила в деревне на Украине, старенькая была, и сыну денег посылать возможности не имела. И он устроился работать в булочную, разгружать по утрам из машин хлеб. И, вроде уже, денежки какие-то стал получать. Вот только вставать на работу надо было рано очень. А ребята в комнате далеко за полночь куролесили. Раз проспал – предупредили. Второй раз проспал – с работы-то и выгнали. Помню его грустный взгляд. Койки наши были в разных углах комнаты. С тех пор, как говорится, только его мы и видели...

Возможно под влиянием Юркиных рассказов, только после

второго курса, летом 1967-го года, я поехал в стройотряд. Мама, провожая меня ещё в Сиверской, пыталась дать мне с собой банку сгущенного молока, страшно дефицитного в то время, и банку какао со сгущёнкой. Из двух банок я взял только одну и помню, что потом не раз жалел, что отверг вторую. Зная, что у папы с мамой 3-го июля годовщина свадьбы, я написал им в стихах письмо с дороги. Приведу отрывки какие помню:

...В вагончике купейном
Уже не на Литейном.
Уже не на проспекте,
И еду не домой.

.....
Шикарно переспали:
Ведь нам постели дали!
Москвы мы не видали –
Осталась в стороне.
А в Рязске на вокзале
Мы вишню покупали,
И чёрную смородину
Ещё сейчас едим...

.....
Мне папа сказал: не забудь поздравить!
Но если бы я и забыл,
То разве на чуточку меньше
Тогда бы я вас любил?
Июнь. Числа такого,
Что больше не бывает.
Целую! И конечно
Всем счастья желаю!

Объект нашего строительства находился в Гурьевской области. Аул №13. Строили из самана коровник. Жили в деревянных домиках. Работали с перекурами. И я вдруг ощутил нелепость своего положения, как человека не курящего. К счастью, курить не начал. Жара стояла настоящая. Днём выносили из дома раскладушки и отдыхали, заворачиваясь в мокрые простыни.

Были, видимо, и выходные. Поскольку помню, как однажды в выходной день мы, двое парней и рыжеволосая девушка Наташа, пошли за четыре километра купаться на реку Урал. В се-

редине пути у меня вдруг носом пошла кровь и я остановился, а они пошли вперёд. Я, правда, тоже спустя немного времени пошёл-таки дальше, назад не повернул. Но родилось стихотворение:

Ты ушла купаться
С мальчиком другим.
Может быть и вправду
Был я не таким?

Может, вызвал что-то
Я в душе твоей?
Может быть чего-то
Не было во мне?

Ну а может просто
Нету ничего.
На душе не грустно,
Но и не светло.

А всего скорее
Надо жить и жить!
Думать. Ненавидеть.
Делать.
И Любить!

Еще помню, как спустя время, родители прислали мне посылку с яблоками. Я открыл её в помещении и вышел на крыльцо с надкушенным яблоком в руках. Сейчас же, словно мухи на мёд, сбежалась местная детвора. И они стали кричать: –Яблоко дай! –Яблоко дай! –Яблоко дай!... Впечатление было не из приятных, пока одна девочка не выговорила с трудом:

– Здрав-ствуй-те!

Тут я сообразил, что дети просто не говорят по-русски, и, конечно же, угостил их яблоками...

Осенью, когда я уже учился на третьем курсе, папа несколько раз приезжал в Ленинград специально для того, чтобы сходить со мной в театр. Я безмерно благодарен ему за это. Впрочем, не сомневаюсь, что и он получал от таких мероприятий огромное удовольствие. Спектакли назывались: «Цыганский барон», «Сирано-де Бержерак», «В лесах», «Трехгрошовая Опера». Исполнение было великолепным.

На третьем же курсе я влюбился в однокурсницу-Ленинградку. Но это не для рассказа в прозе. Кому интересны рождённые тогда мои стихи – они все есть в интернете на стихи.ру. Автор – Вячеслав Юрьевич Горелов <http://www.stihi.ru/avtor/slava32>

В самом начале шестого года обучения (а учились мы пять с половиной лет) узнал о трагической смерти Серёжи Тезейкина и его товарища, тоже нашего однокурсника. Я не был близко знаком с ними, однако очень уважал Серёжу и как человека и как комсорга. Надеюсь, ребята, знавшие их лучше, чем я, расскажут о них в этой книге.

Дипломную работу делал в лаборатории Алексея Михайловича Шухтина под руководством Саши Тибилова. Низкий мой поклон им обоим!

Диплом защитил на отлично. Говорили потом, что меня в конце заседания комиссии хвалил сам Сергей Эдуардович Фриш. Но меня там уже не было. Ту зиму, как, впрочем, и предыдущую, да и последующую я провёл в ЦПКО им. Кирова, занимаясь фигурным катанием на коньках.

Распределён я был в ГОИ им. С.И.Вавилова, в лабораторию Ивана Васильевича Подмошенского. Вообще то, как я потом слышал, это место было первоначально зарезервировано за Сашей Кондратьевым, но того призвали в наши доблестные и непобедимые.

В ГОИ я проработал шесть лет. Несмотря на всю серьёзность работ в лаборатории Ивана Васильевича, покоя душе своей я не находил.

Но в душном кабинете,
Но в душном кабинете,
Но в душном кабинете
Я вынужден сидеть.
Какие муки эти,
Забыв про всё на свете,
На стены и на книги
Глядеть, глядеть, глядеть...

Нет, никому не жалко,
Что мне здесь очень жарко!
И никому на свете
Нет дела до меня!

Босая комсомолия
Хочу бродить по полю я
И русское раздолие
Вдыхать, вдыхать, вдыхать!
Нет ничего пригожее,
Чем тело темнокожее.
Давайте ж, люди добрые,
Под солнцем загорать!

А не хотите броситься
Туда, где сено косится,
Туда, где ветер с тучами
Бежит вперегонки –
Так я один не выдержу –
Кусок из сердца вырежу
И посажу.
Пусть вырастет
На берегу реки!

О том, что я не стал Большим Физиком вы уже, конечно, догадались. Я специально не писал о довольно важных вещах в тех случаях, когда не сомневался, что об этом не могут не написать другие, экономя место для своих стихов. Они для меня как дети. Не случайно же о стихах говорят, что они рождаются.

Последние три десятилетия связал свою жизнь с морем. С работой на судах морской разведочной геофизики. Пока не надоело. И сейчас строки эти пишу на борту судна в Южной Атлантике. Да и деньги ещё никто не отменял...

Ветер тридцать узлов, ветер – сорок...
Не стареет седой океан.
Мне давно уже стало за сорок,
Но ещё не дописан роман.
Я роману ищу продолженье.
Насладившись огромной волной –
Укрываюсь в своё сочиненье,
Словно страус, вперёд головой.
Высота до воды метров восемь
И, как будто, стою высоко...
Но срывается пена и косит!
Что там пресные души Шарко?!

Что там, где там, и с кем там иначе?
Ну а здесь, и сейчас, и со мной,
Не желает расстаться удача!
Не торопит уйти на покой!
Шторм окончится. Волны отхлынут.
Ветер сникнет, отправится спать.
Только строчки никто не отнимет.
Я их в бурю успел написать!

Кто курил в комнате?

Воспитательница зашла в комнату неожиданно.

– Чего это у вас дымом пахнет? – потянув носом, спросила она. Немного погодя: – В вашей комнате кто-то курит. Я спрашиваю, кто? – и она начинает пристально оглядывать каждого. Шурка стоит не жив, ни мертв. Он еле успел выдавить себе в рот немного зубной пасты, чтобы хоть как-то отбить запах «Беломора». В их комнате, из всех проживающих там семи учеников девятого класса, курил только он, да и не то, чтобы курил, а так баловался.

«Если скажет, чтобы все ей дыхнули, то я пропал», – думает Шурка. Но небо в тот раз было на его стороне. Воспитательница была из той породы людей, которые считают, что все люди говорят только правду – поэтому, чтобы что-то выяснить, всего-то и нужно, что спросить всех по очереди.

– Быков, ты курил? – грозно спрашивает она первого, чья кровать стоит первой от двери к окну.

– Нет, Людмила Петровна, я не курил, – спокойно отвечает он ей.

– Рябчиков, ты курил? – задает она вопрос следующему.

– Нет, Людмила Петровна.

Ответы на аналогичный вопрос остальных, а именно: Крюкова, Сазонова, Пересветова, Капустина – тоже не блистали своей оригинальностью.

– Ага, Чарышкин, вот ты и попался, – довольная своим методом определения курильщика в комнате сказала Людмила Петровна. – Так это ты куришь, значит.

– Почему это Вы решили, что я курю? – Чарышкин начал кипятиться.

– Да как же не ты? – голосом человека, распутавшего нелегкую головоломку, сказала ему она. – Ведь, они все сказали, что не курят, ведь они не врут, правильно, я ведь при тебе всех спросила, а раз они не курят, а в комнате пахнет табаком, то, следовательно, ты и куришь.

Чарышкин был парень не промах и сразу смекнул в чем дело.

– А Вы, Людмила Петровна, еще раз спросите всех, кто, мол, курил, но начните спрашивать не по часовой стрелке, а против нее, с меня начните и тогда у Вас выйдет, что это Быков курил.

Все заулыбались. Особо радовался Шурка, с какой стороны не спрашивай, думал он, я все равно в середине стою.

Людмила Петровна постояла, подумала, как-то странно на них всех еще раз поглядела, и не говоря больше ни слова, медленно вышла из комнаты.

Контролёр

Ученик девятого класса еле успел запрыгнуть в уже почти закрывшуюся дверь трамвая. Отдышавшись, он подошел к кассе и начал рыться в карманах. Как назло, не было ни одной мелкой монетки. Да и вообще, из денег была только мятая «трешка» и новенький полтинник. Билет же стоил – три копейки, ни больше и ни меньше. Сашка представил, как он опустит туда в специальное отверстие свой полтинник, оторвет билетик, покрутив ручку, и потом будет минут двадцать, а, может, и все тридцать, стоять, собирая от передающих деньги за проезд пассажиров, себе сдачу. Набрать сорок семь копеек – это Вам не шутка. Тут не то что кинотеатр «Юность» проедешь, тут, вообще, можно до трамвайного кольца доехать, а сдачи так и не насобирать.

Школьник воровато оглянулся по сторонам. Ехать то всего три остановки, авось и пронесёт. И он встал ровно посередине вагона, чтобы, чуть что, успеть удрать от контролеров, и чтобы они не смогли появиться внезапно рядом с ним.

Предчувствие его не обмануло. Буквально на следующей остановке с задней площадки раздался голос: «Граждане, общественный контроль, просим предъявить билеты». Девятиклассник довольно хмыкнул и начал быстро пробираться в начало вагона, надеясь, что они не успеют проверить билеты у всего трамвая до ближайшей остановки, а на ней он и сойдет. Он даже немного гордился собой, что так все грамотно предусмотрел, оценил и нашел блестящее решение.

На ступеньках первой двери стоял молодой парень, лет двадцати шести. Он выглядел немного встревоженным.

– Что контролеры по пятам идут? – спросил он у Сашки и

заговорщески ему подмигнул. «Надо же и взрослые тоже без билета едут»,- подумал школьник и обрадовано кивнул ему, как товарищу по несчастью.

Парень внимательно посмотрел на него и в том же пани-братском тоне полупшепотом спросил:

- Что, пионер, без билета?

- Ага, - радостно ответил Сашка и глупо заулыбался.

- А я видишь, какое дело, тоже, значит, контролер, - без ножа зарезал Сашку парень.

Некоторое время и Сашка, и контролер молчали. Потом Сашка подлетел к кассе, швырнул туда свой полтинник, открутил не один, а несколько билетов и принялся хныкать:

- Дядя, я больше не буду, ну, дяденька, я просто забыл, честное слово, я даже вон пятьдесят копеек свои туда бухнул и несколько билетов сразу взял, ну, дяденька.. Было похоже, что Сашка может так нить до бесконечности.

Трамвай открыл двери на остановке «Черная речка», парень вышел и к удивлению школьника не пощипал его в милицию, а просто зашагал по улице Савушкина. Потом он вдруг остановился и быстро пошел обратно. Двери уже начали закрываться, и он крикнул Сашке:

- Ты не сердись на меня, пионер, я, это, пошутил, не контролер я, не кон-тро-лер-р-р.

Подошедшая к Сашке контролерша долго пыталась понять, почему у него три билета, но Сашка смотрел мимо ее в окно, где на противоположной стороне улицы стояла уменьшающаяся фигурка человека и все махала, и махала ему рукой.

Цветы

«Да, дела» - мрачно подумал он, положив трубку телефона, и неожиданно для самого себя, принялся размышлять вслух: «Значит, отпевать будут завтра в одиннадцать где-то на Васильевском. А у меня, как на грех, - безденежье жуткое. И занять негде - у всех, у кого мог, давно уже занял. Может, и вовсе не ходить на похороны, а? Ведь до этого Васильевского острова ещё доехать надо из моего Старого Петергофа, сначала на электричку, пожалуйста, иметь двадцать рубликов, затем на метро, уж будьте любезны, ещё семёрочку в карманах наскрести, ну, а от станции метро Василеостровская можете уж и своим

ходом, воля ваша, раз денежек на трамвай не имеете. Опять же, обратно домой из города не пешком же пару дней идти. Короче, как ни крути, а пятьдесят четыре целковых, хочешь – не хочешь, а вынь, да положи. А Марию Сергеевну жалко, хоть и не сложились их отношения. Всё-таки, учили меня, дурака, да и вообще, смерть – штука серьёзная. Короче, прийти проститься надо, да вот незадача – приехать не на что.

Но он немного лукавил перед самим собой и знал, что лукавил. Добраться в город можно было и без денег, – в конце концов, кто-нибудь из знакомых наверняка поедет на машине из Петергофа. На самом деле его больше пугало, что он не сможет купить цветов, а прийти на похороны без цветов он считал для себя делом невозможным. Во-первых, это, наверное, неуважение к покойнице. Второе, – как отнесутся к этому остальные пришедшие? Не истолкуют ли они это как продолжение их взаимоотношений, и не будет ли тогда он в глазах всех человека без стыда и совести, который даже и мёртвому своему оппоненту предъявляет какие-то претензии. А в-третьих, – те, кто поймут верно, а такие проникательные обязательно найдутся, – подумают – вот до чего докатился этот вечно всем недовольный человек, – даже денег на цветы для умершей школьной учительницы у него нет, а ведь не пьяница, не бездельник, не дурак. И он даже прикусил себе губу, как только представил, что он будет перед теми третьими словно голенький, и они, не спеша, будут рассматривать его, как насекомое в гербарии.

В очередной раз роясь в ящиках стола, проверяя содержимое карманов пиджаков, плаща и даже верхней зимней одежды, он решил, что если найдет деньги на цветы, и кто-нибудь прихватит его на машине, то он отдаст последнюю дань уважения своей учительнице истории, а если нет, то никуда не поедет. «Совру про неотложные дела, слава Богу, день рабочий, дела могут быть» – решил он. К его большому удивлению, его поиски мелочи увенчались успехом – тридцать три рубля и тридцать копеек. Не хватало даже на проезд. И он твёрдо решил, что он никуда не поедет. На какое-то время ему стало легче, как всегда бывает человеку, который после долгих колебаний и сомнений, всё-таки принимает какое-то решение. Зазвонил телефон. Звонила жена из пригорода. Сообщила,

что у них всё хорошо, что дети здоровы, Спрашивала, как дела у него и когда он приедет к ним? Он, вкратце, рассказал, что произошло, и сообщил, что решил не ходить, так как денег не хватает даже на проезд, а уж без цветов идти он считает для себя вовсе невозможным.

После небольшого молчания супруга, сказала ему, чтобы он поступал так, как он считает правильным, но, что касается её мнения, если оно ему интересно, – то она советует ему поехать.

– Ведь, что же такое у тебя получается? Раз денег у тебя нет сейчас, ты этого стесняешься, и сам того не замечая, начинаешь поступать в зависимости от того, есть ли у тебя что в кошельке или нет... Но ведь твоё отношение к умершей не должно зависеть от того, тридцать ли рублей у тебя в кармане или тысяча. Оно либо есть, либо нет. И то, что ты так легко решил не ехать, говорит, скорее, о твоём отношении к покойнице, прости Господи, чем о твоём задетом самолюбии.

– Все не легко и не сразу я решил не ехать. Я вообще ещё ничего не решил, – вдруг разозлился он на жену. – Просто даже на проезд нету.

– Хорошо, хорошо, милый, не сердись на меня. Я ведь, знаю тебя и знаю, что ты всегда переживаешь и хочешь всегда сделать так, чтобы никого не задеть и чтобы всё было хорошо. Я тебя прошу, найди в себе силы, съезди на отпевание. Ведь это же твоя учительница, тем более, ты с ней был в какой-то ссоре, хоть сейчас примиришься. Да и родственников её и учителей ещё живых тоже, ведь, надо поддержать. Вот это более важно, чем то, что будут думать окружающие о твоих финансовых бедах.

Он молча слушал и о чём-то думал. И, словно угадывая ход его мыслей, жена сказала ему:

– В нашей спальне, в комодке, в моём ящике, лежит красная записная книжка, посмотри её, там немного, но какие-то деньги ещё были. И главное, – не падай духом. Всё будет хорошо. Целую тебя. Как сможешь, приезжай к нам хоть на вечер, если не можешь на все выходные. Мы по тебе все очень соскучились.

В трубке давно раздавались короткие гудки, а он всё ещё держал её около уха, затем положил. Устало сел на старенький диван, обхватил голову руками, закрыл глаза и долго сидел, склонившись вперёд головой и раскачиваясь из стороны в

сторону. В записной книжке оказалось двадцать рублей. И на следующее утро он уже стоял на платформе станции Старый Петергоф и нетерпеливо поджидал электричку из Калище.

Что-то новое иногда проскальзывало в его глазах, словно бы телом он рос постоянно, а душой отставал, оставался подростком, и затем за один вчерашний день, внутренне повзрослел сразу на несколько лет. И не просто повзрослел, а укрепился в чем-то таком важном и хорошем, что очень трудно поддается выражению словами, но тот, кто хоть раз испытывал это ощущение обретения твердости в сердечной доброте, тот больше не мыслит себе жизни без этого непонятого, но чудесного чувства, которое, подобно невидимой нити, связывает всех людей между собой и даёт силы слабой человеческой душе противостать глубокому отчаянью и ужасам нашей жизни.

Ордан Андрей

Выпускник 2011 года 11-И класса АГСПбГУ.

Лента патриота

В человеке порядочном патриотизм есть ничто иное, как желание трудиться на пользу своей страны, и происходит он ни от чего другого, как от желания делать добро, сколько возможно больше и сколько возможно лучше.

ДОБРЮЛОВ Николай Александрович

По Дворцовой маршировали батальоны солдат, стуча сапогами по брусчатке в такт военной песне. Одетые в парадную форму, каждый с винтовкой в руках, они шли чётким строем, показывая военную мощь армии во всей красе. Тысячи жителей собрались сегодня посмотреть на это зрелище. Лёша и Ваня не были исключением. Они смогли пробраться как можно ближе к заграждению, чтобы увидеть весь парад целиком. Лёша заворожено смотрел на маршировавших солдат:

– Вот она – мощь, сила! – внезапно его случайно толкнула проходившая мимо девушка.

Ваня заметил обмотанную вокруг её запястья георгиевскую ленточку.

– У тебя есть георгиевская ленточка? – спросил он.

– Да, но ты ее не увидишь, – ответил Лёша.

– Где она у тебя?

– Под курткой, на левой стороне груди. Зачем тебе?

– Да так, интересно стало. У той компании она напоказ, – Ваня кивнул в сторону компании подростков, стоявших рядом: ленточки на сумках, завязанные бантиком, на руках, прикреплённые на кепках, как брелоки, – почему ты ее спрятал?

– А зачем ее показывать? Мне не хочется из этого делать шоу. Посмотри на них – они ведь не понимают, для чего вообще надели их. Так, просто модное украшение.

– Может, этим они хотят показать свое почтение ветеранам? Вдруг из них кто патриот?

– Да брось ты. Почтение и уважение к ветеранам, как и к Родине, должны возникать внутри тебя и оставаться там. А внешне пусть проявятся в поступках.

– Знаешь, а ведь правда. Но что с теми, кто заявляют о себе, как патриоты?

– Есть такие люди, кто не считают себя патриотами. Во всяком случае, эти люди честно сознались, что они не патриоты. И они в чём-то правы. Куда хуже те люди, которые бьют кулаком себе в грудь и кричат во всё горло: «Я – патриот!». Ведь можно сколько угодно кричать, а патриотом так и не быть. Людей по поступкам судят.

– Получается, мы не патриоты? Но мы ведь можем в любой момент прийти на помощь, когда она потребуется стране.

– Помощь стране нужна всегда. Не только во время войны. Человек становится патриотом лишь тогда, когда он смог доказать на деле свою преданность. А память ветеранам – уважение к тем, кто погиб за нас. Разве это не приятно купить красную гвоздику, вручить её первому встречному ветерану и сказать: «Спасибо!»? – мимо двух друзей проходили ветераны войны. Одеты в старую парадную форму, грудь каждого патриота была увешана наградами и орденами, и в руках каждого был букет алых гвоздик.

08.05.2012 (третья редакция)

Наполеон

Он лег на кровать и закрыл глаза:

– И так, день у меня прошел хорошо. Я бы даже сказал отлично. Теперь можно спокойно засыпать. Стоп! А чем я буду завтракать?

– В холодильнике еще остались свежие яйца, – подсказал внутренний голос.

– Точно! Я сделаю завтра омлет.

– У тебя нет муки дома, – напомнил ему все тот же внутренний голос.

– Ну тогда приготовлю яичницу. Хорошо, что есть внутренний голос, который всегда поможет и подскажет. И что бы я без тебя делал?

– Скорее всего, почти ничего из того, что ты делаешь вместе со мной.

– Вот именно! Знать бы, как тебя постоянно слышать, и тогда у меня совсем не было бы проблем.

- Но иногда ты должен сам решать, что делать, а что нет.
- Почему? Ты же можешь за меня все решить. А вообще, откуда ты берешься?
- Я - частичка тебя.
- Ну нет, это точно не так. Сам с собой я не стал бы разговаривать, я же не сумасшедший. Значит, ты - не частичка меня, а какая-то другая отдельная личность.
- Может быть. Тебе лучше знать.
- Я так и думал. Тогда кто ты? Я тебя знаю?
- Может быть.
- Значит, знаю. По-любому, ты какой-нибудь известный человек. Наполеон! Точно! Именно ты. Эй! Ты куда?
- Отстань, внутренний голос, я уйду строить наполеоновские планы.

Октябрь 2010

Сморodin Сергей Викторович

Выпускник ФМШ. Преподавал в интернате в 1975-1986гг.

Сон в белую ночь

«Life can turn into an idle wasting of time, but this does not matter since you are lucky enough to have spent some of your days in a sleepy childish world, full of indolence, freedom and solitude.»

Они жили в больших городах, и мечтали о дикой природе.

Они кочевали по свету в вагонах поездов, в креслах легковых автомашин и реактивных самолетов.

Они смотрели фильмы и читали книги. Они сами писали книги и снимали фильмы. Они были врачами и инженерами, учеными и литераторами. Некоторые после института работали барменами или шоферами такси.

Их жизнь проходила в повседневной рутине, в тесноте малогабаритных квартир, в уличном шуме и в тишине библиотек. Не дожив до тридцати, они уже упрямо цеплялись за каждый прожитый день. Им всегда хватало времени и денег. Они уже не верили, что дождутся своего часа.

Они укрепляли здоровье теннисом и карате, и разрушали его табаком, спиртным и психостимуляторами.

Они не думали о вечности.

Они были постоянны в привязанностях и неразборчивы в слу чайных связях. Их нервы привыкли к стрессу.

Они боялись одиночества и были одиноки. Иногда, одиночество толкало их на необдуманные и неосторожные поступки.

Они ненавидели ложь и боялись правды.

Они мечтали о счастье и не умели быть счастливыми.

«Мелодия возникала из пустоты. Она плавала по комнате в облаках табачного дыма, звенела хрусталем бокалов и мерцала огоньками сигарет. И в глубине расколотого мира гнездилась тайна, но до нее никому не было дела, потому что каждый думал только о себе.

– Вы любите цветы?

...Пассажирский поезд тащился через ночную Карелию.

Дребезжал на стыках старый вагон, а за окном была темнота, осенний дождь и огни редких полустанков. В этом вагоне не спали двое: молодой человек на боковом месте и девушка на верхней полке напротив. Молча, не проронив ни слова, они уже давно вели этот мысленный разговор...

- Вы любите цветы? Чайные розы вечером прямо с куста, или утренние тюльпаны с капельками росы на лепестках?

- Люблю гвоздики. Они в меру красивы и ни к чему не обзывают. «Цветы – это вексель. Раньше преломляли хлеб, а теперь дарят букет хозяйке дома. В обоих случаях словно помогаешь чего-то. Сколько букетов я передарил?

- Как называется эта страна?

- Разве вы не знаете?

- Проклятая дождливая страна...

- Это осень сделала ее такой.

«Осень всех делает такими. И тебя она не украсит, милая девочка... Осень - зло, только вот в справедливости ей не откажешь.»

- Разве зло может быть справедливым?

- Каждый получает по заслугам. Летом – розы с куста, а в декабре – помятые мороженые астры в бумажном пакете.

- Поэтому вы любите гвоздики ?

- Да, они одинаковы в любое время года.

- В теплице?

- В магазине. Их нетрудно купить за деньги в магазине, на базаре, или просто на улице. Купи гвоздики, дорогой! На свадьбу, крестины или похороны – все равно, ты будешь одинаково хорош!..»

- Вы любите деньги?

- Это самая дешевая плата. Они избавляют от ответственности.

- Вы боитесь ответственности?

- Ответственность – это зависимость. Не хочу ни от кого зависеть.

- Но ведь общая ответственность сближает людей.

«Это просто разновидность круговой поруки. Отвечать можно только за себя – запомни это, милая девочка... Все остальное – ложь, придуманная теми, кто хочет взвалить на других часть своего груза. Будь осторожна, никому не позво-

ляй паразитировать на твоей совести.»

– А ответственность перед собой?

– Только в минуту одиночества.

– Вы любите одиночество?

– Я не люблю ответственности.

«...В мои двери постучалось одиночество. Ложь признаний, женский смех и звон бокалов - незаметно и бездумно дни слагаются в недели, между пальцев, как вода, струится одиночество...»

– Значит, вы одиноки. А я боюсь одиночества.

– Вы молоды и хороши собой.

– А что потом?

– Потом – осень, далекая дорога, и дождливая страна за окнами вагона.

«И ты будешь судорожно цепляться за каждое мгновение уходящего лета. Задолго до наступления холодов дни пойдут на убыль, и ты станешь обманывать себя и других, стараясь не замечать происходящих перемен. Поначалу это будет совсем нетрудно, но однажды время жестоко и грубо посмеется над тобой.»

– Как медленно тянется этот поезд...

– Вы спешите?

– Быстрая езда скрашивает дорогу.

– Летайте самолетом...

«Полет – это самообман. Ты садишься в кресло и через три часа просыпаешься, незаметно перемахнув пару тысяч километров, – Приходится на ходу привыкать к новой обстановке, и ты делаешь это по сокращенной программе, отбрасывая самое неприятное. А в поезде со скуки приходится строить планы и подводить итоги. Я давно разлюбил поезда.»

– Не люблю летать. Это все равно, что поездка в городском автобусе. А поезд – это возможность побыть наедине с собой.

– Но вы же боитесь одиночества.

– Это не совсем одиночество. В такие часы словно смотришь на себя со стороны. Честный и откровенный разговор.

– Это и противно. Проще всего врать, изображая откровенную беседу.

– Не понимаю вас.

– Поймете, когда начнете задавать себе вопросы, на которые

не захочется отвечать. Тогда вы уже не будете бояться одиночества, вам просто станет безразлично.

«Где-то жара, а за вашими окнами – зыбкая сырость третью неделю подряд. В этом странном изгнании быстро читаются книги; вы листаете память свою, словно книгу стихов о дожде. Слово фильмы, вы смотрите сны – странные сны про зеленое лето. Мудрое, беспечное и прекрасное лето...»

– Вы несчастливы?

– О, нет.

С уходом лета что-то умирает в нас. Кончается повесть, которую мы сочинили; остается только жить, видеть сны и метаться в поисках дороги, ведущей прочь от этой осенней распутицы?

– И только?

– А разве этого мало? Кстати, сейчас моя остановка, а вам пора спать. Прощайте, милая девочка...

– Мне кажется, что мы могли бы лучше понять друг друга.

– Наверное, но только не сегодня.

– Почему же?

– Потому, что сегодня весь мир – проклятая дождливая страна. Прощайте... Я буду помнить вас.

«...Нежданно, как зимняя оттепель; бесследно, словно шаги по траве; давайте простимся – свободно, легко и безропотно...»

Назову его Валентином. История, связанная с этим человеком, произошла несколько лет назад на одном из островов неподалеку от Кандалакши. Я попал туда значительно позже, когда она уже превратилась в легенду - из многих, составляющих дурную славу этого острова, который называется Анисимов. Остров действительно мрачноват: густой березняк по берегу окаймляет хаотическое нагромождение гранитных скал, поросших редкими соснами. На северной оконечности, возле небольшого озера, стоит кордон – потемневший от времени бревенчатый дом и несколько подсобных построек. Из подслеповатых окон дома открывается вид на низкие острова архипелага и подернутый синей дымкой гористый Кольский берег

Скверной своей репутацией остров издавна обязан двум скалам, которые обнажаются в отлив в километре от его западной оконечности. Глубоко вдаваясь в фарватер, они летом

создают угрозу для судоходства, а зимой не позволяют установиться прочному безопасному льду. Признаться, мне самому стало не по себе при виде плоских верхушек этих скал, словно по волшебству выросших перед носом моторки, когда впервые случилось проплывать мимо.

Второе знакомство с Анисимовым могло закончиться трагически: февральской ночью мы едва не угодили в полынью, сбившись с дороги и в темноте приняв силуэт Анисимова за другой остров. В тот раз все обошлось благополучно: на следующий день мы с помощью лесников добрались до зимовья, где прожили две недели, выполняя задание экспедиции. Тогда, в один из долгих зимних вечеров, мне и рассказали эту историю.

Легенда есть легенда: вряд ли возможно теперь по звеням восстановить подлинную цепь событий. Куда проще было бы сочинить психологическую повесть с эффектным концом, но я не стану этого делать. Я расскажу только то, что услышал февральским вечером от человека, собственная судьба которого во многом напоминала судьбу того, кого я решил называть Валентином.

О прошлом Валентина почти ничего не известно. Рассказывали, что он вырос в Эстонии и учился, кажется, в Тартусском университете, В интересующее нас время он работал в заповеднике и постоянно жил на Анисимове, совмещая обязанности лесника и научного сотрудника. Областью его интересов была орнитология, а именно биология морской утки-гаги; впрочем, это не имеет существенного значения.

Итак, совсем молодой еще человек (ему было около двадцати пяти), жил почти в полном одиночестве на кордоне, появляясь в Кандалакше два-три раза в месяц для пополнения продовольственных запасов. В такой ситуации легко одичать и опуститься, что обычно и происходит с теми, у кого не хватает внутренней культуры, Валентин, судя по рассказам, ею обладал. Он привел в порядок и отремонтировал старый кордон; не довольствуясь ветхой казенной лодкой, одним из первых в тех местах завел быстроходный дюралевый катер с подвесным мотором, а зимой целые дни проводил на лыжах, путешествуя по островам. Трудно сказать, чем было вызвано его добровольное изгнание: на островах не принято расспрашивать друг друга о таких вещах. Навряд ли это была какая-то житейская

драма: все помнят Валентина как человека на редкость жизнерадостного и общительного, несмотря на уединенный образ жизни. Он нравился женщинам: в заповеднике до сих пор со смехом вспоминают, как однажды среди бела дня из конторы исчезла только что приехавшая московская практикантка. Нашлась она через три дня на Анисимове, а еще через неделю Валентин привез ее обратно в Кандалакшу со своим годовым отчетом в качестве курсовой работы. Рассказывают и вовсе неправдоподобную историю про молоденькую художницу, которую он возил на остров рисовать какой-то «пейзаж с морошкой» (в результате был написан прекрасный вид Анисимова, который и сейчас висит в дирекции заповедника).

Валентин прожил на кордоне около двух лет, почти не получая писем и никуда не выезжая, если не считать поездок на катере в Кандалакшу и недельной командировки в Мурманск на конференцию по биологии морских птиц.

Как-то к нему наведались гости из Москвы – молодой человек, его ровесник, и девушка. Они сообщили о своем приезде телеграммой, Валентин встретил их в Кандалакше и отвез к себе на Анисимов, где они провели около трех недель. Это было в июле, когда в тех местах стоит теплая солнечная погода, а полярный день уступает место белым ночам, более ярким и светлым, чем в Петербурге. В это время море почти не штормит, и в утренней тишине плеск весла слышен за несколько километров, а солнце исчезает лишь на два или три часа, чтобы потом вспыхнуть ослепительной точкой между вершин двуглавой горы на Кольском берегу.

Валентин и его друзья путешествовали по островам, собирали морошку, ловили треску на нехитрую самодельную снасть, их видели в старинной поморской деревне Лувеньга, почти покинутой жителями, и у первобытного дольмена на острове Лодейный. Они всюду появлялись втроем, неизменно производя впечатление дружной, веселой и беззаботной компании. Между прочим, во время одной из поездок они с немалым риском для себя выручили каких-то туристов, попавших на парусной шлюпке во внезапный шквал около Колвицкой губы. Про этот случай до сих пор рассказывают всякие истории, а тогда он немало способствовал огласке последующих событий

Потом гости стали собираться в обратный путь. В конторе

заповедника сохранился журнал, где отмечена радиограмма Валентина с просьбой заказать два билета на скорый московский поезд. Передавая ее, он вряд ли предполагал, что один билет может оказаться лишним.

Дня за два до отъезда, когда Валентин с товарищем ремонтировали мотор на катере, девушка сняла со стены охотничий карабин, отошла метров двадцать от дома, прислонила приклад к большому камню и пустила себе в сердце турбинную пулю. В назначенный день товарищ Валентина уехал в столицу; к составу сзади прицепили багажный вагон, в котором стоял гроб с телом его спутницы.

Можно было бы предположить, что Валентин поедет в Москву тем же поездом. Этого, однако, не произошло. Он остался на Анисимове и история на этом обрывается. Легенда есть легенда: я не знаю, что стало потом с Валентином. Одни говорят, что он через год или два пропал без вести в осенний шторм. Другие будто бы встречали его то ли на Диксоне, то ли на Айновых островах. А один знакомый орнитолог уверял меня, что Валентин вернулся в Эстонию и даже защитил диссертацию по акклиматизации гаги в заповеднике Матсалу. Все это одинаково похоже на правду.

«Когда уйду – останься в памяти моей: тебе – тот свет, и ветер тот, и время, и луны бумажный круг...»

– Здесь был клуб.

Они стояли на пороге полуразрушенного дома с двумя колонками по бокам невысокого крыльца. Стекла в окнах давно были выбиты, и ветер свободно гулял по пустым помещениям, скрипя остатками рам и шелестя пожелтевшими обрывками афиш.

– Смотрите новую итальянскую кинокомедию.

«Ах да, август, студенческий лагерь в Гурзуфе... Мы сидели в открытом кинотеатре, и мелкими глотками пили дешевое кислое вино, а в это время здесь, в северном поселке, подвыпившие сезонники смотрели тот же самый фильм.

– Когда отсюда ушли люди?

– В семидесятом году. ГУЛАГ выдохся, и лесозавод на острове решили закрыть. Лет пять поселок пустовал, а потом несколько барачков приспособили под биостанцию.

– ...в семидесятом году я проходила практику километрах в двухстах отсюда, в Кандалакшском заповеднике. Мы жили на острове, в большом и неуютном доме, часть которого была оборудована под лабораторию. Стояло удивительно теплое лето, мы много загорали и купались, а работали вечером и ночью, потому что был полярный день и нам не спалось.

– А куда подевались жители?

– Разбрелись кто куда. Некоторые обосновались поблизости на материке и иногда приезжают сюда на грибы и рыбалку. Но таких с каждым годом становится все меньше.

– Грустно все это.

«...мы познакомились тогда, в Крыму. Накануне моего отъезда вся компания засиделась в погребке неподалеку от ялтинского морского вокзала. Около полуночи ребята заторопились к набережной, чтобы успеть на последний катер, а мы вдвоем незаметно отстали и направились прямо в Массандровский парк – в нижнюю его часть, где позднее построили гостиницу «Ялта». Все, что произошло в ту ночь, было для нее нечаянным капризом, а я – я просто перепил тогда. Потом мы карабкались вверх, через какие-то заросли, мимо стройки санатория «Донбасс», по виноградникам, пока не выбрались на шоссе почти у самого Никитского сада. Там с трудом вдвоем втиснулись в кабину попутного грузовика, и, уже под утро, появились в лагере. Через час мне нужно было уезжать в Симферополь к самолету. В суматохе сборов, когда я едва не опоздал на автобус, мы не успели ни обменяться адресами, ни даже попрощаться. Это было больше десяти лет назад. И вот, позавчера, на рейде биостанции появилось экспедиционное судно. Так мы встретились во второй раз.»

«...Из Кандалакши нас возили километров на сто к югу – на остров Великий, на кольцевание птиц. Я чуть было не утонула на Купчининском пороге – широкой протоке, которая полностью обсыхает во время отлива, а в прилив за считанные минуты заполняется водой. Когда это началось, мы с подругой брали пробы грунта на самой середине, и спохватились, уже оказавшись на островке посреди стремительного потока. Мы взобрались на большой валун, но все равно утонули бы, не выручи нас лесник на катере.

Нас забросили на Великий на три дня, а пробыли мы там

больше недели - вышло из строя судно, которое должно было вывезти нас оттуда. Когда кончились продукты, перешли на подножный корм: Жарили уху без соли на морской воде и жарили грибы на тресковой печени вместо масла. Получилась эдакая современная робинзонада. Геологам на островах неподалеку пришлось хуже: у них кончилась пресная вода.»

«...что было после нашей первой встречи? Окончание университета, аспирантура, женитьба, развод, защита диссертации и несколько лет неторопливой работы в одном сонном научном заведении. Еще были две или три женщины, который уверяли, что ты им абсолютно не нужен, а на самом деле хотели и требовали слишком многого. В конце концов, вся эта чепуха надоела до тошноты и металлического привкуса во рту, до согласия заведовать никому не нужной, затерянной в беломорской глуши биостанцией.»

– А это детский сад.

Остатки площадки со скамейками и песочницами заросли высокой, по пояс, травой. Наружная дверь была сорвана с петель, и сквозь проем входа виднелись синие шкафчики для одежды, ровными рядами прикрепленные к стене.

– Дети, которые играли здесь, скоро закончат школу. Вряд ли они помнят этот поселок.

«...здание простоит недолго. Весной мы сняли для своих нужд шифер с крыши, и теперь осенние дожди быстро сделают свое дело. Хорошо, что у меня нет детей.»

– Пойдем отсюда.

«...однажды мы попали на весельной лодке во внезапный шторм. Берег виднелся невдалеке, но лучше бы его не было, потому что он представлял собой сплошную стену гранитных скал, высадка на которые не сулила ничего хорошего. Нас отнесило прямо на камни, и только отчаянными усилиями ребята удерживали лодку в сотне метров от полосы прибоя. Потом ветер покрепчал, и скалы стали быстро приближаться. Парни на веслах заметно приуныли, а мне вдруг отчаянно захотелось курить. Нужно было видеть, как вся команда, забыв о волнах, хлеставших через борт, пыталась разжечь для меня спичку. Наконец, дело было сделано, сигарета задымила, а ребята дружно налегли на весла и как-то сразу оторвались от предательского берега. Потом мы обогнули мыс, и причалили в сравнительно

спокойном месте. Товарищи поражались моему бесстрашию, а на самом деле я перетрусилась больше всех.»

«...сегодня ночью все было как тогда, в Крыму, хотя моя комната мало напоминает Массандровский парк. Перед тем была прокуренная кают-компания, тосты по случаю знакомства, и под шум пьяных голосов, под хриплую музыку по судовой трансляции нас опять потянуло друг к другу. Она почти не изменилась, только стала опытней и требовательнее, и поэтому мы лучше поняли друг друга.»

Медленно шагая по дощатым ступенькам, они поднялись на вершину утеса, у подножия которого виднелся полуразрушенный причал.»

– Слышишь музыку?

На корабле, ошвартованном у причала, включили магнитофон, и из рупора на палубе неслась мелодия, памятная со вчерашнего вечера.

– Весь рейс одно и то же?

– Репертуар меняется: они записывают вечерние радиопрограммы. А эта песня мне и вправду надоела.

«...вчера, однако, она была в самый раз. Нахватало только танцев на палубе при свете полярного дня. Как однажды на старом пароходе «Вологда», на котором я возвращался в Мурманск после тяжелой и на редкость бестолковой экспедиции. Почему-то запомнилась стоянка у острова Кильдин; на палубе танцевали, корабль был набит студентами из строительных отрядов, туристами и тому подобном публикой. Тут бы и меня потянуло на приключения, но помешали соседи по каюте: у нас был спирт, мы развели его зачем-то минеральной водой, и мне стало не до романтических подвигов.

– Мы уходим завтра. К утру будем уже в Архангельске, а там на поезд – и домой.

«...и мы снова расстанемся, словно бильярдные шары на зеленом сукне. Нас ведь ничто не связывает. Ни с кем не связывает. И мы никогда себе этого не простим.

– Видишь пепелище на мысу? Там когда-то жил старый лоцман. Он никогда нигде не учился, но на чердаке держал сундук, набитый книгами по навигации, лоцьями, старинными картами – не то архив, не то музей, который он охотно всем

показывал. Когда порт закрыли, он уехал с семьей на материк, где и умер года через два. Как-то сюда приехал на рыбалку его сын. В первый же вечер он напился и поджег отцовский дом. Потом он еще не раз появлялся здесь, и вел себя так, словно ничего не случилось.

«...наверное, так и нужно жить – не оглядываясь назад, оставляя пустыню за собой. Чтобы однажды, случайно вернувшись на пепелище, ничего не вспомнить, и спокойно миновать когда-то дорогие места».

– Тебе грустно?

– Нет, все хорошо. Все... будет хорошо.

Полночь была прозрачной и теплой, но потом, под утро, выпала обильная роса, окутавшая густым туманом заросли вереска и нижние ветви деревьев. Пламя костра помутнело, и все неохотнее выхватывало из сумрака поляну в сосновом молодняке, просторную желтую палатку и силуэт человека, сидящего на расстеленном плаще около костра. Неторопливо помешивая угли, он внимательно всматривался в сумерки, словно пытаясь разглядеть кого-то в густых зарослях молодых сосен.

Ожидание не было напрасным: дрогнули ветки, и от деревьев отделилась фигура юноши лет шестнадцати, который уверенно направился к костру и молча присел около огня.

«Вот мы и встретились, дорогой мальчик... Ты помнишь – три зеленые палатки стояли на этой поляне? Давным-давно, за год до окончания школы мы с одноклассниками провели здесь целую неделю, и лес до сих пор хранит эхо наших голосов.»

«Поляна находится на вершине холма. Метрах в двадцати от костра стоит заброшенная геодезическая вышка. Теперь она сильно обветшала, а в то лето на нее еще можно было взобраться. Сверху открывался вид на окружающий лес и слияние двух рек у подножия холма. Одна река, широкая и полноводная, делает излучину, огибая холм с двух сторон. Вдоль ее берега тянутся широкие заливные луга, кое-где поросшие кустарником, а у самой воды лежит узкая полоска мелкого песка. Здесь вы купались, загорали, а по вечерам, отбиваясь от комаров, пытались удить рыбу, но только однажды поймали на спиннинг двух небольших щук. В лагерь возвращались полевой дорогой и дальше по тропинке через лес, иногда сворачивая к сосед-

ною деревушку, чтобы купить парного молока.

Другая река, извилистая и мелкая, огибает лагерь с третьей стороны. Ее обрывистые берега спускаются к уютным лужайкам, на которых растут дубы, вязы и клены; густая зелень этих маленьких рощ составляет удивительный контраст со скупой аскетичностью окружающего соснового бора. Немного выше по течению русло реки переходит в глубокий каньон, сорокаметровые стены которого образованы выходами желтоватого с темными прослойками известняка. Здесь кончаются более или менее обжитые места, и начинается нетронутый и почти не посещаемый людьми лесной массив, который тянется на несколько десятков километров до самого Финского залива.»

«Ты с трудом найдешь это место. От шоссе нужно довольно долго идти через лес, и ты будешь плутать в лабиринте проселочных дорог, пока случайно не выйдешь к роднику, из которого мы когда-то брали воду. Он почти не изменился: уцелел даже небольшой водоем, который мы выкопали в плотном песке и укрепили камнями по краям. Окунув руки в студеною воду, ты словно приоткроешь невидимую дверь, и лес предстанет перед тобой в своем прежнем обличье, а в шуме сосен над головой ты услышишь знакомые, не приглушенные временем голоса.»

«Это продлится недолго. Жизнь разбросает вас, у каждого появятся новые заботы и новые друзья. Вы изредка будете встречаться, но мало что останется от прежней дружбы. И девочка, которая не смогла тогда поехать с вами – ты скоро потеряешь ее след».

«Ты никогда не забудешь ее, дорогой мальчик. Время будет стирать из памяти ее черты, голос, улыбку, но они останутся с тобой, потому что все твои женщины будут чем-то похожи на нее. Вы случайно повстречаетесь на улице спустя год или два, у тебя перехватит дыхание, и ты с трудом выдавишь из себя несколько вежливых фраз. Она уйдет, ее белый плащ еще долго будет виднеться в толпе, а ты никогда не простишь себе этой растерянности. Потом будет еще одна встреча – через много лет, непринужденный пустой разговор двух едва знакомых взрослых людей. Глядя на женщину с резким голосом и мелкими чертами усталого лица, ты почувствуешь раздражение и досаду, как человек, которого глупо и бестактно разыграли».

«Ты помнишь, по вечерам бывало душно, и мы часто засыпали, не застегнув спальных мешков. Но под утро бот так же выпадала роса, и пронизывающий холод пробуждал от самого крепкого сна. Мы потеряли счет времени: казалось, что весь мир состоит из запаха смолы, потрескивания костра и прозрачных сумерек июньских вечеров, и в этом мире не было места заботам, которые ждали нас в городе. Мы думали тогда, что все на свете зависит от нас, и потому свято верили в исполнение желаний.»

«Взмах руки, небрежное «до встречи» – так навсегда уходят люди, которых никак уже не заменишь, и только потом мы спохватываемся, судорожно пытаемся заполнить пустоту вокруг себя. У тебя будет много разлук, но особенно тебе запомнится та, первая, и еще одна, много лет спустя, в маленьком поселке на берегу Ледовитого океана. Ты будешь стоять в катере посреди узкого фиорда, и невидящими глазами смотреть вслед набирающему скорость кораблю. Он будет удаляться – ослепительно-белый на фоне темной воды и яркой зелени берегов, и женщина в голубой куртке все еще будет одиноко стоять на корме. Потом ты вернешься на базу и, не в силах вынести сочувственных взглядов товарищей по экспедиции, сбежишь от них, и целый день будешь бродить по берегу, пытаешься привыкнуть к своему одиночеству. К тому времени ты уже поймешь, что обстоятельства бывают сильнее нас, и единственное, что ты сможешь сделать – это найти снежник в расщелине скал, уткнуться лицом в его обжигающий холод и заставить себя не думать о том, чего вы с той женщиной не сумели сберечь.»

«Тогда подобные размышления мало тревожили нас. Мы просто стремились к самостоятельности, наивно полагая, что самим принимать решения легче, чем следовать чужим советам. Нам не приходило в голову, что жизнь – это система запретов и ограничений, нарушение которых неизбежно ведет к пустоте и одиночеству.»

«Ты не всегда будешь одинок. Будет август, побережье под Ригой и маленький коттедж в сотне метров от моря. Днем вы будете загорать под неярким, уже осенним солнцем, бродить по улочкам старой Виги или спастись от дождя в маленькой кондитерской, а по вечерам топить камин в гостиной, облицованной нарочито-грубым красным кирпичом. Холодными но-

чами в тесной спальне будет гореть электрический рефлектор, окрашивая ваши тела в странный ярко-оранжевый цвет. В безмятежности этих дней тебе покажется, что время остановилось, а на самом деле оно только слегка замедлит бег.»

«Ты убедишься в этом очень скоро. В ноябре того же года над Ригой будет висеть туман – промозглый, свинцово-тяжелый, и чувство одиночества будет еще острее оттого, что все это время ты будешь находиться в веселой компании. Камин в доме на окраине Сигулды будет коптить тусклым пламенем безнадежно сырых дров, и той же сыростью будет наполнен маленький ресторан на горе около замка Турайдской розы, где вы будете отогреваться коньяком, а потом на машине поедете в Ригу и в дороге попадете под ливень. И еще будет утро в гостиничном номере: ты будешь сидеть в креоле, жадно глотая табачный дым и стараясь не слышать дыхания спящей женщины, но об этом тебе никогда не захочется вспоминать, дорогой мальчик...»

«В ту пору мы не знали одиночества. Постоянное общение друг с другом было настолько привычным, что мы просто не допускали иной возможности. Нам казалось, что так будет всегда.»

«Со временем ты научишься ценить одиночество. В далеком южном городе на берегу теплого моря ты будешь просыпаться ровно в восемь от колокольного звона на церковной башне. Ты будешь один в том городе, в той стране, и тем приятнее будет растворяться в пестрой и беззаботной уличной толпе.

Днем у моря, а вечером в казино у развалин древней базилики, ты будешь чувствовать себя частицей какой-то особой общности: незнакомых людей, объединенных отрешенностью от повседневных забот и полным отсутствием взаимных обид и одолжений.»

«Лес казался нам одушевленным существом, и скоро его язык стал близок и понятен нам. В заболоченном ельнике неподалеку от реки мы нашли «Венерин башмачок» – редкое вымирающее растение, почти исчезнувшее в окрестностях больших городов. Глядя на этот случайно уцелевший цветок, мы восхищались им, не думая о том, что вопрос жизни и смерти – тоже дело нелепого случая.»

«Ты познакомишься со смертью, дорогой мальчик. Обес-

силенные, вы будете лежать втроем на снегу и думать о том, до чего глупо умирать лунной февральской ночью в каком-то десятке километров от человеческого жилья. Страха уже не будет: на смену ему придет безысходная усталость и досада от сознания собственного бессилия. Потом ты начнешь засыпать, и видения, которые тебя посетят, не будут ни прекрасны, ни дороги – они будут бессмысленны и тяжелы, и после ты с трудом сможешь восстановить в памяти события этой ночи. Вас обнаружат совершенно случайно, после истечения всех мыслимых сроков, благодаря тому только, что одна из поисковых групп на обратном пути сама собьется с дороги. И ты сумеешь встать и пойти за ними, позабыв на эти последние десять километров про двое суток голодного пути через лютую стужу заполярного февраля, с тяжелым грузом, по льду, обходя предательские разводы, припорошенные снегом; когда в темноте замерцает тусклый огонек в окне занесенной снегом избышки, ты прибавишь шаг, и рухнешь замертво, только переступив порог...»

«С нами была собака – умная и послушная гончая по кличке Тайфун. Приученный с своим охотничьим обязанностям, он с утра до вечера рыскал вокруг лагеря в поисках дичи, не ведая, что на этот раз хозяин не взял с собой ружья. Однажды, гоняясь за лисой, он сильно повредил лапу. Мы нашли измученного пса километрах в пяти от лагеря. Когда его на руках принесли домой, он, шатаясь, проковылял к своей миске, долго и жадно пил, а потом свалился как подкошенный, и проспал до утра. Искренне жалея бедное животное, мы считали глупым его бессмысленный охотничий азарт. Мы гордились логикой своих поступков и не понимали, какое это наслаждение – гоняться за химерой.»

«Железная дорога проходит километрах в десяти от лагеря. По вечерам ветер иногда доносил шум проходящих поездов, и этот звук напоминал нам о дорогах, к которым каждый из нас готовил себя. Мы жили ожиданием будущего. Мы были полны сил и энергии. Впереди лежал огромный мир, и казалось, что он по праву принадлежит нам. Мы не смогли бы представить себе, что в жизни все может обернуться по-другому.»

«У тебя будет много дорог, дорогой мальчик, много дальних и интересных дорог, и ты нескоро поймешь, что это только хождение по кругу, и что все они ведут на поляну в лесу, с

которой ты однажды отправился в путь. И когда ты вернешься туда, из темноты выступит фигура мальчишка, которым ты был много лет назад, а тебе будет трудно оправдаться перед ним.»

«Мы были полны сил и энергии, Впереди лежал огромный мир, и казалось, что он по праву принадлежит нам. Мы не смогли бы представить себе, что все выйдет по-другому.»

...Сначала была раковина. Бог весть, кем и когда привезенная из тропиков, она лежала на ночном столике, тускло мерцающая краями, отполированными временем и сотнями людских прикосновений. Приложив ее к уху, можно было услышать звук, похожий на рокот прибора.»

Потом был вечер, улица, фонари, и мы шли куда-то, спасаясь под зонтами от мелкого осеннего дождя.

Потом была комната. Даже не комната, а низкий сводчатый зал, где собралась толпа, с которыми я был знаком, или случайно встречался когда-то. Они спокойно беседовали, хотя многие из них виделись впервые, а некоторых вообще уже не было в живых.

...Вспомни железнодорожный разъезд в карельской глуши – два домика и три озера, которые после первых октябрьских морозов только начали подергиваться голубоватым льдом. «Проклятая дождливая страна» – сказал ты тогда, а ведь стояли ослепительные солнечные дни, последние перед наступлением зимы. Вам нужно было срочно вывезти экспедиционное оборудование с островка посреди одного из озер. Идти по льду было нельзя; вы – одолжили у путевого обходчика легкую дюралевую лодку и за несколько часов добрались до острова, отталкиваясь багром и, как на буере, скользя по поверхности непрочного льда. Вспомни начальника геологической партии, который приютил и выручил вас; вспомни, как через несколько лет вы встретились при других обстоятельствах, и каким невзрачным тихим пьяницей он оказался тогда.

Потом была музыка и перегородженный золотистыми занавесками зал большого ресторана, где мы сидели с друзьями. С нами была девушка, имени которой я так и не узнал. На эстраде рыжеволосая певица, в зеленом платье, словно сошедшая с лотрековской афиши, пела какое-то старое танго. У нее был низкий хрипловатый голос; иногда она переходила на ре-

читатив: «Пой, Пьеро!.. громче пой: она услышит, она придет, кого-то бросит, и проведет остаток ночи с тобой...»

Потом была незнакомая квартира, шум голосов и табачный дым, к запаху которого примешивался иной, более приторный и навязчивый аромат. И внезапно погашенный свет, и чьи-то руки на плечах, и женский шепот: «Все вы тут дерьмо. И ты – такое же дерьмо, как остальные...»

Потом был бульвар в центре Петербурга у Конногвардейского манежа, и на бульваре, в вечерних сумерках, со зверским ожесточением дрались глухонемые. Их никто не пытался разнять, и в тишине, нарушаемой мычанием и глухими звуками ударов, было жутко видеть перекошенные лица и дикие выкрики на безмолвном мимическом языке.

Потом был крытый стадион, под сводами которого горели прожектора, высвечивая невысокий, заставленный аппаратурой помост. В тот момент, когда гитарный проигрыш достиг самой высокой ноты, музыка вдруг оборвалась. В наступившей тишине солист отбросил со лба светлые спутанные волосы, прилепил медиатор над бровью и, едва касаясь струн кончиками пальцев, выдохнул в микрофон: «И только утро... срывает маски. Не узнаете? Это – те, кого мы любим...»

...Ты проснешься ночью, когда до твоего окна долетит ветер оттуда, где в эту минуту светит незаходящее солнце полярного дня. Он принесет с собой крик чаек, запах водорослей на берегу в отлив, водянистый привкус морошки и журчание воды, стекающей с весла. В ту ночь ты заново переживешь, все, что не сумел забыть за десять лет, но назавтра будет южный самолет, голубая вода горного озера, а после возвращения жизнь быстро войдет в привычную колею.

Вспомни биостанцию в нескольких бараках заброшенного беломорского лесозавода – ветхий деревянный причал, присыпанные толстым слоем истлевших опилок улицы безлюдного поселка, странную, призрачную атмосферу брошенного жилья. В комнате стояла большая, в полстены, печь – вспомни, как однажды вечером в ней весело гудело пламя, отблески которого мерцали на побеленных стенах и в рассыпавшихся по подушке волосах той, что разделил твой ночлег...

В журнале «Вокруг света» (№5 за 1983 год) человек, подписавшийся В.Опарин, вспоминал о событиях пятнадцатилетней

давности: «Как-то однажды в ветреную осеннюю ночь, возвращаясь на свой кордон, я пристал к острову Анисимов. ... В домике никого не было. Хорошо протопленная печь источала сухое тепло. На столе стояла керосиновая лампа. Я зажег ее и осмотрелся. Вряд ли где-нибудь на свете существовал более необычный кордон... Картины, писанные маслом, висели на стенах, в простенках, а некоторые даже над окнами, у самого потолка. Возле печи стоял диван – ножками и спинкой ему служили коренья сосны, обработанные и покрытые лаком. Вся печь была разрисована. Она напоминала шахматную доску: одни клетки темные, другие – светлые. Рисунки в клетках имитировали изразцы, В углу возле батарейного приемника – скульптура: портрет широкоскулого старика. Над столом – длинная полочка бумаги с латинской надписью. На этажерке – справочники, определители птиц и растений, книги на иностранных языках. На столе лежал раскрытый журнал для дежурных записей и фенологических наблюдений. Неожиданно дверь открылась, и на пороге появился хозяин. За нехитрой трапезой мы просидели до глубокой ночи, и все больше говорили о янтаре...»

Пожелтевшая любительская фотография. В кадре – низкий берег с прилепившимся к нему домиком и наплавной причал, у которого двое мужчин швартуют катер. Стоящая рядом девушка обернулась в сторону моря: светлые волосы чуть спутаны ветром, открытый внимательный взгляд, спокойное и приветливое выражение удивительно юного лица... На обороте карточки – карандашная надпись незнакомым почерком: «Анисимов, Белое море, июль.»

А потом было утро – никому не нужное утро, когда рассвет начал неохотно пробиваться сквозь пыльное окно, а ветер из форточки сдвинул на секретере клочок бумаги с обрывками строчек: «...листопад постучался в ваши двери; вы оброните улыбку, и вязание положите на стол...»

1983

Никифоров Владимир

СЫТЫЙ БЫТ ТЫНДЫ.

БЫЛЬ

Мысль Тынды – быть сытым. Сны Тынды – быть сытым.
Мысль Тынды, сны Тынды, смысл Тынды – быть сытым!!!

Бык был лысым. Лысым-лысым. Бык был, бык был дрын. Бык слыл сытым.

Бык-сын был рыж. Был! Бык-сын – лысый! Бык-сын был.
Хнычь, бык-сын, хнычь! Быть лысым, лысым, лысым... Бык-сын был сыр. Сыр был мытым, сырым. Был пыл – бык был. Бык был, бык был... Мыл-мыл, мыл-мыл... Сыр был – сыр слыл!

Ты бы сыр был? Был бы пыл! Ты бы мыл-мыл, мыл-мыл...
Сыр был – сыр слыл. Сыр слыл? Ты сыр скрыл! Вынь сыр, ты! Скрыл бы ты сыр – был бы втык! Дык! В дык! В дык!

Быт Тынды стылый, брыдлый... Вырыть бы тыщ , в Крым бы!

Сыч был слыльным. Сыч вырыл мышь. Сыч прыг, мышь брык!
Сыч вырыл мышь – был сытым. Сытый сыч взмыл ввысь.
Быстрый!

Ты бы вырыл мышь – ты был бы сытым. Мышь? Сытым? Сыр бы вырыть! Сыр – сытный.

Вырыл бы ты рысь – взмыл бы ты ввысь! Ты – ввысь?! Рысь...
Клык... рык... Ты бы – прыг, прыг... Тыр-пыр... Рысь бы:
«Цып-цып-цып...» Ты бы: «Кыш! Брысь!» Ты бы – шыг в дыры!

Мыс Рынды. Рынды... Дзынь-дзынь... Мыс Рынды – лысый мыс, мыс брызг. Сныть... Зыбь... Дымы... Рыбы, рыбы...
Выдры, выдры... Выдры – грымзы. Выдры – мымры! Выдры – сыны Тынды. «Ы выдры сыты, ы рыбы мыты...»

Стылый, брыдлый быт Тынды... Мыть, мыть, мыть...
Бык вымыл дрын, вымыл хлыст. Пыж, тын, стык крыш, смык
лыж – вымыты. Вымыл клык, вскрыл прыщ, смыл сыпь... Бык
сытый, бык мытый!

Сытый быт Тынды. Рты Тынды сыты. Бык сыт, бык-сын сыт.
Сыт сыч. Сыты рыбы, сыты выдры. Рысь, выпь, лызь – сыты.
Ты – сытый, вы – сыты, мы – сыты. Мыс Рынды – тыл сытых
рыл Тынды... Сыты сыны Тынды.

Смысл Тынды – быть сытым. Сны Тынды – тыщ, в Крым,
вдрызг, в дым!

Пуговкин Андрей Петрович

Выпускник 1971 г., преподаватель интерната в 1975 – 1986 гг., д.б.н., профессор Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета.

Школа человеческих отношений

Идея этих заметок родилась почти четверть века назад, в эстонском городе Пярну, где мы случайно встретились во время отпуска с бывшим директором интерната А.А. Быковым. Эстония была родиной Александра Александровича: его дед, потомственный офицер русской армии и участник Белого движения, эмигрировал туда после Гражданской войны. К тому времени мы оба уже давно не работали в Интернате, но разговоры во время почти ежедневного общения неизменно возвращали нас в дом на улице Савушкина.

Университетскую школу окончили очень разные люди, но каждый из них может назвать точную дату начала собственной взрослой биографии. Для автора этих строк таким днем стал понедельник, 19 мая 1969 года. Накануне был письменный экзамен по математике, который я успешно выдержал в силу счастливой случайности. Нужно сказать, что идея попробовать поступить в интернат № 45 возникла в последний момент. Учился я в ленинградской школе № 183 с углубленной программой по английскому языку. Математика, физика, химия и биология считались там «непрофильными» предметами, хотя учителя были сильные (ранее ту же самую школу окончил легендарный интернатский физик Александр Иеронимович Филиппович, который очень высоко ценил этих педагогов). Наличие нескольких дипломов городской биологической олимпиады позволяло претендовать на место в химико-биологическом классе. Получив вариант письменной контрольной работы по математике, я с удивлением увидел задачи, на решение которых нас «натаскивали» в школе. Это принесло успех, хотя позднее мне пришлось преодолевать значительное отставание от одноклассников в осмыслении и понимании основ математики и физики.

На следующий день, честно отсидев шесть уроков в классе, я сел возле станции метро «Чернышевская» на скрипучий неповоротливый на автобус № 80 и, в буквальном смысле слов, отправился в путешествие из детства и отрочества во взрослую жизнь. Я никак не мог предположить, что первые же люди, которых встречу через полчаса в здании на улице Савушкина – а это были А.А.Быков, Е.А.Нинбург, А.И.Филиппович и А.А.Тишкова (тогда еще просто Аннушка, студентка филологического факультета), будут играть важную роль в моей жизни на протяжении четырех десятков последующих лет. А когда их не станет – навсегда возникнет ничем не заполняемая пустота.

О фантастически высоком уровне преподавания практически всех учебных дисциплин, которым интернат славился в 1960-80-е годы, написано немало. Это соответствовало особому государственному статусу, которым в то время обладали только четыре университетских интерната на всей территории СССР. Подход к обучению с самого начала основывался на простой и четкой парадигме: полноценное развитие личности возможно лишь тогда, когда ее обладатель способен с математической точностью ориентироваться во времени и пространстве. Такую возможность дают естественные науки – физика, химия и биология, а важнейшим инструментом является их математический аппарат. Следовательно, даже если человек по роду своих занятий является сугубым гуманитарием, его образование не может считаться полноценным, если оно не опирается на солидную естественнонаучную базу. Поэтому главное в образовании – не профориентация, а самоценность получаемых знаний.

ФМШ № 45 формально не являлась структурным подразделением университета, и это защищало ее от превращения в «придворные» подготовительные курсы для абитуриентов. Преподаватели интерната хоть и были тогда очень молоды, но значительно лучше современных маститых «теоретиков» средней школы понимали разницу между общим образованием и основами профессиональной подготовки. Вот почему среди выпускников физико-математической в своей основе школы не только сотни ученых в этих и смежных областях, но

также немало известных философов, экономистов, политиков, бизнесменов и деятелей искусства. Это и позволяет с полным основанием ставить интернат эпохи его расцвета в один ряд с такими учебными заведениями, как Итонский колледж в Великобритании и лицей Людовика Великого во Франции.

Но самой удивительным явлением был даже не высочайший уровень учебного процесса, а абсолютно серьезный, «взрослый» стиль общения между учениками и учителями, которые, как уже говорилось, сами тогда были еще очень молоды. Это была почти студенческая компания, долгие годы сохранявшая удивительную сплоченность, постепенно взрослея и пополняясь в, основном, за счет выпускников. Отсюда и моральный климат, основанный на том, что сегодняшний ученик лет через пять может оказаться твоим сослуживцем.

В этом не было ни тени фамильярности или панибратства. Существовала ненавязчивая, но достаточно строгая дисциплина, необходимая возрастная дистанция между учителем и учеником соблюдалась, а вот мера ответственности делилась между ними поровну. Снисходительных скидок на возраст здесь не существовало. Это создавало большую психологическую нагрузку, не все ее выдерживали в 16 лет, но обучение в интернате, как правило, далеко от дома, само по себе было непростым делом – тем более, что большинство учеников при всех социальных и географических различиях, были «домашними» детьми, выросшими в атмосфере родительской любви и надежды на их успешное будущее. Кстати, характерный для советских времен политический расчет на интернат как «социальный лифт» для одаренных детей из провинции и исключительно рабоче-крестьянского происхождения, оправдался лишь частично. В разные годы его действительно окончили несколько десятков фантастически талантливых ребят из глухой глубинки, практически «от сохи». Их последующие профессиональные и жизненные успехи – огромная заслуга школы. Но абсолютное большинство учащихся составляли не они, а дети служилой интеллигенции – врачей, учителей и военных. Сходный социальный состав наблюдался среди тех, кто поступал в интернат из Ленинграда и области (тогда они составляли одну административную единицу). Вопреки распространенному

заблуждению, таких учащихся принимали на совершенно законном основании, по квоте, которая в конце 1970-х годов достигала 20% от общего набора. Они особенно стремились в биологическую группу, поскольку других школ такого профиля в Ленинграде, да и во всей стране, тогда не было.

В интернате каждый получал возможность лично оценить меру собственных природных способностей. Поскольку стандарт был изначально высок, комплексов и обид, как правило, не возникало, зато закладывалось умение работать в команде, подчиняя личные амбиции общей цели. Те, кому эта моральная ноша оказывалась не по силам, порой, даже при хорошей успеваемости, уходили сами. Их никто не удерживал, и некоторые потом долгие годы сохраняют дружеские отношения с бывшими одноклассниками. Меньше всего это было похоже на легковесную и пустую «школу детской радости», которую позднее принялись насаждать по всей России.

Интернат был, наверное, единственным средним учебным заведением в советском Ленинграде, где не было обязательной в ту пору школьной формы и «кабинетной системы». Ношение форменной одежды было добровольным делом, а занятия, за исключением лабораторных работ, проходили в классе, где у каждого ученика имелось свое постоянное рабочее место. Сознание того, что рядом нет случайных людей, стимулировало уважение к окружающим. Интуитивное понимание, что именно здесь формируется круг общения на долгие годы вперед, заставляло вдвойне считаться с мнением окружающих о себе. Возможно поэтому среди выпускников интерната разных лет так много супружеских пар. Столь же интуитивным, но, как показала жизнь, совершенно правильным было чувство сопричастности большому и важному делу, сознание особой исторической миссии интерната. Разумеется, между подростками случались личные конфликты, но обычные в массовых школах жалобы родителям и начальству, равно как и рукоприкладство, были почти неслыханным делом.

Такие взаимоотношения прямо восходили к традициям наиболее известных средних учебных заведений исторической России, и это не было случайностью. У истоков интерната стояли носители традиционной российской культуры

высочайшего уровня: выдающийся физик академик А.Д. Александров, профессора-биологи А.С.Данилевский – праправнук А.С.Пушкина и внучатый племянник Н.В.Гоголя и Ю.И.Полянский – потомок поэта К.К.Случевского, директора Б.В.Борисов и А.А.Быков, старший воспитатель А.О.Пускова и другие. Они ежедневно, своим личным примером «транслировали» питомцам тот уровень человеческих отношений, который к тому времени уже полностью утратило советское общество. Закономерно, что к окружающей советской действительности они относились здраво и без фанатизма. Свое мнение о ней имела и доцент исторического факультета Е.М.Косачевская, которая курировала от университета преподавание «идеологических» гуманитарных предметов. Вдова бывшего ректора ЛГУ А.А.Вознесенского, расстрелянного в 1950 году по «Ленинградскому делу», она сама провела 7 лет за колючей проволокой.

Повседневное общение с такими людьми и представляло собой воспитание – без показательных казенных мероприятий (похоже, мы были единственной школой в СССР, где комсомольская организация существовала только на бумаге), но с поразительно успешным, как рассудила история, конечным результатом.

Карцова Анна Алексеевна

Мелом на зеленой доске

Феномен интерната (феномен в переводе – явление) так до конца и не понят. Как много вместилось в прекрасной и непростой его судьбе! Возвращаясь в прошлое с «контрабандой настоящего», пытаешься осознать, что же произошло в судьбе тех, кто учил и учился.

Память извлекает детали и подробности (как точно заметил Мераб Мамардашвили: «Память – наличие всего в одном моменте»), в которых находишь порой ответы и на главные вопросы. Ученики и Учителя – содружество, на котором держится эта школа. Пока интересны друг другу, такой союз возможен и необходим.

В здании школы (ст. Петергоф) на втором этаже, в коридоре есть доска, и как полагается, мел.

Кто-то к кому-то обратится или сразу ко всем.

Кто-то ответит.

После зимних каникул: – Как Новый год, люди?

Ответ: – Отлично. Люди.

Или... «Какая температура тела у курицы?»...

Очередная запись: «...Человек может заблуждаться; основание этой возможности заблуждаться коренится в ограниченности его от природы...» (Иммануил Кант).

И чуть ниже: «...Человек не может правильно судить о степени добродетельности других людей по их поступкам, и только тот может сохранить за собой право судить, кто способен проникнуть в тайники человеческого сердца...» (Иммануил Кант).

На уроке литературы – «Отцы и дети» Тургенева. А наши ученики – в основном, будущие естествоиспытатели.

Споры на тему «Порядочный химик в 20 раз полезнее всякого поэта» не утихают.

– Конечно, химик! Доказательством его правоты являются не только слова.

– У поэта душа, а химик...?!

– Все проходит, а духовные ценности вечны...

- Поэта надо «услышать». Должна быть готовность аудитории.

- Представьте ситуацию, что химик и поэт попали на необитаемый остров. Как поэт может обеспечить себе существование?!

- Поэт не может жить без вещей, синтезированных химиком. А химик вполне может прожить без стихов... Оказалось, не может...

...14 февраля... День Святого Валентина - День влюбленных.

- Ну, как же без любви?! На зеленой доске в школьном коридоре нарисовано мелом бензольное кольцо с деформированным распределением π -электронной плотности в виде сердечка.

А ниже: «Счастье - это неизбежно».

В 10-м классе Дима Ярошенко написал: «...Интернат - это одно большое ЗДОРОВО!», а через много лет, будучи аспирантом химического факультета, как будто продолжил: «..Существуют такие события, которые подобно линзе, собрав множество ниточек человеческих судеб в пучок, способны направить их вперед цельным однородным потоком. Для нас таким событием стало поступление в Академическую Гимназию (в наш интернат). Разве мог я тогда даже предположить, что делаю первый шаг на пути к судьбоносной встрече с будущей супругой?...».

Да,

«...Все начинается с любви...

Твердят: «Вначале было слово...»

А я провозглашаю снова:

Все начинается с любви!..» (Р. Рождественский)

И это тоже долго не стиралось с доски.

Союз по любви.

Кто-то сбоку приписал: «А короли не могут!».

И сразу отклик: «И не только короли!».

Свои стихи, не свои, но как будто тебя слышали, и, значит, почти свои.

...Так я молчу, не зная, что сказать,

Не от того, что сердце охладело.

Нет, на мои уста кладёт печать
Моя любовь, которой нет предела...

Мне как-то призналась хорошая приятельница: «А я по-настоящему так никогда и не любила».

И не сможешь! И любящий в этой жизни – всегда над... И страшно это состояние потерять: ...снег будет просто снег, и дождь – просто досадный дождь, и рука в руке, просто – рука в руке... И не пишутся стихи...

...Пикассо однажды спросили: «Важнее ЧТО или КАК?» Он ответил: «КТО». Это я почерпнула с зеленой доски.

После школы, закончив успешно химический факультет, некоторые выпускники интерната «ушли в школу». Хотелось по образу и подобию повторить, продолжить и создать свою школу. Когда на международном конгрессе в Тарту декан химического факультета с гордостью говорил о призерах международной олимпиады по химии из Эстонии, слышать это было довольно приятно: призерами оказались ученики нашей Тани Третьяковой.

При присуждении её бывшей однокласснице, выпускнице химического факультета Наташе Симоненко звания «Учитель года», был задан вопрос: «Что такое хороший урок?».

Она ответила: «Хороший урок – это когда ученик просит: Вызовите меня к доске, потому что я ничего не понял». Ее ученики поступали (и поступили) и в Академическую гимназию, и на химический факультет СПбГУ. Наташа первая в стране стала проводить уроки химии во втором классе, уроки маленьких волшебников. Дух захватывало!

Умела слышать и слушать.

В один из приездов со своими учениками в интернат на Вечер химиков она написала на доске «...Святая наука – расслышать друг друга, сквозь годы на все времена...». Ах, как она исполняла эту песню!

Ее книга «Химия во втором классе. А почему бы и нет?» и наша совместная статья «Когда изменяемся мы, изменяется мир» увидели свет, когда Наташи уже не было. В известие о трагической гибели поверить было невозможно. В Мурманской гимназии № 50, где так вдохновенно и красиво работала Наташа (Наталья Геннадьевна), в вестибюле висел огромный плакат: «Неправда, друг не умирает, он рядом быть перестает».

Что за страшный рок: 17 декабря в 7 утра выйти из дома на работу в свою школу и не заметить из-под капюшона мчащийся в туманной утренней морозной темноте автобус. Он вынырнул из-за огромного холма и...

Кто нарушил? Кто виноват? В поисках ответов не было никакого смысла, столь велико было горе, оглушившее и обессилившее тех, кому это надо было пережить. Утренние газеты 30 января 1999 года в Мурманске вышли с краткими и горестными сообщениями о гибели Наташи.

На ежегодные вечера химиков съезжаются выпускники отовсюду. Если в течение прошедшего года были потери, вместо слов – песня Наташи. Она сама выбирала тональность: искренне, сдержанно, тактично.

Вечер химиков 2000 года был без Наташи, без Наташи на этой Земле.

В записи звучал ее голос «Где-то есть город...» (Ах, как она пела!), а первоклассница Катя, дочка лучшей Наташиной подружки, фантазировала на сцене в потрясенном зале свой танец...

«...Жизнь на то и дана, чтобы всякий раз начинать ее заново... При этом не все, что случается – к лучшему... И все равно лучшего – больше...»!

Я знаю, кто это написал. Человек талантливый, восприимчивый и... одинокий, как-то обратившийся ко мне или к себе (я так и не поняла) с вопросом: «Кто это придумал: «лишние люди»? Разве такие бывают?».

...

Недавно появилась запись: «Все плохо, очень плохо! «Зенит» проиграл».

Как хотелось бы, чтобы только это и было самым плохим в их жизни...

СОДЕРЖАНИЕ

Анна Александровна Тишкова	4
Интернату 50 лет! И он есть!	5
От составителей	8
ШЕСТИДЕСЯТЫЕ	9
Березин Сергей	10
Горелов Вячеслав	12
Ковнер Сергей.....	24
Костоломов Михаил	31
Левин Игорь.....	36
Скворцова Ирина	53
Труфанов Александр.....	56
Ястребов Михаил.....	67
СЕМИДЕСЯТЫЕ	79
Круглов Сергей	80
Межуев Игорь.....	81
Незговорov Николай.....	86
Сараджева (Стрекаловская) Нина	99
Турунов Юрий	113
Хайрутдинова Юлия.....	121
Фокин Юрий	128
Цымбаревич Олег	134
ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ	141
Бураго Дмитрий	142
Вендик Ольга	153
Гудичи Григорий и Светлана.....	165
Горченко Юлия.....	166
Карлин Александр	168
Колесникова Татьяна.....	187
Никифоров Владимир	193
Сальников Глеб	207
Тетерин Александр	217

ДВУХТЫСЯЧНЫЕ.....	221
Данилова Стефания.....	222
Качаев Александр.....	232
Малакей Екатерина	234
Рубан Максим.....	235
Савватин Михаил	236
Цветкова Дарья	241
ПРЕПОДАВАТЕЛИ	245
Тишкова Анна Александровна	246
Карцова Анна Алексеевна.....	250
ПРОЗА	255
Белоголов Владимир.....	256
Березин Сергей	268
Бураго Дмитрий	278
Волкова Галина	281
Горелов Вячеслав	309
Карлин Александр	323
Ордан Андрей	329
Сморозин Сергей Викторович.....	332
Никифоров Владимир	350
Пуговкин Андрей Петрович	352
Карцова Анна Алексеевна.....	357

ЭХО
Литературный сборник
Выпуск IV

Компьютерная верстка: Игорь Мухачев

Подписано в печать 01.10.2013. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,2.
Тираж 1000 экз. Заказ № 173Р.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, Обводный канал, д. 40.

Тел./факс (812) 766-05-66
E-mail: renome@comlink.spb.ru
www.renomespb.ru